

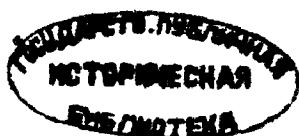
БОРЬБА

КЛАССОВ № 9

**СЕНТЯБРЬ
1935**

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

5-й год издания

В. Жебровский

ПЛАМЕННЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПАРТИИ

Крупнейшее первостепенное значение теоретического вооружения партии неоднократно подчеркивалось основоположниками и учителями большевизма Лениным и Сталиным на всем протяжении истории большевистской партии.

Ленин и Сталин неизменно указывали, что без знания истории большевистской партии, истории международного рабочего движения нельзя быть сознательным, передовым бойцом ленинской партии.

История большевистской партии является одним из важнейших и острейших орудий в борьбе за генеральную линию партийной политики, в борьбе со всеми врагами рабочего класса.

История нашей партии, опыт ее борьбы, стратегии и тактики также имеют исключительно важное значение для международного коммунистического движения.

Закончивший свои работы VII всемирный конгресс Коммунистического интернационала, подведший итоги ге-

роической борьбе международного пролетариата и наметивший программу дальнейшей борьбы, сплочения пролетарских сил, организации единого фронта, борьбы против фашизма, против империалистической войны, против готовящейся контрреволюционной войны против СССР, вновь и вновь обращался к великому, непревзойденному опыту ВКП(б), к ее политике, тактике и стратегии, к ее организационному опыту, являющимся образцом для всего мирового коммунистического движения. «История нашей партии, партии Ленина—Сталина, самая великая, самая богатая, самая блестящая страница в истории борьбы трудящихся всего мира» (Л. Каганович).

В своем историческом письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» товарищ Сталин еще в 1931 году поставил в центре внимания всей партии задачу научного, большевистского изучения истории партии.

«Поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии

на научные, большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски»¹.

Однако нужно со всей определенностью заявить, что научная, большевистская разработка исключительно большого, богатого исторического материала нашей партии подвигается сравнительно медленно и отстает от возросших запросов партии, отстает от возросших запросов международного коммунистического движения. Ведь один тот факт, что такие важнейшие, первостепенного политического и исторического значения материалы, опубликованные в исключительно ценном докладе тов. Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», впервые стали известны широким партийным массам недавно, является серьезнейшим показателем все еще не удовлетворительного состояния научного участка истории партии.

Если взять наши учебники и монографии по истории партии, не говоря уже о статьях, посвященных истории ВКП(б) в Большой и Малой советской энциклопедиях (например статья тов. Арк. Абрамова во II томе 2-го изд. МСЭ), то нужно со всей определенностью подчеркнуть, что все они — одни в большей, другие в меньшей степени — содержат ряд значительных пробелов и даже ошибок принципиального и исторического порядка (неправильная оценка роли и характера народничества, недооценка международного значения выступлений Ленина в 90-х годах).

Ряд важнейших боевых проблем из истории большевизма, его непревзойденная тактика и стратегия, массовые политические кампании большевизма, блестящее применение им тактики единого фронта, роль и значение в истории большевизма таких крупных промышленных центров, как Баку, Тифлис, Киев, Харьков, Донбасс, Днепропетровск, вскрытие и разоблачение центристских ошибок таких пар-

тий, как социал-демократической партии Польши и Литвы и латышской социал-демократической партии, борьба с ними большевиков — все это требует более полного и систематического освещения на страницах истории партии. Крайне недостаточно вскрыты корни, источник капитулянтства, двурушничества и предательства Каменева и Зиновьева.

Недостаточно в существующих учебниках также отражена та исключительно большая, всемирноисторического значения борьба с международным оппортунизмом и центризмом, которую вела наша партия за создание Коммунистического Интернационала.

Доклад тов. Берия, опубликованный в газете «Правда» и выпущенный Партиздатом сотысячным тиражом, «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» имеет крупное политическое значение и, безусловно, является ценнейшим вкладом в изучение истории партии. Этим объясняется тот огромный интерес, который проявляется к этому докладу со стороны партийных, комсомольских и беспартийных масс.

Доклад тов. Берия освещает ряд новых блестящих страниц в истории большевизма, в том числе такой старой и боевой организации, какой является закавказская организация большевиков, из рядов которой вышли вождь и учитель мирового большевизма товарищ Сталин, С. Орджоникидзе, М. Шаумян, А. Джапаридзе, Камо (Петросян). Доклад тов. Берия является образцом разоблачения фальсификаторов и извратителей истории партии. В докладе тов. Берия дан сокрушительный отпор попыткам фальсификации истории закавказской большевистской организации со стороны товарищей Ф. Махарадзе и А. Енукидзе, а также вскрываются ошибки, имеющиеся в работах тов. Орахелашвили.

Доклад тов. Берия еще и еще раз напоминает нам о необходимости повышения большевистской бдительности и непримиримости в теоретической работе, в частности в работе по истории партии.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 477. Партиздат. 1934.

Первостепенное политическое значение имеют те материалы, документы и факты в докладе тов. Берия, которые непосредственно относятся к нашему вождю и учителю товарищу Сталину, к его славной, героической борьбе в рядах закавказских большевиков.

Доклад тов. Берия насыщен новыми (к сожалению, до сих пор не переведенными на русский язык) материалами первостепенной исторической важности, которые ярко и полно обрисовывают условия, обстановку, в каких складывался и формировался гений великого знаменосца, продолжателя дела Маркса — Энгельса — Ленина, товарища Сталина.

Доклад тов. Берия знакомит нас, как в огне классовых битв, в героической борьбе тифлисских, батумских, бакинских рабочих родился, вырос и закалился гений Сталина. В героических, мужественных схватках закавказских рабочих, на перекрестке больших исторических дорог, на стыке Европы и Азии, там, где скрещивались интересы международного капитализма (нефть, марганец), где все противоречия царской деспотии были особенно заострены, где политический, экономический гнет дополнялся невиданным гнетом национальным, в сложном переплете политическом, хозяйственном, национальном получил свое первое боевое крещение в 1897 — 1898 годах товарищ Сталин. С первых дней своей революционной деятельности товарищ Сталин находится в передовых рядах борцов ленинско-искровского направления.

Вдохновляющая, организующая и руководящая роль товарища Сталина как теоретика и организатора большевизма видна из каждой страницы доклада тов. Берия. Товарищ Сталин, тогда еще 20-летний молодой орел, с бесстрашием, последовательностью и непримиримостью бросается в битву, твердо и неуклонно борется за торжество победы марксистско-ленинских принципов, последовательно, шаг за шагом, вскрывает и разоблачает оппортунистическую, предательскую

роль закавказских соглашательских партий: грузинских меньшевиков, армянских дашнаков, мусаватистов, примиренцев и уклонистов в рядах большевиков.

Теоретические, публицистические выступления товарища Сталина блещут исключительным мастерством, умением владеть марксовой диалектикой, умением видеть сложность рассматриваемых явлений и показывают огромную разносторонность молодого Сталина. Как все гениальные произведения великих учителей пролетариата, произведения товарища Сталина уже того периода, в особенности такие, как «Вскользь о партийных разногласиях», «Ответ социал-демократу», «Анархизм или социализм», никогда не стареют и остаются вечно новыми, политически актуальными и читаются с захватывающим интересом. Вместе с тем произведения товарища Сталина являются классическими не только по блестящему анализу, характеристике обстановки, движущих сил революции, партии, задач, методов, форм партийной работы, но и по меткости, четкости характеристик политических партий, деятелей, по литературным образам.

Непоколебимая верность делу пролетарской революции, беспощадность и непримиримость к врагам ленинизма, величайшая любовь и преданность своему учителю Ленину — таков Сталин с первых дней выхода на историческую арену классовой борьбы пролетариата.

«Сталин, — говорит тов. Каганович, — принадлежит к той категории старых профессиональных революционеров, которые работали изо дня в день над строительством партии в условиях поражений и трудностей, твердо и неуклонно идя к цели, будучи уверенными, что в конечном счете партия победит.

Роль Сталина как одного из лучших организаторов и строителей нашей партии определилась еще на заре развития партии, когда закладывались ее первые камни, когда строились еще первые ее кружки...

Товарищ Сталин с наибольшей яркостью воплотил в себе все главнейшие черты большевистской партии и как руководитель остается верным

старым большевистским традициям, большевистской теории, тактике и организации»¹.

Сталин, как никто другой, сочетает в себе глубокое теоретическое знание Маркса, Энгельса, Ленина, знание истории и практики международного рабочего движения с умением не только применять это знание, но и дальше развивать и обогащать марксистско-ленинскую теорию.

С первых дней вступления в социал-демократическую организацию «Месаме-даси» товарищ Сталин выступает против оппортунистического течения, возглавляемого Н. Жордания, вульгаризировавшего и приспособлявшего марксизм к интересам буржуазии, и защищает, обосновывает и отстаивает основы революционного марксизма и создает ядро ленинцев-искровцев в Закавказье.

Уже в первых своих выступлениях в печати, на многочисленных дискусионных собраниях, на свободе и в тюрьме товарищ Сталин неустанно пропагандирует ленинско-искровские идеи и взгляды.

В своих выступлениях Сталин обосновывает необходимость перехода социал-демократии от замкнутой пропагандистской деятельности к широкой политической агитации, выступает против кружковщины, экономизма, против стихийности, за сознательность, за соединение легальной работы с нелегальной.

Узловые, центральные проблемы ленинизма уже тогда, в эпоху первой русской революции, блестяще разрабатываются и в борьбе с меньшевиками отстаиваются товарищем Сталиным.

Достаточно кратко перечислить лишь те вопросы, на которые откликнулся товарищ Сталин в ту эпоху, чтобы видеть, что ни одна актуальная боевая проблема пролетарской борьбы не прошла мимо него.

Такие важнейшие и острые проблемы, как марксистско-ленинское учение о пролетарской диктатуре, о характере и движущих силах наступаю-

щей тогда в России буржуазно-демократической революции, проблемы перерастания в социалистическую революцию, стратегические и тактические задачи пролетариата в революции, обоснование большевистской аграрной программы, организационные принципы большевизма и обоснование необходимости строительства партии нового типа — большевистской партии, — все эти проблемы детально разрабатываются товарищем Сталиным уже в годы первой русской революции.

Наряду с этими актуальными политическими задачами товарищ Сталин уделяет большое внимание разработке таких теоретических проблем, как диалектический материализм, диалектика, форма и содержание, теория и практика, стихийность и сознательность, и т. д., и т. п. Ряд важнейших проблем, категорий марксистской философии уже тогда разрабатывал и развивал вождь нашей партии.

3

Брошюра тов. Берия показывает нам, как исключительно умел молодой товарищ Сталин сочетать революционную теорию с революционной практикой. Шаг за шагом с громадным интересом следит читатель за практической революционной деятельностью Сталина. Вот он громит совместно с лучшими своими соратниками С. Цулукидзе и Ладом Кецохели и разоблачает легалистское, оппортунистическое большинство в «Месаме-даси» и вносит новое в революционную жизнь этой организации.

Еще в 1898 г. товарищ Сталин совместно с Ладом Кецохели в целях пропаганды революционного марксизма защиты ленинских взглядов и борьбы против оппортунистического большинства «Месаме-даси» и его легальной газеты «Квали» выдвигает идею создания нелегальной революционной газеты, первый номер которой «Брдзола» («Борьба») вышел в сентябре 1901 года.

Вот товарищ Сталин — практик и руководитель более 8 рабочих социал-демократических кружков, организатор и руководитель забастовочного движения, инициатор созыва первых

¹ «Сталин». Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения, стр. 38—39. Гиз. 1930.

партийных конференций социал-демократических организаций в Тифлисе, Батуме, Баку.

В конце 1901 г., по поручению тифлисского комитета, членом которого он был, товарищ Сталин переезжает в Батум и непосредственно связывается с передовыми рабочими, основывает социал-демократические кружки, ведет активнейшую пропагандистскую, организаторскую работу. Организует типографию, печатает, рассылает нелегальную литературу. Уже через полгода в Батуме под непосредственным руководством товарища Сталина активно работали 11 социал-демократических рабочих кружков, начали организовываться первые в Батуме забастовки и демонстрации, в том числе известная демонстрация 9 марта 1902 г., в которой приняло участие до 6000 рабочих.

Сидя в батумской и кутаисской тюрьмах, товарищ Сталин устанавливает связи с нелегальными организациями, защищает и проводит ленинско-искровские взгляды и ведет большую политическую работу среди заключенных. В феврале 1904 г., после побега, товарищ Сталин возвращается из Сибири в Тифлис и становится во главе тифлисской большевистской организации, развертывает беспощадную борьбу против меньшевиков, обосновывает необходимость созыва III съезда партии и принимает активное участие в его подготовке, во всех своих выступлениях разоблачает оппортунизм меньшевиков и ведет последовательную линию на раскол и разрыв с меньшевиками.

В период первой революции 1905—1907 гг. товарищ Сталин возглавляет и направляет работу кавказского союзного комитета РСДРП, развертывает огромнейшую теоретическую, публицистическую, пропагандистскую и организационную работу.

В блестящих классических работах периода 1905—1907 гг. товарищ Сталин выступает по всем, самым актуальным, самым жизненным вопросам партии, международного рабочего движения. В этих своих выступлениях товарищ Сталин развертывает беспощадную борьбу против меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов,

отстаивает и обосновывает учение Маркса — Энгельса — Ленина.

Не имея возможности более полно остановиться на этих трудах, мы приведем только некоторые высказывания товарища Сталина из двух—трех его работ того периода. Так, в своей, уже цитированной нами работе «Вскользь о партийных разногласиях», разоблачая оппортунизм Н. Жордания, перенесшего нападки на большевиков и Ленина в легальную печать — газету «Могзаури» — и поместившего в последней клеветническую статью «Что такое партия», товарищ Сталин наносит разительные удары таким виднейшим вождям меньшевизма, как Плеханов, Мартов, Аксельрод. Глубокая принципиальность, последовательность, забота о создании партии, о политическом просвещении рабочих масс видны из каждой строчки этой блестящей и на сегодняшний день актуальной работы.

«Говорят, что рабочий класс в некоторых странах сам выработал социалистическую идеологию (научный социализм) и сам же выработает ее и в других странах, поэтому совершенно излишне вносить социалистическую сознательность в рабочее движение. Но это глубокая ошибка. Чтобы выработать научный социализм, для этого нужно идти во главе науки, нужно быть вооруженным научными знаниями и фундаментально изучать законы исторического движения»¹.

«Что такое научный социализм без рабочего движения?»

Компас, который может заржаветь без употребления и должен быть выкинут за борт.

Что такое рабочее движение без социализма? Бескомпасный пароход, который и так причалит к другому берегу, но если бы имел компас, скорее пристал бы к берегу и вынес бы меньше опасностей.

Соедините оба и будете иметь чудесный пароход, который с точностью помчит к другому берегу и без вреда «достигнет гавани»².

¹ И. Сталин «Вскользь о партийных разногласиях». Цитирую по украинскому тексту «Большовик України» № 12 за 1933 г., стр. 18.

² Там же, стр. 20.

«Мы, социал-демократы, должны помешать стихийному рабочему движению идти по тред-юнионистскому пути, должны вводить его в социал-демократическое русло, вносить социалистическое сознание в это движение и сплачивать передовые силы рабочего класса в централизованную партию. Наш долг—всегда и везде руководить движением, энергично бороться со всеми—будет ли то враг, или «друг»,—кто становится на пути к осуществлению нашей святой цели»¹.

В своей брошюре «Текущий момент и объединительный съезд рабочей партии» (1906 г.) товарищ Сталин, обосновывая и развивая большевистские взгляды на характер и движущие силы революции, доказывая необходимость и неизбежность вооруженного восстания и разоблачая соглашательство, капитуланство меньшевиков, писал:

«...чем дальше, тем резче страна делится на два враждебных лагеря: лагерь революции и лагерь контрреволюции; тем более грозно противопоставляются друг другу два главаря двух лагерей—пролетариат и царское правительство, и тем более становится ясным, что между ними сожжены все мосты. Одно из двух: либо победа революции и самодержавие народа, либо победа контрреволюции и царское самодержавие. Кто садится меж двух стульев, тот продает революцию. Кто не с нами, тот против нас! ...победа нынешней революции и доведение ее до конца возможно. Однако, возможно только в том случае, если ее и в дальнейшем будут возглавлять передовые рабочие, если сознательный пролетариат достоин выполнить дело руководства революцией».

Исключительно актуальными, имеющими огромное политическое значение являются высказывания товарища Сталина о диктатуре пролетариата и основах тактики пролетарской партии в социалистической революции, развитые им в статье «Анархизм или социализм» (в 1907 г.):

«Социалистическая революция не есть неожиданный и кратковременный удар,—это длительное действие про-

летарских масс, которое поражает и отнимает позиции у буржуазии. И так как победа пролетариата в то же время будет господством над побежденной буржуазией, так как во время столкновения классов поражение одного означает господство другого, то первой ступенью социалистической революции будет политическое господство пролетариата над буржуазией»².

«Социалистическая диктатура пролетариата, захват политической власти пролетариатом—вот чем должна начаться социалистическая революция.

Пока буржуазия полностью не побеждена, пока богатство у нее не будет конфисковано, пролетариат обязательно будет иметь в своем распоряжении военную силу, у него обязательно будет «пролетарская гвардия», при помощи которой он отразит контрреволюционные атаки умирающей буржуазии...»³.

«Из этого общего принципа вытекают все остальные тактические взгляды. Забастовки, бойкот, демонстрации, парламентаризм только постольку имеют значение, поскольку они способствуют организации пролетариата, укреплению—расширению его организации, для созревания социалистической революции»⁴.

Величайшая забота товарища Сталина о создании пролетарской партии—партии нового типа—видна из целого ряда его высказываний:

«Эта партия должна быть классовой партией, совершенно независимой от других партий, и это потому, что она есть партия класса пролетариев, освобождение которых может совершиться только их же собственными руками.

Эта партия должна быть революционной партией, и это потому, что освобождение рабочих возможно только революционным путем, при помощи социалистической революции.

Эта партия должна быть интернациональной партией, двери партии должны быть открыты для каждого сознательного пролетария, и это потому, что освобождение рабочих—это не

¹ И. Сталин «Вскользь о партийных разногласиях». Цитирую по украинскому тексту «Більшовик України» № 12 за 1933 г., стр. 16.

² «Анархизм или социализм», газета «Чвени цховреба» № 9 от 28 февраля 1907 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

национальной, а социальный вопрос, который одинаковое значение имеет как для пролетария-грузина, так и для русского пролетария и пролетариев других наций.

Отсюда ясно, что чем теснее сплотятся пролетарии разных наций, чем основательнее разрушатся воздвигнутые между ними национальные стены, тем сильнее будет партия пролетариата, тем более облегчится организация пролетариата в один неделимый класс»¹.

Со свойственной ему энергией и революционной страстностью товарищ Сталин боролся в революции 1905 г. за вооружение пролетарских масс, за военно-техническую подготовку вооруженного восстания, которая отвергалась меньшевиками, фактически не желавшими восстания, боявшимися его.

Крайне интересным в этом отношении является воспоминание тов. М. Торошелидзе об исключительно ярком выступлении товарища Сталина против такого меньшевистского «кита», как Ной Рамишвили, — вот оно:

«У вас одна плохая привычка, о чем я должен вам прямо сказать, — начинает он, обращаясь к собравшимся, — кто бы ни вышел и что бы ни сказал, вы встречаете с радостью и аплодисментами. Вам говорят: «да здравствует свобода» — вы аплодируете, «да здравствует революция» — вы аплодируете, это хорошо. Но когда говорят: «долой оружие», вы и этому аплодируете. Какая революция может победить без оружия, и кто тот революционер, который говорит: долой оружие? Оратор, который это говорит, наверное, толстовец, а не революционер, и кто бы он ни был, он враг революции, свободы народа». Народ зашевелился, раздались голоса: «Кто он? Как ядовито говорит! Язык якобинца!» Коба продолжает: «Что нужно, чтобы действительно победить? Для этого нужны три вещи, хорошо поймите и запомните: первое, что нам нужно, — вооружение, второе — вооружение, третье — еще и еще раз вооружение»².

¹ «Анархизм или социализм», газета «Дро» № 21 от 4 апреля 1907 г.

² М. Торошелидзе. Газета «Коммунист» № 294. 1929 г.

В декабре 1905 г. товарищ Сталин принимает участие в первой Всероссийской большевистской конференции в Таммерфорсе, избирается в политическую комиссию по редактированию резолюции конференции. Здесь впервые он лично встречается с Лениным, хотя «в порядке переписки» он был знаком с ним с 1903 года.

Ленин в своей статье о Фридрихе Энгельсе писал о той великой любви, трогательной дружбе и преданности, с какими Фридрих Энгельс относился к Марксу: «Его любовь к живому Марксу и благоговение перед памятью умершего были беспредельны. Этот суровый борец и строгий мыслитель имел глубоко любящую душу»³ — так писал Ленин об отношении Энгельса к Марксу. Такой же пример беспредельной любви, преданности и уважения мы видим в отношении товарища Сталина к Ленину. Вот как оценивал товарищ Сталин Ленина уже в ту эпоху:

«Он (речь идет о Ленине. — В. Ж.) не был тогда в моих глазах простым руководителем партии, он был ее фактическим создателем, ибо он один понимал внутреннюю сущность и неотложные нужды нашей партии. Когда я сравнивал его с остальными руководителями нашей партии, мне все время казалось, что соратники Ленина — Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие — стоят ниже Ленина целой головой, что Ленин в сравнении с ними не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения...

Ленин был рожден для революции. Он был поистине гением революционных взрывов и величайшим мастером революционного руководства. Никогда он не чувствовал себя так свободно и радостно, как в эпоху революционных потрясений. Этим я вовсе не хочу сказать, что Ленин одинаково одобрял всякое революционное потрясение или что он всегда и при всяких условиях стоял за революционные взрывы. Нисколько. Этим я хочу лишь сказать, что никогда гениальная прозорливость

³ Ленин. Т. I, стр. 414.

Ленина не проявлялась так полно и отчетливо, как во время революционных взрывов. В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становился ясновидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их, как на ладони. Недаром говорится в наших партийных кругах, что «Ильич умеет плавать в волнах революции, как рыба в воде»¹.

Об этом же периоде вспоминает один из участников лейпцигской группы большевиков тов. Д. Сулиашвили: «От товарища Сталина мы получали вдохновенные письма о Ленине. Письма получал тов. М. Давиташвили². Товарищ Сталин в этих письмах восхищался Лениным, его неуклонной, чисто марксистской тактикой, решением с его стороны вопросов партийного строительства и т. д. В одном из писем товарищ Сталин называл Ленина «горным орлом» и восторгался его непримиримой борьбой против меньшевиков. Мы эти письма переслали Ленину и скоро получили от него ответ, в котором он Сталина называл «пламенным колхидцем»³.

Исключительно высокую оценку всегда и неизменно давал Ленин Сталину. «Пламенный колхидец» в устах Ленина — это пламенный, самоотверженный борец.

Вот как оценивает Ленин печатавшиеся в «Социал-демократе» в сентябре 1911 г. статьи товарища Сталина из Питера:

«Корреспонденция тов. К[обы] заслуживает величайшего внимания всех, кто дорожит нашей партией. Лучшее разоблачение «голосовской» политики (и голосовской дипломатии), лучшее опровержение взглядов и надежд наших «примирителей и соглашателей» трудно себе представить»⁴.

Высокая оценка, данная Лениным сталинской классической работе по национальному вопросу «Марксизм и национальный вопрос» как лучшей, что дала большевистская литература по этому вопросу, известна широким

партийным массам как из письма Ленина к А. М. Горькому (февраль 1913 г.), так и из ленинской статьи «О национальной программе РСДРП».

Известно также, как внимательно Ленин всегда прислушивался к мнению Сталина и как считался он с этим мнением.

Достаточно для этого, хотя бы бегло, просмотреть ленинские сборники периода 1917 — 1922 — 1923 гг.

Так, на запросы по прямому проводу Троцкого из Бреста об инструкциях Ленин телеграфировал 15 февраля 1918 г.: «Ответ Троцкому. Мне бы хотелось посоветоваться сначала с Сталиным, прежде чем ответить на ваш «вопрос...» 18 февраля 1918 г. Ленин сообщил по прямому проводу: «Троцкому. Сейчас приехал Сталин. Обсудим с ним и сейчас дадим вам совместно ответ».

В лице товарища Сталина Ленин всегда и неизменно находил вернейшего и последовательнейшего ученика.

«Не было ни одного случая, — отмечает тов. Срджоникидзе, — когда бы он расходился с Лениным. Ленин знал, с кем имел дело. Высоко ценил и доверял ему. Когда в начале 1912 г. наметился новый подъем рабочего движения и Ленин окончательно организационно (Прага, 1912 г.) порвал с меньшевиками и стал строить самостоятельно большевистскую партию, на Пражской конференции в то время находившийся в ссылке Сталин был избран в Центральный комитет и поставлен во главе русского бюро ЦК»⁵.

В 1906 г. товарищ Сталин принимает активное участие в работах IV объединительного съезда. В своем выступлении на съезде товарищ Сталин громит меньшевиков и обосновывает необходимость гегемонии пролетариата в революции.

Огромнейшая работа, и теоретическая и организаторская, проведена товарищем Сталиным в годы реакции и спада революционной волны. В эти тяжелые годы «упадка, деморализации, расколов, разброда, ренегатства, порнографии на место политики» (Ленин) товарищ Сталин совместно с Лениным ведет неустанную борьбу с ликвидато-

¹ И. Сталин «О Ленине», стр. 22 — 23 и 29 — 30. Партиздат. 1934.

² М. Давиташвили в 1905 — 1907 гг. состоял членом Кавказского союзного комитета РСДРП.

³ Из воспоминаний Д. Сулиашвили.

⁴ Ленин. Т. XV, стр. 217.

⁵ «Сталин». Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения, стр. 112. Гиз. 1930.

рами, за сохранение партии, большевистской партийности, за сочетание нелегальной работы с легальными возможностями, за завоевание рабочего класса.

«Революционный класс на собственном горьком опыте учится понимать, что нельзя победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению» (Ленин), в этой напряженной борьбе с оппортунизмом, ликвидаторством меньшевиков, троцкистов, с оппортунизмом «революционеров фразы», отзовистов, бойкотистов Сталину принадлежит после Ленина самое видное место. С 1907 г. начинается бакинский период революционной деятельности Сталина, когда он ведет лихорадочную работу по сплочению бакинской организации вокруг лозунгов Ленина и руководит нелегальной большевистской газетой «Бакинский рабочий».

И не случайно именно в этот период окончательно сложилась, окрепла и закалилась одна из лучших большевистских организаций — бакинская организация большевиков, завоевавшая на свою сторону большинство рабочего класса. Баку превратился в несокрушимый оплот закавказских большевиков, в одну из крепостей ленинской партии.

В ряде своих выступлений (записки делегата) о Лондонском съезде партии товарищ Сталин разоблачает капитулянтство, ликвидаторство меньшевиков, троцкистов, которым он дает характеристику как центристам («Троцкий оказался «красивой ненужностью»), бундовцам, вскрывает социальную базу, корни меньшевизма и разоблачает их тактику как тактику полубуржуазных элементов:

«Тактика большевиков является тактикой крупно-промышленных пролетариев, тактикой тех районов, где классовые противоречия особенно ясны и классовая борьба особенно резка. Большевизм — это тактика настоящих пролетариев.

С другой стороны, не менее очевидно и то, что тактика меньшевиков является по преимуществу тактикой ремесленных рабочих и крестьянских полупролетариев, тактикой тех районов, где классовые противоречия не совсем ясны и классовая борьба за-

маскирована. Большевизм — это тактика полубуржуазных элементов пролетариата»¹.

В марте 1908 г. товарища Сталина снова арестовывают и высылают в Сольвычегодск, откуда он пишет Ленину письмо. В этом письме товарищ Сталин ставит самые боевые и насущные вопросы партийной работы. Летом 1909 г. товарищ Сталин снова совершает побег и, возвратившись в Баку, продолжает борьбу.

В феврале 1910 г. товарищ Сталин выдвигает вопрос о необходимости организации общероссийской газеты. Это предложение Сталина встречает полную поддержку Ленина: спустя девять месяцев вышел первый номер газеты «Звезда» (16/XII 1910 г.).

Огромную работу проделал товарищ Сталин совместно с тов. С. Орджоникидзе по подготовке к созыву общероссийской конференции в Праге. Исключительное значение Пражской конференции общеизвестно. Пражская конференция стала поворотным пунктом в развитии нашей партии, она оформила окончательный разрыв с меньшевиками и изгнала их последние остатки из партии. После Пражской конференции товарищ Сталин уже как член центрального комитета партии об'езжает по поручению ЦК важнейшие районы страны, руководит подготовкой к маевке, руководит «Звездой», принимает самое активное участие в основании «Правды», руководит избирательной борьбой большевиков в IV государственную думу (пишет указы), направляет работу думской фракции большевиков и возглавляет революционную стачечную борьбу.

В апреле 1912 г. Сталина снова арестовывают и отправляют в ссылку в Нарымский край. После побега из ссылки товарищ Сталин из Петербурга переезжает в Краков к Ленину, участвует в известном краковском совещании большевиков в конце 1912 года. После возвращения в Петербург товарищ Сталин снова ведет работу по руководству большевистской фракцией Государственной думы и руководит «Правдой».

¹ Газета «Бакинский пролетарий» № 1 от 20 июня 1907 г.

Общеизвестно всемирноисторическое значение работ Сталина по национальному вопросу. В этот период Сталин начал работать над одним из своих самых выдающихся трудов, законно занявшем почетное место в сокровищнице марксизма-ленинизма,— над статьей «Марксизм и национальный вопрос». Весной 1913 г. Сталина вновь арестовывают и высылают в Туруханский край. 1913, 1914, 1915, 1916 годы Сталин проводит в ссылке, и только Февральская буржуазно-демократическая революция освобождает его.

Крайне важным и актуальным является четвертый, заключительный раздел доклада тов. Берия, посвященный истории борьбы товарищей Сталина и Орджоникидзе с национал-уклонистами, значительная часть которых потом примкнула к контрреволюционному троцкизму, а также той огромной интернациональной воспитательной работе, которую проделала закавказская организация большевиков.

Само собой разумеется, что трудно, да и невозможно в рамках одной журнальной статьи передать огромное богатство идей, фактов, событий, которые приведены в превосходном докладе тов. Берия и касаются жизни и борьбы великого революционера, мыслителя и борца товарища Сталина.

Большая заслуга тов. Берия, что по его почину закавказская партийная организация приступила к изучению этих важнейших документов и материалов, а также в том, что своим докладом тов. Берия эти вопросы довел до сведения широких масс. Неотложной задачей историков партии должна являться дальнейшая, усиленная, научно продуманная, большевистская разработка этого исключительно важного материала. Советский читатель, наши зарубежные братья должны иметь возможность ознакомиться, изучить величественный опыт сталинской борьбы и побед, завоеванных большевистской партией под руководством товарища Сталина.

К 40-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА

Элеонора Маркс

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС *

28 ноября 1890 г. Фридриху Энгельсу исполнится 70 лет. Этот день рождения будет праздноваться социалистами всего мира. По этому поводу мой друг д-р Фридрих Адлер предложил мне написать для читателей «Социал-демократического ежемесячника» короткую статью о признанном руководителе нашей партии.

Из всех качеств, которые требуются для выполнения этой трудной задачи, я могу претендовать лишь на то, что я знаю Энгельса всю свою жизнь. Однако еще вопрос, делает ли длительная и тесная близость более способным к изображению кого-либо: труднее всего ведь изобразить самого себя.

Чтобы написать биографию Маркса и Энгельса (ибо жизнь и деятельность обоих так сплелась между собой, что их невозможно разделить), требовалось бы написать не только историю развития социализма от «утопии к науке», но и историю всего рабочего движения почти за столетие. Ибо эти два человека никогда не были только идейными вождями, теоретическими учителями, философами, которые стояли в стороне от повседневной рабочей жизни: они всегда были борцами, не только генералами, но и солдатами революции. Теперь остался в живых лишь единственный человек, который мог бы написать эту историю. Будем надеяться, что он ее и напишет для

* Напечатано в «Sozialdemokratische Monatsschrift» № 10—11 от 30 ноября 1890 г., стр. 1.

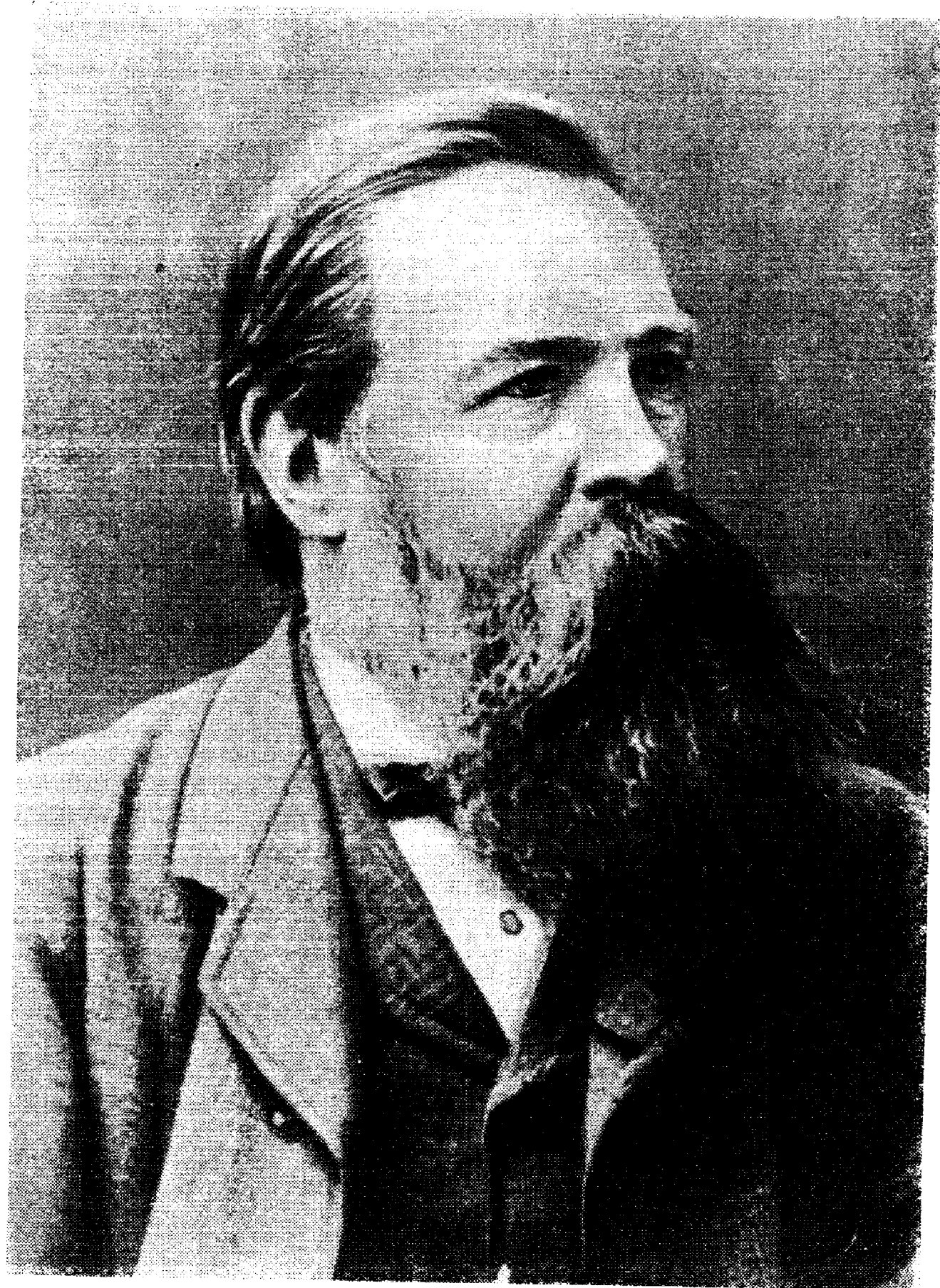
нас. Это будет не только биография, но и автобиография в то же время.

Подробности жизни Энгельса теперь всем настолько известны, что достаточно краткого повторения.

Его литературные и научные труды настолько известны, что какая бы то ни было попытка их разбора была бы нескромностью с моей стороны. Достаточно хронологической сводки их. Но мне хочется дать набросок Энгельса-человека, такого, каким он был в жизни, и я надеюсь доставить этим радость многим, за исключением, конечно, тех господ, которые смертельно боятся «культы авторитетов». Я же считаю, что созерцание такой жизни, как жизнь Энгельса, может только воодушевлять и развивать нас, более молодых, стоящих на его плечах.

Фридрих Энгельс родился 28 ноября 1820 г. в Бармене, в Рейнской области. Его отец был фабрикантом (не надо забывать, что рейнские провинции в то время экономически были самыми передовыми в Германии). Семья пользовалась чрезвычайным почетом. Вероятно, еще ни разу в этом доме не был рожден сын, столь непохожий на свой род: Фридриха в семье считали «гадким утенком». Они и теперь не понимают, что «утенок» был «лебедем». Одно несомненно для тех, кто слышал от Энгельса отзывы о его семье: свою жизнерадостность он унаследовал от матери.

Он прошел курс одной из обычных школ, обучался, в частности, одно время в Эльберфельдской гимназии. Сначала у него было намерение закончить университет, но отсутствие склонности к университетским занятиям, как и семейные обстоятельства, привело к тому, что этот план остался невыполненным. Через год после сдачи абитуриентского экзамена он поступил в один из торговых домов в Бармене, после этого он год прослужил вольноопределяющимся в Берлине. В 1842 г. Энгельс был послан в Манчестер, в Англию, для службы в предприятии, компаньоном которого был его отец. Он пробыл там два года, и едва ли можно переоценить значение этих двух лет, проведенных им в стра-

Wm. H. Reynolds

не классического капитализма, в центре крупной индустрии. Для этого человека характерно, что, собирая в то время материалы для «Положения рабочего класса в Англии», он одновременно активно участвовал в чартистском движении и был постоянным сотрудником чартистской «Northern Star» («Северной звезды») и «New moral world» («Нового нравственного мира») Оуэна.

В 1844 г. Энгельс вернулся в Германию. По дороге туда проездом через Париж он впервые встретился с человеком, с которым уже давно состоял в переписке и которому суждено было стать другом всей его жизни—с Карлом Марксом. Ближайшим плодом этой встречи были совместное издание «Святого семейства» и начало труда, законченного впоследствии в Брюсселе, о судьбе которого Маркс сообщал в своей «Критике», а Энгельс в своем «Фейербахе»: «Рукопись в два толстых тома была уже получена в одном из издательств в Вестфалии, когда мы узнали, что в силу изменившихся условий ее печатание невозможно. Мы передали эту рукопись уничтожающей критике мышей, тем более, что цель наша — взаимное понимание — была достигнута».

В течение того же года Энгельс написал свое «Положение рабочего класса в Англии», книгу, которая насчитывает более 40 лет и сегодня еще так верна, что английские рабочие несколько лет назад полагали, что книга только что написана.

В то же самое время Энгельс постоянно писал различные заметки и статьи. Из Парижа он вернулся в Бармен, однако лишь на короткое время.

В 1845 г. он вслед за Марксом поехал в Брюссель, где по-настоящему началась их совместная работа. Наряду с промадной литературной деятельностью друзья основали «Германский рабочий союз», но самым важным было их вступление в «Союз справедливых», из которого впоследствии создавался знаменитый «Союз коммунистов», явившийся зародышем Интернационала. Маркс еще в Брюсселе, Энгельс в Париже стали в 1847 г. теоретическими руководителями «Союза справедливых», и летом того же года был созван I конгресс «Союза» в Лон-

доне. Осенью 1847 г. состоялся II конгресс, на котором Маркс также присутствовал. Результат этого знает теперь весь мир: это «Коммунистический манифест».

Из Лондона друзья отправились в Кельн и немедленно окунулись в практическую работу. История этой деятельности отражена в «Новой рейнской газете» и в «Кельнском процессе коммунистов».

После закрытия газеты и высылки Маркса друзья на время должны были расстаться. Маркс уехал в Париж, Энгельс — в Пфальц, где он участвовал в баденском восстании, служил адъютантом Виллиха. Он участвовал в трех сражениях, и о его исключительном хладнокровии, о полнейшем презрении к опасности еще долго говорили все те, кто видел его под огнем.

В «Новом рейнском обозрении» Энгельс написал отчет о баденском восстании. Когда восстание потерпело поражение, он одним из последних перебрался в Швейцарию и оттуда в Лондон, куда ранее направился после своей высылки из Парижа и Маркс.

Теперь начался новый период в жизни Энгельса. Политическая деятельность в тот момент стала невозможной. Маркс обосновался в Лондоне, а Энгельс вернулся в Манчестер, компаньоном на прядильную фабрику (владельцем которой был его отец), для того чтобы вновь занять должность комми, которую он занимал уже и раньше. В течение 20 лет Энгельс был вынужден нести этот принудительный труд в качестве коммерсанта, и в течение этих 20 лет друзья имели лишь случайные, короткие встречи. Но они беспрерывно сносились путем переписки. Одно из моих первых воспоминаний касается как раз момента получения писем из Манчестера. Оба писали друг другу почти ежедневно, и я вспоминаю, как часто Мазр—так звали дома моего отца—разговаривал с письмами, точно тут присутствовал тот, кто их написал:

«Нет, это все же не так», «тут ты прав» и т. д. и т. п. Но лучше всего я припоминаю, как Мазр иногда хохотал до слез, читая письма Энгельса.

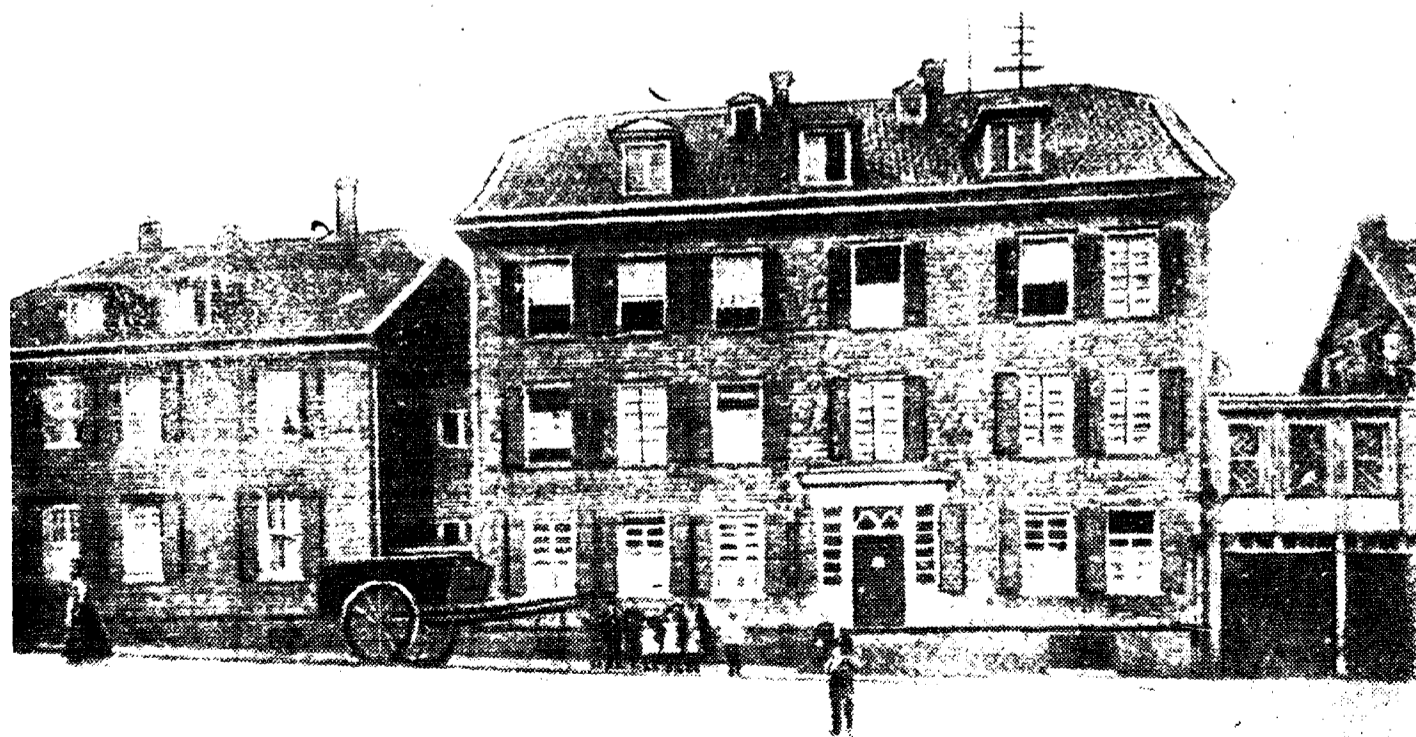
Разумеется, Энгельс не был в Манчестере одинок: сначала там был

Вольф — этот смелый, верный, благородный, передовой борец пролетариата, которому посвящен первый том «Капитала» и которого у нас дома звали «Lupus», позже прибыл и преданный друг моего отца и Энгельса — Сам Мур, тот самый, который вместе с моим мужем перевел «Капитал» на английский язык, и профессор Шорлеммер, один из выдающихся химиков современности. Но даже учитывая наличие этих друзей, страшно подумать об этих двадцати годах жизни такого человека. Не потому, что Энгельс когда-либо жаловался или ворчал, наоборот, он выполнял свою работу так весело и непринужденно, точно не было ничего лучшего на свете, как «ходить на предприятие» и сидеть в конторе. Но я была с Энгельсом в тот момент, когда он разделался с этой принудительной работой, и тогда я узнала, чем все эти годы были для него. Я никогда не забуду его торжествующего восклицания: «В последний раз!», которое он произнес, надевая утром свои сапоги, чтобы в последний раз отправиться в контору. Через несколько часов, когда мы стояли у ворот, ожидая его возвращения, мы увидели его идущим через небольшое поле, находившееся перед его домом. Он размахивал своей тростью, пел и смеялся во весь рот. Затем у нас был торжественный обед,

мы пили шампанское и были счастливы. Тогда я была слишком молода, чтобы все это понять, но сейчас я могу об этом думать только со слезами на глазах.

В 1870 г. Энгельс приехал в Лондон и тотчас же начал выполнять свою долю той большой работы, которую принял Интернационал; он был членом Исполкома, а также членом для связи с Бельгией, а позднее с Испанией и Италией. Помимо этого он занимался огромной и разносторонней работой. Между 1870 и 1880 гг. им было написано очень много статей, листовок и т. д. Важнейшим из всех этих трудов во всех отношениях была, однако, книга «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом», появившаяся в 1875 году. Какие-либо комментарии, разъясняющие значение и влияние этого труда, теперь так же излишни, как и какие-либо комментарии в отношении «Капитала».

В течение последующих 10 лет Энгельс ежедневно навещал моего отца, часто они уходили вместе гулять, но столь же часто они оставались дома, расхаживая взад и вперед по комнате отца; каждый ходил по своей стороне, и каждый выдолбил ямку в своем углу, в том месте, где он с необычайной энергией поворачивался на каблучках. Здесь они обсуждали

Дом в Бармене, в котором родился Фридрих Энгельс.

гораздо больше вопросов, чем может себе представить обычный человек, но нередко они подолгу молча вышагивали рядом. Бывало и так, что каждый говорил о том, что как раз больше всего занимало его, а потом с громким смехом, стоя друг против друга, они взаимно признавались, что последние полчаса каждый из них развивал противоположные планы.

Если бы время и место позволяли, чего бы только нельзя было написать об этих временах! Об Интернационале, о Коммуне, о месяцах, когда наши квартиры походили на пристанища, в которых каждый эмигрант был желанным гостем и где каждый получал необходимую ему помощь.

В 1881 г. умерла моя мать, и мой отец, здоровье которого было подорвано, находился несколько месяцев вне Англии.

В 1883 г. он умер.

Что с тех пор сделал Энгельс, знает каждый. Большую часть своего времени он посвятил изданию сочинений моего отца, корректуре новых тиражей и просмотру переводов «Капитала». Ни эта работа, ни его собственные сочинения не нуждаются в моих словах; только те, кто знает Энгельса, могут оценить ту массу работы, которую он выполнял ежедневно. Итальянцы, испанцы, голландцы, датчане, румыны (он знал все эти языки), не говоря уже об англичанах, немцах и французах, приходят к нему за помощью и советом.

При каждой из тех многочисленных трудностей, которые встают перед всеми нами в работе, мы идем к Энгельсу. И никогда мы не обращаемся к нему напрасно. Работа, выполненная одним этим человеком в течение последних лет, была бы чрезмерной для целой дюжины обычных людей. И, тем не менее, Энгельс все еще продолжает работать, ибо он, как и все мы, знает, что только он один может передать человечеству наследство Маркса. Энгельсу нужно еще многое сделать для нас, и он это делает!

Это его жизнь лишь в общих чертах, это, так сказать, скелет человека — еще не сам человек. Чтобы оживить этот скелет, нужен кто-либо

Фридрих Энгельс в 1839 г.

более одаренный чем я, может быть, более чем каждый из нас.

Энгельсу теперь семьдесят лет, но он очень легко переносит свой возраст: он бодр телом и духом. Свои шесть футов с лишним он несет так легко, что не кажется очень большим. У него борода, имеющая странное боковое направление, лишь теперь начинающая седеть. Его каштановые волосы еще не тронуты сединой, во всяком случае, точное исследование не обнаружило ни одного седого волоса. Но если даже по внешности Энгельс молод, то внутренне он еще моложе, чем выглядит. Он действительно самый молодой из людей, которых я знаю, и, насколько я могу припомнить, он не состарился за последние тяжелые двадцать лет.

Так, в 1869 г. я ездила с ним в Ирландию (так как он тогда собирался написать историю ирландцев, «Нитобею наций», было особенно интересно ездить с ним по стране). В 1888 г. я была с ним в Америке. Как в 1869 г., так и в 1888 г. он был оживляющим началом, душой каждой группы людей, в среде которых он находился.

На палубе трансатлантического корабля «City of Berlin» и «City of New-

York» его всегда, как бы ни была сурова погода, можно было видеть готовым к прогулке и к стаканчику «Zager». И казалось, что для него было принципом—никогда не обходить препятствий, а обязательно перепрыгивать их или перелезть через них.

Я должна остановиться на одной черте характера моего отца, свойственной также и Энгельсу. Моего отца часто изображали сардоническим и циничным Юпитером, всегда готовым направить свои громовые стрелы как против друга, так и недруга.

Но тот, кто когда-нибудь, хоть однажды, взгляделся в его прекрасные глаза, столь пронизывающие и в то же время столь мягкие, полные юмора и доброты, кто когда-либо слышал его заразительный, радующий сердце смех, тот знает, что насмешливый, холодный Юпитер является чистейшим плодом воображения. То же самое относится и к Энгельсу. Есть люди, которые рисуют его автократом, диктатором, ядовитым критиком. Это совершенно незерно. Может быть, никто иной не судил о других так мягко, как он; никто не был более готов помогать другим чем он. Мне незачем говорить о его неисчерпываемой доброте к молодежи. В каждой стране есть

Фридрих Энгельс в 1840 г.

немало товарищей, которые могут это засвидетельствовать. Скажу лишь, что я часто видела, как он откладывал свою работу, чтобы оказать дружескую услугу какому-нибудь юноше, и запускал иногда свои собственные работы ради оказания помощи какому-нибудь начинающему.

Лишь одного Энгельс никогда не прощал—лживости. Человек, нечестный с собою и, тем более, изменивший партии, не находил пощады у Энгельса.

Он считал это непростительным грехом. Я должна отметить и другую характерную черту Энгельса: он, этот аккуратнейший в мире человек, у которого чувство долга, особенно же партийная дисциплина, выше чем у кого-либо из тех, кого я знаю, ни в какой мере не является пуританином. Никто не поймет всего так хорошо, никто не простит поэтому так легко наши маленькие слабости, как он.

Наряду с его юношеской свежестью и добротой в нем особенно замечательна его разносторонность; ничто ему не чуждо: естественная история, химия, ботаника, физика, филология («...он заикается на двадцати языках»,—писал о нем «Фигаро» в 70-х годах), политическая экономия и *lost not least*—военная тактика. В 1870 г., во время франко-германской войны, статьи Энгельса, опубликованные в «*Pal-Mall*», обратили на себя общее внимание, так как в них он точно предсказал битву при Седане и уничтожение французской армии. Кстати, я упомяну, что его прозвище «генерал» относится ко времени этих статей. Сестра моя заявила, что он «генерал Штафф». Эта кличка пристала, и с тех пор Энгельс был для нас «генерал». Но ныне это имя имеет другое значение: Энгельс на деле генерал нашей рабочей армии.

У Энгельса есть еще одна черта, может быть, для него самая существенная,—на нее еще надо указать. Это его абсолютная самоотверженность. При жизни Маркса он говорил: «Я играл вторую скрипку и полагаю, что в этом достиг виртуозности, и был невероятно рад, что у меня была такая великолепная первая скрипка, как Маркс». Сегодня Энгельс дирижирует оркестром и еще теперь так же скро-

мен, непритязателен и прост, как если бы, говоря его словами, он «играл вторую скрипку». У меня была возможность как и у многих других говорить о дружбе моего отца с Энгельсом. Эта дружба в будущем станет исторической, как дружба Дамона и Фатиаса в греческом мифе. Но нельзя закончить этого очерка, не вспомнив о еще двух дружеских связях Энгельса, которые вытекали из его дружбы к Марксу и которые так же влияли и на его жизнь и работу.

В известном смысле эти две дружеские связи, о которых я говорю, пожалуй, еще более замечательны. Первая из них—это дружба с моей матерью, а вторая—дружба с Еленой Демут, умершей 4 ноября сего года.

На могиле моей матери Энгельс сказал о ней следующее:

«Друзья! Женщина прекрасной души, которую мы хороним, родилась в Зальцведеде в 1814 году. Ее отец, барон фон-Вестфален, тесно сблизился в Трире с семьей Маркс; дети обеих семей росли вместе. Когда Маркс поступил в университет, он и его будущая жена знали, что их существование будет нераздельно.

В 1843 году, после того как Маркс впервые выдвинулся на общественном поприще как главный редактор первой «Rheinische Zeitung», и после запрещения газеты прусским правительством, состоялась их свадьба. С этого дня она не только разделяла участь, труды и борьбу своего мужа, но и активно участвовала в них с величайшей вдумчивостью и с пламеннейшей страстью.

Молодая чета отправилась в Париж; добровольное изгнание вскоре превратилось в вынужденное. Даже в Париже преследовало Маркса прусское правительство. С сожалением должен я упомянуть, что такой человек, как А. Гумбольдт, унижился до сотрудничества с прусским правительством, чтобы побудить правительство Луи-Филлиппа изгнать Маркса из Франции. Маркс отправился в Брюссель. Разразилась февральская революция. Среди волнений, вызванных этим событием в Брюсселе, бельгийская полиция не только арестовала Маркса, но заключила в тюрьму и его жену, без малейшего к тому повода.

Карл Маркс с дочерью Женни. 1865 г.

Революционный под'ем 1848 г. оборвался в следующем году. Вновь началось изгнание, сперва в Париж, затем, вследствие вмешательства французского правительства,—в Лондон. На этот раз это было изгнание со всеми его бедствиями. Она готова была терпеливо переносить все обычные страдания изгнанников, хотя они и были причиною гибели трех ее детей, в том числе двух мальчиков. Но видеть, как все партии, правительственные и оппозиционные (феодалы, либералы, так называемые демократы), объединившись против ее мужа, осыпают его самой низкой и подлой клеветой, видеть, как вся без исключения печать была для него закрыта, как он был беспомощен и незащищен перед противниками, которых и он и она презирали,—это причиняло ей жгучую боль. А это продолжалось долгие годы.

Но этому пришел конец. Мало-помалу европейский рабочий класс оказался в таких политических условиях, которые давали ему некоторую возможность действовать. Было основано Международное товарищество рабочих. Оно втягивало в борьбу одну цивилизованную нацию за другой, и в этой борьбе первым среди первых сражался ее муж. Наконец, наступило время, которое начало вознаграждать ее за пе-

Первомайская демонстрация 300 000 лондонских рабочих в лондонском Гайд-Парке в 1892 г. Наибольшее скопление демонстрантов происходило у 14-й трибуны, с которой выступали Фридрих Энгельс (третий слева) и Элеонора Маркс-Эвелинг, дочь Карла Маркса (в центре).

режитые страдания. Она дожила до того, чтобы увидеть, как низкая клевета, нагроможденная на ее мужа, разлетелась прахом; она дожила до того, чтобы услышать, как учения ее мужа, которые реакционеры всех стран пытались удушить, открыто и победоносно провозглашались во всех цивилизованных странах, на всех цивилизованных языках. Она дожила до того, чтобы увидеть, как революционное движение пролетариата, уверенного в своей победе, распространялось из одной страны в другую, от России до Америки. Одной из последних ее радостей было полученное ею на смертном одре блестящее доказательство неукротимой жизненной силы, которое дал, наперекор всем репрессивным законам, немецкий рабочий класс на последних выборах.

То, что эта жизнь, свидетельствующая о столь ясном и критическом уме, о столь верном политическом такте, о такой страстной энергии, о такой великой самоотверженности, сделала для революционного движения, не выставлялось напоказ перед публикой, не оглашалось на столбцах печати. То,

что она сделала, известно только тем, кто жил вместе с ней. Но одно я знаю: мы не раз еще будем сожалеть об отсутствии ее смелых и благоразумных советов; смелых без бахвальства, благоразумных без ущерба для чести.

Мне незачем говорить о ее личных качествах. Ее друзья знают их и никогда их не забудут. Если существовала когда-либо женщина, которая видела свое счастье в том, чтобы делать счастливыми других,— то это была она»¹.

На похоронах Елены Демут Энгельс сказал, что «часто и очень часто при трудных и запутанных партийных обстоятельствах Маркс пользовался ее советом, а что касается меня самого, я был способен проделать после смерти Маркса всю ту работу, которую я совершил, в значительной степени благодаря тому теплу и помощи, которые она принесла в мой дом, оказав мне честь перейти в него после смерти Маркса».

¹ Речь Энгельса дана по соч. К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. XV, стр. 598 — 599.

ВОСПОМИНАНИЯ

О ФРИДРИХЕ ЭНГЕЛЬСЕ*

Я познакомился с Энгельсом в 1867 г., в том году, когда был опубликован I том «Капитала».

«Теперь, раз ты являешься женихом моей дочери, я должен тебя представить Энгельсу», — сказал мне Маркс, и мы поехали в Манчестер.

Энгельс тогда жил со своей женой и ее племянницей, которой тогда было лет шесть — семь, в домике, на окраине города; в нескольких шагах от дома было открытое поле. В то время он работал на предприятии, основанном его отцом. После поражения революции на континенте он, как и Маркс, бежал в Лондон, предполагая там отжаться целиком политической агитации и научным занятиям.

Маркс во время революционных бурь потерял свое состояние и состояние своей жены, а Энгельс также не имел средств, поэтому ему пришлось принять предложение отца — приехать в Манчестер и занять место в его конторе, которое он уже занимал в 1845 году. Маркс же писал еженедельные корреспонденции для «Нью-Йоркской трибуны», и его заработки едва удовлетворяли самые насущные потребности его семьи.

С этого времени до 1870 г. Энгельс вел двойную жизнь, шесть дней в неделю с 10 до 4 часов ему приходилось быть коммерсантом, главным занятием которого было ведение деловой корреспонденции на многочисленных языках и посещение торговой биржи. В центре города у него была официальная квартира, где он принимал лю-

дей, с которыми вел дела, в то время как в свой пригородный домик он допускал только своих друзей по политической работе и научным занятиям, в том числе химика Шофлеммера и Семюэля Мура, позднее переведшего I том «Капитала» на английский язык. Жена Энгельса, по происхождению ирландка и горячая патриотка, поддерживала постоянную связь с ирландцами, которых в Манчестере было очень много, и была всегда в курсе всех их заговоров. Многие фениа нашли пристанище в ее доме и благодаря ей руководитель восстания, пытавшийся освободить фениев во время следования их к месту казни, сумел ускользнуть от полиции. Энгельс, интересовавшийся движением фениев, собрал документы по истории английского господства в Ирландии, некоторые части этой работы, вероятно, написаны и должны находиться среди его бумаг.

Не знаю, были ли осведомлены его буржуазные знакомые о его другой жизни: англичане чрезвычайно сдержанны, нелюбопытны; но во всяком случае они абсолютно ничего не знали о высоких духовных качествах человека, с которым они ежедневно встречались, потому что Энгельс очень мало обнаруживал перед ними свои знания. Он, которого Маркс считал одним из самых образованных людей Европы, был для них только человеком, знавшим толк в хороших винах. Таково было мнение о нем манчестерских торговцев, высказанное одним из них жене Маркса. «Энгельс — легкомысленный человек», — сказала о нем одна дама в 1848 году.

До конца своих дней он оставался веселым сотрапезником, приятным товарищем. Он всегда любил общество молодежи и всегда был гостеприимным хозяином. Многочисленные лондонские социалисты, прежние товарищи, эмигранты из разных стран, которые по воскресеньям собирались за его братским столом, уходили из его дома, восхищенные вечерами, которые он оживлял своим блестящим умом, своей неугомонной веселостью.

* * *

Об Энгельсе нельзя думать без того, чтобы сейчас же не возник в па-

* Напечатано в «Die neue Zeit» № 43, стр. 556. 1904 — 1905 г.

мента Маркс, и, наоборот, их жизни так сплелись, что они составили, так сказать, одну единую жизнь. Тем не менее, они были различными индивидуальностями не только по внешнему виду, но и по темпераменту и характеру. Они лично познакомились в конце ноября 1842 г., во время посещения Энгельсом редакции «Рейнской газеты».

Когда Маркс «воспользовался временным закрытием полицией «Рейнской газеты», чтобы жениться» и съездить во Францию, Энгельс в сентябре 1844 г. приехал к нему на несколько дней в Париж.

Энгельс рассказывает в написанной им биографии Маркса, что «со времени совместной работы в «французско-немецких ежегодниках» оба вступили в переписку, и отсюда начинается совместная деятельность обоих, которая окончилась лишь со смертью Маркса».

В начале 1845 г. министерство Гизо, по требованию прусского правительства, выслало Маркса из Франции, и он переехал в Брюссель; вскоре туда же прибыл Энгельс. И когда революция 1848 года снова вызвала к жизни

Фридрих Энгельс в 1862 г.

«Рейнскую газету», Энгельс был с Марксом и заменял его во время его отсутствия в руководстве газетой...

Энгельс, живший в Англии и изучавший там теоретиков политической экономии, положение рабочих в промышленности и чартистское движение, оказал значительное влияние на Маркса, который до этого больше занимался философией, историей, правом и математикой. Именно Энгельс, главным образом, побудил Маркса посвятить себя изучению политической экономии, о которой в его семье и в среде его университетских профессоров были очень невысокого мнения.

И вскоре Марксу стало ясно, что именно в экономических явлениях надо искать ключ к истории общества и идей. Энгельс рассказывал мне, что в 1848 г. в Париже в «Cafe de la Regence» в одном из главных центров революции 1789 года Маркс впервые изложил ему основы теории империалистического понимания истории.

Энгельс и Маркс привыкли работать совместно. Энгельс, сам в высшей степени точный, терял иногда терпение перед скрупулезностью Маркса, не написавшего ни одного предложения, которое он не мог бы доказать десятью различными способами.

После поражения революции друзьям пришлось расстаться. Один отправился в Манчестер, другой остался в Лондоне, но они не переставали мысленно быть друг с другом. Каждый день или почти каждый день, в течение семнадцати лет, они в переписке делились друг с другом впечатлениями и наблюдениями о политических событиях и успехах своих исследований. Эта переписка сохранилась. И как только Энгельсу удалось освободиться от ярма коммерции, он покинул Манчестер и поспешил в Лондон, где он поселился в Regents Park Road, в десяти минутах от Maitland Park, где жил Маркс. Ежедневно около часу он отправлялся к Марксу, и если погода стояла хорошая, они отправлялись вместе гулять на луга Гемпстэда. Если же гулять нельзя было, то они час—другой проводили в беседе дома, при этом они ходили по рабочей комнате Маркса взад и вперед, один

по одной диагонали, другой — по другой. Я вспоминаю их спор об альбигойцах, который длился несколько дней. Маркс как раз изучал роль еврейских и христианских финансистов средних веков. В промежутках между свиданиями они каждый в отдельности изучали спорный вопрос, чтобы прийти к одному результату. Никакая иная критика их мыслей и работ не имела для них того значения, как эта их взаимная критика: так высоко они ценили друг друга. Маркс не переставал удивляться универсальным знаниям Энгельса, также как замечательной гибкости его ума, которая позволяла ему с легкостью переходить от одного предмета к другому, а Энгельс любил признавать мощь и силу Марксова анализа и обобщения.

«Конечно, — сказал он мне однажды, — в конце концов сущность капиталистического способа производства была бы открыта, и открыты и объяснены были бы законы его развития, но для этого понадобилось бы много времени, и эта работа носила бы отрывочный, лоскутный характер. Только Маркс был в состоянии проследить экономические категории в их диалектическом движении, связать отдельные моменты их развития с определяющими их причинами и построить целостное здание теоретической экономики, отдельные части которого взаимно подкрепляются и обуславливают друг друга». Но их сближала не только совместная умственная работа, их одушевляло нежнейшее влечение друг к другу: один всегда думал о том, чтобы доставить удовольствие другому, один гордился другим. Однажды Маркс получил письмо от своего гамбургского издателя, в котором тот, сообщая о посещении его Энгельсом, заявлял, что познакомился с очаровательнейшим из людей.

«Хотел бы я видеть того, — воскликнул он, прерывая чтение, — кто не нашел бы Фреда столь же милым, как и образованным».

Все у них было общим: и деньги и знания.

Энгельс распространил свою дружбу на всю семью Маркса: дочери Маркса были его детьми, они звали его вторым отцом. Его дружба продолжалась и после смерти Маркса. Только Эн-

Фридрих Энгельс в 1865 г.

гельс был в состоянии разобраться в рукописях Маркса и издать оставшиеся после него произведения. Он отложил в сторону свою всеобщую философию наук, над которой он работал более десяти лет и для которой он подготовил обзор всех наук и их последних достижений, чтобы вместо этого целиком посвятить себя опубликованию двух последних томов «Капитала».

Энгельса интересовали все области знания. После поражения революции 1849 г. он отправился на парусном судне из Генуи в Англию, потому что путь из Швейцарии через Францию показался ему ненадежным. Это обстоятельство он использовал для того, чтобы приобрести знания в области мореходства. Он вел дневник, в котором записывал изменения в положении солнца, направлении ветра, состоянии моря и т. п. Этот дневник должен находиться среди его бумаг; ибо подвижной, неутомимый Энгельс был необыкновенно аккуратен. Он все сохранял и все точнейшим образом записывал. Филология и военное искусство были первым его увлечением; он никогда им не изменял и всегда был в курсе их достижений.

Малейшие детали представляли ценность в его глазах. Я вспоминаю, как вместе со своим другом Меза, приехавшим из Испании, он читал вслух Романцero, чтобы получить урок произношения. Его познания в области европейских языков и даже отдельных диалектов были невероятно обширны.

Когда после падения Коммуны я встретился с членами национального совета Интернационала в Испании, они рассказали мне, что некий Анжел замещает меня в секретариате Генерального совета Испании, и что он пишет на чистейшем кастильском наречии. Этим Анжелом был не кто иной, как Энгельс, фамилия которого так произносилась по-испански. Когда я отправился в Лиссабон, Франчи, секретарь генерального совета в Португалии сообщил, что он получает от Энгельса письма на безупречном португальском языке. Это большое мастерство, особенно если учесть сходство и небольшие различия между обоими языками и итальянским языком, которым он также овладел в совершенстве. Он писал различным

Фридрих Энгельс в 1893 г.

лицам, с которыми вел переписку, на их родном языке. Так он писал по-русски Лаврову, по-французски — французам, по-польски — полякам и т. д. Он наслаждался чтением литературы на местных диалектах, он торопился выписать популярные произведения Биньями, которые были написаны на миланском наречии. На взморье Рамечет владеец одного балагана, окруженный толпой мелкого лондонского люда, показывал бородатого карлика в форме бразильского генерала. Энгельс заговорил с ним сначала по-португальски, затем по-испански — никакого ответа, наконец, генерал сам обронил одно словечко. «Однако,—воскликнул Энгельс,—этот бразилианец ведь ирландец», — и он заговорил с ним на его родном наречии. Бедняга заплакал от радости, услышав родную речь.

Ни к одной области знаний Энгельс не оставался равнодушным. В последние годы своей жизни он читал книги по акушерству, потому что жившая у него фрау Ф. готовилась к экзамену по медицине. Маркс упрекал его в том, что он разбрасывается, сосредоточиваясь на стольких предметах ради собственного удовольствия. Но Энгельс вернул ему этот упрек, сказав: «Я бы с удовольствием сжег русские издания о положении сельского хозяйства, которые в течение нескольких лет не дают тебе закончить «Капитал».

Дело в том, что Маркс в это время занимался изучением русского языка, так как один из его друзей Д... из Петербурга послал ему многочисленные об'емистые отчеты сельскохозяйственной анкеты, печатание которых было запрещено русским правительством, так как они вскрывали ужасающее положение русского крестьянства.

Энгельс удовлетворялся только тогда, когда во всех деталях овладевал предметом, которым он занимался. Если иметь хотя бы приблизительные представления об обширности и разнообразии его знаний и учесть при этом его деятельный образ жизни, то приходится удивляться, как Энгельс, в котором не было ничего от кабинетного ученого, мог накопить в сво-

Клара Цеткин, Фридрих Энгельс, Юлиа Бебель и Август Бебель в Цюрихе в 1893 году.

ей голове такое количество знаний. Он обладал исключительно надежной и всеобъемлющей памятью, необычайной быстротой в работе и не менее удивительной легкостью восприятия. Он работал быстро, без усилий. В его обеих больших и светлых рабочих комнатах, стены которых были заставлены книжными шкафами, не валялось ни кусочка бумаги, и книги, за исключением десятка лежавших на столе, стояли все на своих местах. Эти комнаты походили скорее на приемные комнаты чем на рабочий кабинет ученого.

Столь же тщательно он следил за своей внешностью: всегда подтянутый, опрятный, он выглядел так, как будто собирался идти на смотр. Я не знаю никого другого, кто так долго носил бы одни и те же костюмы, причем они не теряли своего фасона и выглядели как новые.

Если по отношению к себе он был бережлив, расходуя лишь на самое необходимое, то он был безгранично щедр в отношении партии и партийных товарищей, обращавшихся к нему в нужде.

* * *

Энгельс жил в Манчестере, когда был создан Интернационал. Он поддерживал Интернационал материально и сотрудничал в газете «The Commonwealth», издававшейся генеральным советом.

С особым пылом отдался Энгельс работе Интернационала после объявления франко-прусской войны по переезде в Лондон.

Война занимала его и как военного тактика. Изо дня в день следил он за воюющими армиями и не раз предсказывал мероприятия германского генерального штаба, что видно из его статей в «Pall Mall gazette».

За два дня до Седана он предсказал окружение наполеоновской армии. Эти его предсказания, к которым с большим вниманием прислушивалась английская печать, снискали ему от старшей дочери Маркса прозвище «генерал».

После свержения самодержавия он лелеял только одно желание и одну надежду: торжество французской республики. Энгельс и Маркс не имели отечества, они, по выражению Маркса, были «гражданами мира».

М. Кальвари

БАТРАКИ „ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА“

1

В огромное царское поместье «Ливадия», на Южном берегу Крыма, ежегодно стекалось на заработки множество обезземеленных, разорившихся крестьян из северных голодных губерний дореволюционной России.

Руками тысяч батраков выращивались на благодатных склонах Ай-Петри, в изумрудных крымских долинах, лучшие сорта винограда, выделялись прекрасные, тонкие вина знаменитых царских подвалов «Ливадия», «Массандра» и др., выращивались чудесные цветы и тропические декоративные растения, разбивался один из прекраснейших в мире — Ливадийский парк, с газонами, беседками, аллеями, пляжами, создавались красота и роскошь дворцов.

Армией батраков «его величества» полновластно правил известный генерал Евреинов, управляющий царскими имениями, с многочисленными своими помощниками, приказчиками, челядью. Армия была, до поры до времени, безропотна и покорна.

Об этом усердно заботилась ялтинская жандармерия. Допускались к работе только самые «верные» и благонадежные и бесцеремонно высылались «подозрительные» и «беспокойные». С каждого поступавшего рабочего делался фотоснимок, на особые карточки заносились точнейшие приметы и биография кандидатов в царские батраки, о нем наводились тщательные справки на родине, через местные жандармские и полицейские органы. В делах Крымского центрархива до сих пор сохранился толстый гроссбух, весь исклеенный фотографиями рабочих и служащих ливадийского поме-

стья, с соответствующими подписями о должности, поведении, семье, движении по службе, проступках и т. д.

Когда же рабочий, благополучно миновав жандармские рогатки, удаивался, наконец, «чести» стать батраком «его величества», то и в дальнейшем его не оставляли в покое. За ним велось самое тщательное наблюдение. Множество филеров — целый штат дворцовых сыщиков — следили за его поведением, а духовные филеры — попы, поставив на службу дворцовой охраны пресловутую «тайну духовной исповеди», узнавали помыслы рабочих.

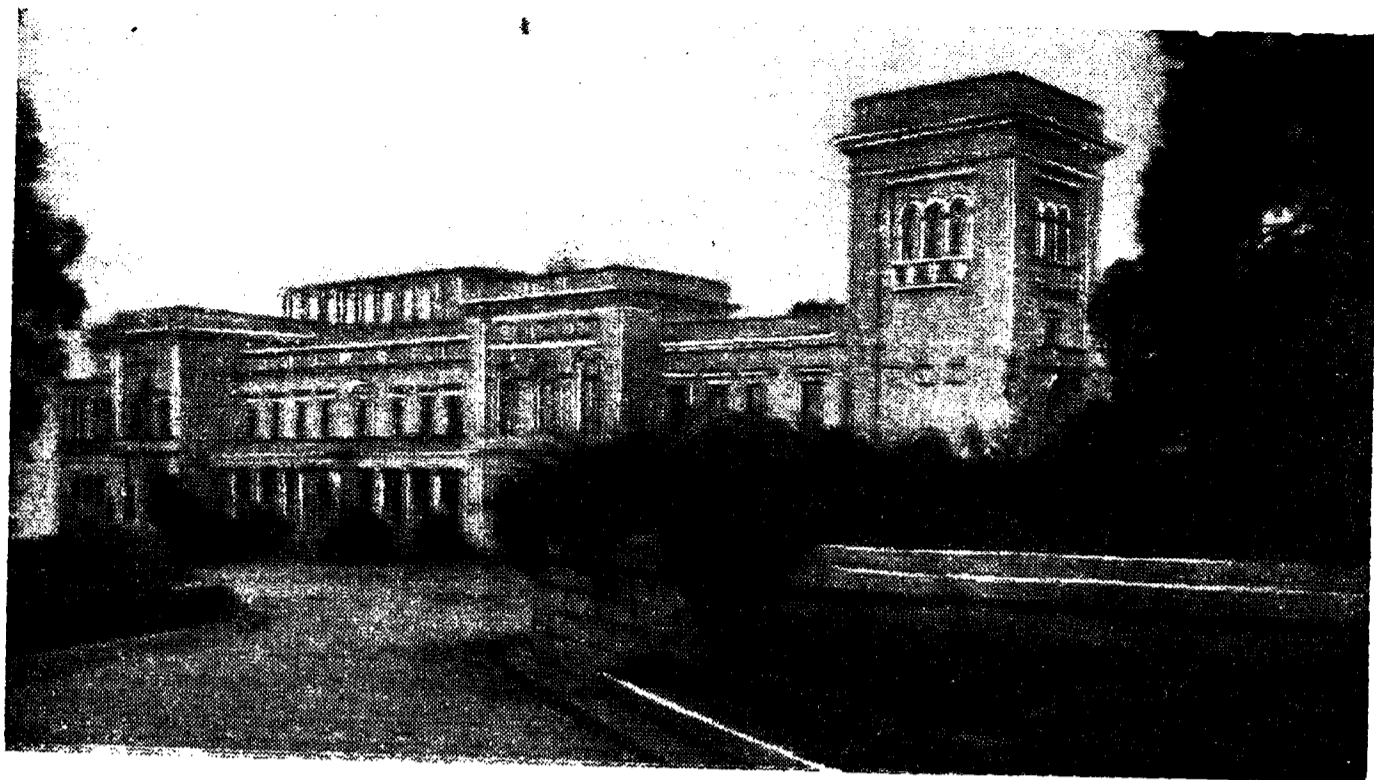
Так первый помещик империи — Николай II — ограждал себя и свои поместья от малейшей «крамолы». Если же «крамола» проникнет даже в эту, столь тщательно отфильтрованную массу царских батраков, то на этот случай на пригорке, у самого шоссе, в знаменитых ливадийских казармах и кавалерийских корпусах, близ лежащей Ореанды, всегда в боевой готовности стояли команды отборных войск особого ливадийского гарнизона.

Все это чрезвычайно затрудняло всякую пропагандистскую работу среди батраков и пробуждение у них классового самосознания. Но, очевидно, настолько накопилось у «отборных» и «благонадежных» батраков Николая Романова, подвергавшихся особо изощренной эксплуатации, что уже в 1901 году в Ливадии вспыхнула первая батрацкая забастовка.

Большевистская «Искра» не могла не отметить этот очень важный факт в борьбе рабочего класса. В «Искре» появилось сообщение о забастовке:

«Крым. Стачка у русского царя.

7 октября в находящемся на Южном берегу Крыма имении русского царя «Ливадия» произошел великий скандал: забастовало 50 рабочих. Причина забастовки — недовольство рабочих неисправной выдачей денег и грубым обращением. Главный управляющий имений царя генерал Евреинов пытался «успокоить» собравшихся в конторе рабочих, уверяя их, что «они шумят из-за пустяков», что «их сбивают злые люди» и пр. Но увещания

Бывш. дворец Николая II в Ливадии, превращенный советской властью во всесоюзный крестьянский санаторий.

от'евшегося на жирных хлебах царского холопа никакого впечатления на рабочих не произвели, и они, выставив категорически свои требования, бросили в 5 часов вечера работу. Царская контора не замедлила пойти на уступки и выразила на следующий день готовность удовлетворить выставленные стачечниками требования, выдала им из конторы счета для просмотра, обещала впредь «вежливое обращение». Среди крымских рабочих этот отрадный факт производит сильное впечатление, содействуя росту классового и политического сознания. «Вот тебе и царь!—говорит даже темная еще рабочая масса,—выходит, что кровь нашу он пьет не хуже любого подрядчика»¹.

Ни имен, ни дальнейшей судьбы организаторов и участников этой первой в имени царя стачки история не сохранила. Однако известно, что генералу Евреинову и всей многочисленной охранной челяди не удалось загасить эту первую искорку классовой борьбы в самом аристократическом уголке России. За первым боем батрацкой Ливадии с царской Ливадией последовали классовые схватки и в других поместьях российской знати — великих князей, баронов, графов,

Удельного ведомства: в Массандре, Ай-Тодоре, Никите, Алушке и т. д.

Центром революционного движения среди царских и великокняжеских батраков становится сельскохозяйственное училище при «Императорском ботаническом Никитском саду» (около Ялты). Уже в 1903 году среди учащихся этой школы и рабочих Никитского сада возник революционный кружок. Характерным показателем партийного направления кружка является сохранившаяся опись захваченной полицией нелегальной литературы, получавшейся этим кружком. В ней прежде всего числится «Искра» за 1902—1903 годы, целый ряд листовок, подписанных социал-демократическими организациями, а впоследствии, в 1905 году, — и большевистский «Пролетарий». Самый характер деятельности кружка, боевая решимость его членов, планомерная подготовка стачек и выступлений, пропаганда среди батраков и вооружение их близки к большевистской программе и тактике.

Но первые шаги этого кружка были очень робкими. Воспитанники пред'явили начальству Сада и училища весьма скромные требования: улучшение пищи, соблюдение санитарных условий и более рациональную постановку преподавания химии.

¹ «Искра» № 10 за 1901 год.

И больше ничего! Дальнейшему углублению и обострению недовольства среди учащихся Никитского сельскохозяйственного училища помогли сама администрация Сада и полиция. Ученый шпион, директор «Императорского ботанического Никитского сада» заслуженный профессор Лагермарк для «удовлетворения» требований учащихся обратился в полицию. Самый факт предъявления требований, пусть весьма скромных и признанных правильными даже прокурором, был расценен начальством как акт неслыханной «крамолы» и «бунта». Восемь воспитанников были уволены как «зачинщики» и главные виновники.

Но донос директора в полицию, обыски и последовавшее увольнение привели лишь к усилению революционных настроений среди учащихся и рабочих Никитского сада. Движению был тем самым дан новый толчок.

По доносу профессора, было арестовано несколько учащихся Сада. При обыске в церковном доме Сада было найдено более 200 экземпляров различных нелегальных, большей частью социал-демократических, изданий — листовок, брошюр, газеты «Искра» и т. д.

2

Прошел год. Наступили дни первой революции. Кровавое воскресенье и последовавшие за ним революционные взрывы по всей России не могли не всколыхнуть даже самые отсталые до сих пор слои «покорного» батрачества латифундий высшей царской аристократии. Пробуждению классового сознания батрачества способствовали прибывавшие в Ялту нелегальным образом партийные работники, которых часто навещали члены местных революционных кружков, отдельные батраки и солдаты местного гарнизона. Из года в год на Южный берег Крыма приезжали Максим Горький и А. П. Чехов, имевший в Ялте свою дачу. За Горьким полиция вела постоянную слежку, гласную и негласную, везде, где бы он ни был.

Установлено, что воспитанники и некоторые рабочие Никитского сада довольно часто бывали у Максима Горького. Общение с ним и другими участниками революционного движе-

ния, несомненно, развивало и оформляло неясные революционные стремления и недовольство батраков. Через них батраки получали и нелегальную партийную литературу.

К тому времени, когда развернулись главные революционные события на Южном берегу Крыма, никитский кружок уже насчитывал в своем составе около 100 человек, из них — 25 рабочих и 73 воспитанника (последние были выходцами главным образом из крестьянской среды и трудовой интеллигенции Ялты, Астрахани, Самарканда и других городов). Деятельность кружка постепенно выходила за пределы Сада и охватывала сперва батраков окрестных имений: Массандры, Гурзуфа и др.; затем, все более расширяясь, распространилась на весь Южный берег Крыма: от Гурзуфа до Симеиза. Частое общение никитских батраков и воспитанников с батраками царских и великокняжеских, графских и удельных имений, посещение последними Никитского сада позволило охватить социал-демократическим влиянием тысячи батраков. На открытых митингах, организованных никитским кружком, присутствовали сотни и тысячи сельскохозяйственных рабочих Южного берега Крыма.

Общая картина деятельности никитского с.-д. кружка в 1905 году довольно подробно описывается в следующем донесении ялтинского исправника:

«В Императорском Никитском саду воспитанниками и рабочими в минувшем ноябре и декабре месяцах в здании училища и казармах для рабочих неоднократно устраивались митинги, на которых иногда произносились ораторами революционного характера речи. Митинги происходили большей частью под председательством местного учителя Ховренка, Соколова и др., причем, как установлено, один раз на митинг был приглашен известный оратор-революционер Дементьев («Семен»), который ныне скрылся, как подлежащий аресту. 17 сего января (1906 года.—М. К.) в здании Никитских казарм для рабочих вновь был устроен митинг, на котором присутствовали рабочие и воспитанники Сада. По сведениям, из воспитанников

Никитского сада более 20 человек вооружены револьверами и кинжалами.

...Надзор слабый, воспитанники очень часто являются в город Ялту и находятся до поздней ночи... Участвовали во всех митингах и собраниях, бывших в городе и многие из воспитанников революционного направления, которые и являются агитаторами среди рабочих как в Никитском саду, так и в соседних имениях: Ай-Даниль и Массандра...»¹

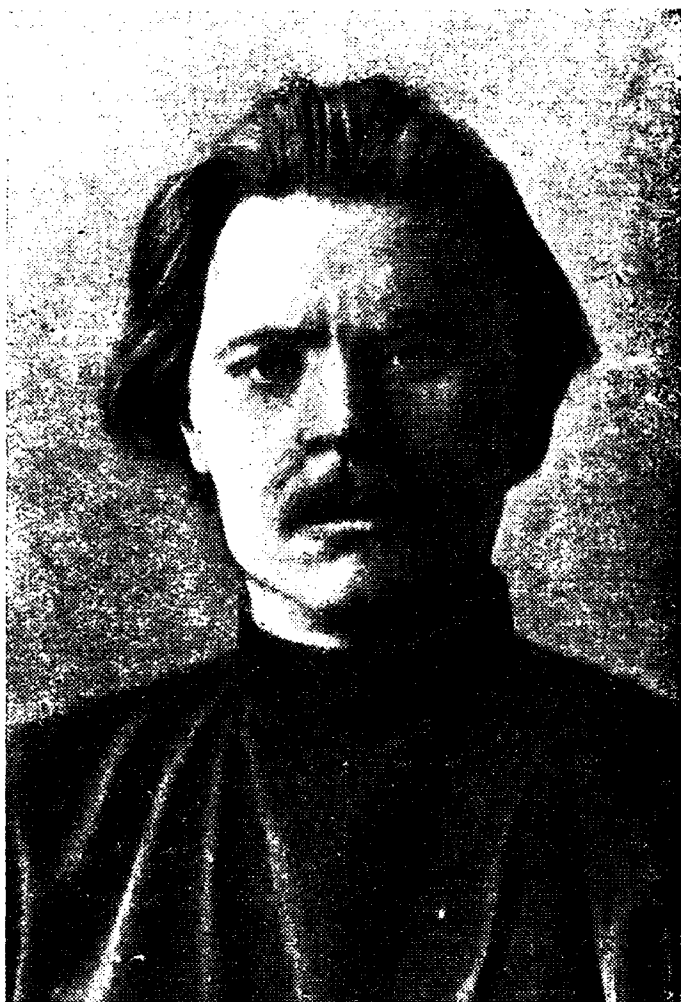
Полиция не раз устраивала облавы, обыски и аресты среди рабочих и воспитанников Никитского сада. Однако крепкая спайка и классовая солидарность батраков постоянно спасали никитский социал-демократический кружок от провала. Жандармам никак не удавалось добраться до «головки» кружка, а на место арестованных кружковцев батрацкая революционная масса, находившаяся в непрерывном и все усиливавшемся брожении, давала все новые пополнения.

Раздраженные бесплодной борьбой полиции с никитским социал-демократическим кружком, столичные власти решают одним ударом ликвидировать самое гнездо революционного движения на Южном берегу Крыма — Никитское сельскохозяйственное училище. Телеграфным распоряжением из Петербурга отдается приказ о «временном закрытии учебных учреждений Никитского сада. Благоволите случае надобности принять меры охране имущества и отправке учащихся домой. Директор Шидловский»².

Однако учащиеся Никитского сада отказались «отправиться домой».

Большую роль в деле сплочения батрацких масс сыграл профсоюз батраков Южного берега Крыма, организованный осенью 1905 года, в результате деятельности никитского социал-демократического кружка.

Батрацкий профсоюз быстро расширял свое влияние на рабочих других аристократических имений. Уже через несколько дней после его основания к нему примкнули рабочие крупного великокняжеского имения Ай-Тодор и других поместий российской

Тов. Максим Горький (Алексей Максимович Пешков). 1905 г.

знати. Его ячейки были созданы в целом ряде поместий.

Свою практическую работу профсоюз начал с предъявления именитым помещикам экономических требований. «На собрании этого союза,— сообщает ялтинский исправник,— постановлено в настоящее время ходатайствовать об улучшении быта рабочих в материальном отношении, улучшить больницу и школу при имении, учредить магазин общества потребителей, учредить общественную ссудо-сберегательную кассу, а также устранить местную администрацию от увольнения служащих в имении, которые могут быть увольняемы только с согласия всех служащих»³.

Знатные помещики даже «не снизились» до обсуждения батрацких требований. Они продолжали забрасывать Петербург тревожными телеграммами о «готовящемся бунте». Они жаловались на бездействие властей, допустивших эти «беспорядки» и образование

¹ Крымцентрархив, фонд таврического губернатора, секретный стол, д. № 46 за 1905—1906 гг.

² Там же. Письмо от 10/II 1906 г.

³ Крымцентрархив, фонд таврического губернатора, секретный стол, д. № 46 за 1905—1906 гг.

революционных гнезд—и где? В «Императорском имении Массандра» и «Императорском ботаническом Никитском саду»!

Опасения управляющих «удельными» именьями и знатных помещиков Южного берега Крыма имели веские основания: местные власти действительно растерялись перед мощным напором батрацкого движения. Это было осенью и зимой 1905 года, в те дни, когда на значительной части территории империи, на многих заводах, железных дорогах рабочим временно удавалось вырвать фактическую власть из рук царского правительства, как это было в Москве (на Пресне), в Чите, Красноярске, Донбассе, Прибалтике и т. д.

Сведения о брожении и нарастающих выступлениях среди южнобережных рабочих дошли и до Петербурга, до «Министерства императорского двора и уделов», решившего принять самые крутые меры для искоренения «крамолы».

Но устранению «беспорядков» мешают серьезные причины: «крамола» проникла и в войска, в те самые отборные войска, за штыками которых Романовы и прочие чувствовали себя в своих «райских уголках» в полной безопасности. Эти войска, соприкасаясь с местными батраками, питаемые революционным духом родных российских деревень, также стали ненадежными.

Начальство опасалось, что при первом же выступлении батраков войска не только откажутся стрелять в них, но даже могут перейти на их сторону.

Часть войск была прислана в Ялту из Керчи, где местной большевистской организацией велась среди солдат усиленная революционная работа и где были солдатские волнения. Так, 249-й полк прибыл в Ялту из Керчи уже «распропагандированным».

Стянутые на Южный берег Крыма «отборные» части царской армии уже несли в себе революционную «заразу» и, прибыв в Ялту, скоро стали поддаваться революционной пропаганде. Из ряда документов явствует, что это движение в войсках ливадийского и ялтинского гарнизонов не было чисто стихийным: оно подготовлялось и организовывалось сперва керченскими,

а затем ялтинскими социал-демократическими группами, которые с весны 1905 года повели среди солдат усиленную агитационно-разъяснительную работу. Уже в Ялте группа партийных работников собирала на подпольных квартирах солдат из пограничников и военной охраны имений, читала и снабжала их революционной литературой, в частности знаменитой «Солдатской памяткой» и другими листовками. В Ливадии были образованы даже подпольные кружки, правда, весьма малочисленные. Настроение солдат все больше склонялось на сторону батраков. Более того: уже в самом начале зимних восстаний 1905 года, в ноябре, солдаты, вызванные в Ялту из Керчи для усиления частей местного гарнизона, предъявили начальству требование — отправить их обратно в Керчь, к месту расквартирования, и требование немедленной демобилизации.

Ввиду явно тревожного положения дел даже и среди «отборных» царских войск в Ялту был срочно командирован таврический вице-губернатор граф Муравьев для «успокоения» батраков и приведения в повиновение солдат. Но, прибыв в Ялту, Муравьев застал настолько неприглядную для себя картину «морального» состояния войск, что единственной мерой для спасения положения вице-губернатор признал... немедленную отправку войск обратно из Ялты. В письме командующему войсками Одесского военного округа сообщалось:

«...Нижние чины находящегося в Ялте 249-го Ялтинского пехотного полка заявили, что так как их товарищи, призванные из запаса, и другие части уже уволены от службы, то они просят об отправлении их в Керчь к штабу полка для увольнения также в запас армии. Кроме того, они заявили, что не желают оставаться здесь в Ялте, потому, что возбужденное настроение и отношение к ним жителей города их тревожит. Поэтому подполковник Шелковников (комендант города.—М. К.), полагая, что дальнейшее оставление в Ялте названного батальона не только бесполезно, но может быть и вредно, просит вице-губернатора разрешить отправить этот батальон в Керчь 30 сего ноября.

Вследствие этого сделано распоря-

Секретно

НАЧАЛЬНИКУ ТАВРИЧЕСКОГО ГУБЕРНСКАГО
ЖАНДАРМСКАГО УПРАВЛЕНИЯ.

Литераторъ Алексей Максимовъ
Горький / псевдонимъ Максимъ
Горький, прибылъ 29 сего Марта въ
Ялту, несласяе наблюдение до ннѣ
срредствено того же кнѣзя

Вотинский

№ 351.

30 Марта 1905 года
в Ялте

Секретное донесение жандармскому управлению о прибытии Максима Горького в Ялту. 1905 г.

жение о немедленном возвращении упомянутого батальона в г. Керчь и командировании в Ялту одного эскадрона Крымского дивизиона»¹.

Как видно из письма, разложение в войсках Ялтинского гарнизона зашло настолько далеко, что власти больше уже не полагались на солдат. Весьма показателен тот «демократизм», с которым сиятельный граф Муравьев и комендант Шелковников «снизошли» до выслушивания «мятежных» жалоб солдат: настолько велика была растерянность и паника среди военных и гражданских властей Южного берега Крыма.

В довершение картины в Ялте начались волнения и среди полицейских чинов. «Около 10 городских уже заявили об уходе со службы, если не будет им прибавлено жалованье», — доносил губернатору ялтинский исправник².

Расстановка сил и вся обстановка в этой царской и великокняжеской вот-

чине складывались, таким образом, явно не в пользу самодержавия.

Потеряв опору даже в самых «верных» войсках, местные власти не посмели до поры до времени тронуть вожаков батрацкого движения, опасаясь, что это повлечет за собой открытый переход солдат на сторону рабочих. Никитский социал-демократический кружок и профсоюз батраков все более расширяют свое влияние и переходят теперь уже к открытым выступлениям против царской власти.

3

Скромные требования батраков, о которых говорилось выше, отвергнуты, и они убеждаются, что одной только экономической борьбой никаких уступок от знатных хозяев не вырвать. Среди батраков нарастает все большее озлобление против помещиков, укрепляются боевые настроения. Еще так недавно опасавшиеся даже обсуждать возможность вооруженного выступления, батраки к зиме 1905 года уже сами сговариваются между собой идти громить не только имения своих хозяев, но и поместье самого царя.

¹ Крымцентрархив, фонд таврического губернатора, секретный стол, д. 46 за 1905—1906 гг. Письмо № 6212.

² Там же. Письмо ялтинского исправника, № 865.

Вскоре к профсоюзу батраков примкнули и батраки Алупки, которая была тогда вотчиной знаменитых графов Воронцовых-Дашковых, построивших себе там редкий по красоте архитектуры дворец «Альгамбру» (сейчас здесь прекрасный санаторий для трудящихся, поликлиники, музей).

«Последние дни ежедневно в Алупке происходят большие митинги, причем между рабочими тайно идут переговоры, что ввиду отсутствия из Алупки войск немедленно соединиться с ялтинскими революционерами и войти в Ай-Тодор...¹ Войск в настоящее время всего 212 нижних чинов, из коих в Алупке 10 человек, Массандре—12 человек, Ливадии—190 человек и т. д. И на этих нижних чинов, как призванных в Ялтинский полк из запаса... рассчитывать нельзя, так как они, по всей вероятности, в случае надобности стрелять откажутся»² — тревожно доносил губернатору ялтинский исправник Гвоздевич в разгаре зимы 1905 г.

В Ялте, Никите, Массандре в свою очередь готовились к походу на царские и великокняжеские дворцы. В начале 1906 года никитскому социал-демократическому кружку и профсоюзу батраков удалось, наконец, завязать более прочные связи с рабочими царского имения «Ливадия». Теперь на митинги рабочих стали все чаще появляться и батраки Николая Романова. Митинги и сходки переносятся уже из Никиты и Массандры в самую Ялту, чтобы дать возможность ливадийским, айтодорским и алупкинским батракам присутствовать на них (Ялта находится в самом центре Южного берега Крыма, имея с востока Массандру, Никиту, Гурзуф и т. д. и с запада—Ливадию, Мисхор, Алупку и др.).

Самой трудной частью работы была добыча оружия. Если не считать нескольких револьверов и бомб, батраки были почти безоружны. Но отсутствие оружия не останавливает их — так сильны и непримиримы боевая решимость и озлобленность рабочей мас-

сы. Этот факт отмечает жандармский ротмистр в своем очередном донесении начальству:

«В г. Ялте настроение населения с каждым днем становится все более возбужденным, ожидаются крупные беспорядки. Усиленно циркулируют два слуха... Будто рабочие в Императорском имении «Ливадия» и удельном имении «Массандра» совместно с некоторыми нижними чинами Ливадийской роты и при содействии городских рабочих намерены разнести царские имения «Ливадию» и «Массандру», убив предварительно начальствующих лиц. На этой неделе ожидается большая сходка, на которой предполагается прийти к окончательному решению.

Ввиду изложенного доношу, что в Ялте нет воинских команд, могущих подавить беспорядки. Одна рота, занимающая караулы в Ливадии, в случае надобности может выделить от себя не более сорока человек, в случае же возникновения беспорядков толпа может дойти тысяч до четырех. В настоящее время масса рабочих на перекопке винограда. Ротмистр Кормилев»³.

Это тревожное донесение повергло губернатора в сильнейшую панику. Ялтинским властям тотчас же передается секретное телеграфное распоряжение губернатора.

«В случае движения толпы сторону Ливадии, Ай-Тодора передайте Шелковникову (коменданту города. — М. К. действовать оружием без промедления.

Губернатор Волков»⁴.

Командированный высшими властями в Ялту для «усмирения» батрацкого бунта вице-губернатор граф Муравьев имел приказ — «патронов не жалеть», «действовать огнем без промедления». Это была попытка в новой обстановке, у другого царского дворца повторить кровавое воскресенье. На этот раз новая бойня готовилась рабо-

¹ Желание идти в Ай-Тодор не было случайным: там как раз в эти месяцы отдыхал великий князь А. М. Романов с семьей и челядью. (См. «Крымский вестник», № 21 за 1906 г.).

² Крымцентрархив, фонд таврического губернатора, секретный стол, д. № 46 за 1905—1906 гг., рапорт № 865.

³ Там же. Дело таврического губернского жандармского управления за 1905 г. Переписка о Никитском сельскохозяйственном училище.

⁴ Крымцентрархив, фонд таврического губернатора, секретный стол, д. № 46 за 1905—1906 гг.

чим не у Зимнего, а у Ливадийского дворца Николая II.

Но времена были уже другие, хотя с тех пор прошло меньше года. Зимой 1905—1906 года к царскому дворцу готовилась идти уже не покорная «царю-багюшке» толпа трудящихся с челобитной, иконами и хоругвями, не петиции, а топоры и вилы несли батраки к романовской вотчине. С другой стороны, и в войсках за этот год многое изменилось.

Вместо мобилизации солдат на расправу с батрацким движением вице-губернатору Муравьеву пришлось спешно тушить пожар в самих войсках и поскорее выслать целую часть из Ялты на север.

В архиве не сохранились данные о том, удалось ли никитским и ялтинским социал-демократам и руководимому им батрацкому союзу совершить поход на «Ливадию» и великокняжеские и удельные имения.

Известно только, что 6 февраля 1906 года, как сообщал ялтинский «Крымский курьер» за 10/II, «толпа рабочих, работавших в Массандре на плантации, отправившись в соседнее имение «Позилитто»... произвела разгром... Когда в «Позилитто» прискакала вызванная по телефону из Массандры конница, то дом был уже разгромлен...».

Дальше выступление батраков не развилось, так как царскому правительству удалось в последнюю минуту прислать на Южный берег достаточное количество войск для усмирения тотовившегося восстания, которое и было разгромлено с большой жестокостью, сопровождаясь массовыми избиениями, арестами и высылками.

Ялтинские батраки разделили в 1905 году судьбу своих товарищей по классу в других местностях России.

4

Той же зимой 1905—1906 года на другом конце Южного берега Крыма почти в одно время с батрацкими выступлениями развернулось бурное движение татарской бедноты против тех же царских захватчиков. Царско-княжеская вотчина загоралась с другого своего конца—национально-аграрного. У ограбленного имениными помещика-

ми татарского крестьянства были свои крупные счета с русским самодержавием, счета, имевшие более чем столетнюю давность.

Завоевав в 1783 году Крымский полуостров, превратив его в российскую колонию, тогдашняя императрица Екатерина II раздарила своим фаворитам и прочим дворянам и чиновникам сотни тысяч десятин, т. е. большую часть крымских земель, насильственно, грабительски отобранных у крымских татар. Не удовлетворяясь царскими «подарками», русские дворяне, князья, графы, тучами налетевшие на покоренный полуостров в надежде поживиться и округлить свои владения, начали без стеснения отхватывать у татарских крестьян еще новые участки самых лучших земель.

Особенно отличился на этом поприще екатерининский адмирал, граф Мордвинов. Получив в дар от императрицы 6000 десятин прекраснейшей и ценнейшей земли на Южном берегу Крыма (где каждая десятина стоит десяти степных), Мордвинов уже самолично пополнил «подарок» захватом у татарских крестьян Байдарской долины еще 10 тысяч десятин земли и лесов. Были ограблены сразу около 20 татарских деревень—11 в Байдарской долине: Уркуста, Узунджи, Бага, Скеле, Саватка, Кучук-Мускомья, Варнаутка, Сахтик, Календе, Кайта, самые Байдары и др. Мордвинову и этого показалось мало: в других местах Крыма Мордвинов захватил еще несколько тысяч десятин у крестьян татарских деревень Южного берега Крыма (Форос, Мшатка, Мухалатка, Суук-Су), в деревне Таракташ был отобран фруктовый сад и т. д. Самых татарских крестьян Мордвинов обратил в своих крепостных, установив для них зверские поборы и барщину.

Крестьяне пытались жаловаться в Петербург, в сенат. «Мордвинов,— писали они,— все время заставляет нас работать на него, так что мы не имеем возможности работать для своих семейств».

Сенат не ответил. Татары пришли с жалобой к одному из великих князей. Великий князь «ответил»: за строптивое поведение жалобщики были избиты батогами и брошены в тюрьму.

Сами цари и великие князья из по-

колениа в поколение также грабили татарское крестьянство, захватывая у него лучшие земли под дворцы, поместья, под царскую охоту, под великоленные парки, сады, цветники, виноградники и т. д. На огнятых у татарского крестьянства землях создавалось великолепие «Ливадии», «Массандры», «Эреклика», «Алупки», «Дюльбера» и десятков других царских и великокняжеских дворцов.

Такие же захваты крестьянских лесов были сделаны у крестьян Гурзуфа, Массандры и многих других татарских деревень, т. е. в тех же местах, где осенью и зимой 1905 года вспыхнули батрацкие волнения. И хотя прямой организационной связи между движением русских батраков Ялты и ее окрестностей, с одной стороны, и татарских крестьян Байдар, Гурзуфа и т. д.— с другой, установить не удалось, несомненно, что смелая борьба рабочих Южного берега Крыма не могла не вызвать сочувствия и отклика среди татарских крестьян. Центр движения татарских крестьян находился как раз в Байдарах, оказавшихся между двух революционных огней: с запада доносились отзвуки революционного восстания матросов недалекого Севастополя (25 километров от Байдар), с востока — огромный район вокруг Ялты пылал все более разгоравшимся батрацким движением.

В самых Байдарах, Гурзуфе и т. д. стали созываться сходки татарских крестьян, на этих сходках рассказывали о бунтах во флоте, забастовке и выступлении батраков. Рассказы эти вызывали и в татарских крестьянах «бунтарские» настроения.

Не случайно поэтому, что выступление татарского крестьянства Южного берега Крыма началось также в ноябре 1905 года, тотчас же после севастопольского восстания.

За сто с лишним лет грабежа, гнета и издевательства татарское крестьянство начало рассчитывать с царско-дворянской властью.

«12—14 декабря в Гурзуфской приписной даче татары группами в 5—10 человек начали самовольно порубку леса, а на протесты охраны заявили: «лес наш, а потому и рубим», как до-

носил управляющий государственными имуществами Циолковский»¹.

«Лес наш, а потому и рубим» — под этим лозунгом татарские крестьяне возобновили старую, извечную, более чем столетнюю борьбу против графа Мордвинова. Характерно, что такое революционное заявление татарских крестьян Байдарской долины приводит в своем донесении и ялтинский земский начальник:

«Доношу Вашему Превосходительству, что вчера общество деревни Уркуста начало самовольно порубку мордвиновского леса. Сегодня примкнуло общество Баги и Саватки. Настроение других обществ Байдарской волости солидарно вышеназванным... Земский начальник Данилевский»².

В те же дни «Крымский вестник» писал, что «аграрное движение» в Байдарской долине растет, что «в течение нескольких дней вырублена огромная площадь... земский начальник и становой пристав... были зрителями, хотя и не безмолвными, того, как подводы, нагруженные лесом, везжали в деревни»³.

Байдарское «лесное выступление», начавшееся в середине ноября, продолжалось несколько месяцев. Оно развертывалось на глазах у начальства, и власти ничего не могли поделать, ибо верных войск они уже в своем распоряжении не имели.

Чувствуя свое бессилие, власти начинают играть с крестьянами в «демократию». Прибывший на сход в Байдары байдарский пристав занялся уговорами подождать рубить лес до решения Государственной думы.

Но «Байдарское общество,—пишет он 16 ноября,—вновь обсуждало решение поселян некоторых деревень, указанных в первом рапорте, производить самовольную порубку леса. По прибытии на сход мной первоначально был прочитан обществу Высочайший манифест от 3 ноября, с призывом к успокоению населения и о предстоящем в недалеком будущем обсуждении их нужд в Государственной Ду-

¹ Крымцентрархив, фонд таврического губернатора, секретный стол. Дело с персиской об аграрном движении в Ялте. 1905 год.

² Там же.

³ «Крымский вестник» за ноябрь 1905 г.

ме от народа... Большая часть решила производить порубки, не выжидая дальнейшего решения этого вопроса... После того сход разошелся, решив большинством приступить к самовольной рубке мордвиновского леса, начиная с субботы, т. е. 19 сего ноября»¹.

Подчеркиваем, что подобные решения выносились сходами в присутствии приставов и земского начальника.

Под угрозой присылки войск и кровавой расправы байдарские крестьяне временно прекратили захваты лесов. Но стоило Муравьеву, экстренно выехавшему в Байдары, уехать оттуда, как мордвиновские леса снова подверглись набегу крестьян. Теперь встали как один все 11 селений Байдарской долины.

Тысячи крестьян с топорами вырубали свои же леса, захваченные у них Мордвиновыми, потеряв всякую надежду на «справедливое» решение своей столетней тяжбы. Это дружное и организованное выступление крестьян целой волости всполошило высшие сферы Петербурга.

Вельможный опекун молодых графов Мордвиновых барон Иксуль фон Гильдебрант поднял тревогу в министерстве внутренних дел. Скоро губернатор получил строгое внушение и предписание от знаменитого Дурново, министра внутренних дел:

«Получил сведение, что в Байдарском имении графа Мордвинова крестьяне производят безнаказанно порубки леса. Прибывший на место вице-губернатор будто бы приглашал управляющего имением уступить крестьянам. Сообщите, правда ли это, и примите решительные меры к окончательному прекращению самоуправства. Министр внутренних дел Дурново»².

Спасая свои огромные имения на Южном берегу Крыма от надвигающегося разгрома, власти поспешили пригласить, наконец, сюда надежные войска. Теперь местные власти заговорили с крестьянами по-другому: «демо-

кратизм» был отброшен, как негодная тряпка. Гурзуф, Кореиз, Алушта, Байдары были наводнены войсками.

Подавив восстания в Севастополе и Одессе, Горловке и Екатеринославе, царская власть направила освободившиеся войска на подавление батрацких и крестьянских выступлений в Крыму.

Ялтинская тюрьма не вмещала арестованных. Были переполнены все участки, гауптвахты, арестантские помещения, а власти просили все новых и новых войск,—«лучше всего—кавалерию». Начальство обрело, наконец, утраченную было устойчивость.

Социал-демократические кружки и профсоюз батраков были разгромлены. Сотни более активных и просто «подозрительных» трудящихся были арестованы, еще больше было выслано из Ялтинского уезда.

Гнездо революционного движения и социал-демократической работы среди батраков — Никитское сельскохозяйственное училище—особым распоряжением из Петербурга 14 февраля было закрыто, и воспитанники его отправлены домой, вернее, высланы из Ялты. Еще раньше, 11 февраля, были арестованы как «зачинщики» 9 учащихся, 2 учителя, фельдшер Никитской школы и много рабочих массандровского имения.

Движение южнобережских батраков и татарских крестьян в 1905 г. было, таким образом, подавлено, но не уничтожено. Разделив участь первой революции, трудящиеся царско-княжеской вотчины пронесли через годы реакции и империалистической войны накопленную десятилетиями непримиримую ненависть к буржуазно-помещичьему строю. В годы гражданской войны, когда в Крыму свирепствовал последний отпрыск старого строя, барон Врангель, южнобережские батраки и татарские бедняки пополняли ряды Красной повстанческой армии, организовались в лесах и крымских горах в красно-зеленые отряды, вооружались чем попало и совершали выступления против белой армии. При их активном участии Красной армией были изгнаны из Крыма последние остатки помещичьего строя и уничтожены царско-княжеские вотчины.

¹ Крымцентрархив, фонд таврического губернатора, секретный стол, д. № 46, рапорт байдарского пристава от 16/XI 1905 г.

² Там же. Телеграмма из Петербурга.

С. Окунь

ПОЛИТИКА РУССКОГО ЦАРИЗМА НА ТИХОМ ОКЕАНЕ*

В своих стремлениях к расширению сферы влияния на Дальнем Востоке русский царизм еще в начале XIX в. наметил себе чрезвычайно обширную программу колониальной экспансии на Тихом океане. Созданная еще в павловскую эпоху, Российско-американская компания с 1809—1810 гг., пользуясь обострением англо-американских отношений и, наконец, начавшейся между ними войной, пользуясь восстанием в Мексике, парализовавшим сопротивление Испании, разработала широкий план экспансии. План заключался в том, чтобы последовательно утвердиться в Калифорнии, на Гавайских островах¹, в южной части Сахалина и на устье Амура. Эти владения вместе с Камчаткой, Курильскими и Алеутскими ост-

* Настоящая статья представляет собой сокращенную главу из подготовляемых автором к печати очерков по истории колониальной политики царизма на Тихом океане.

¹ Гавайские, или Сандвичевы, острова расположены в северной части Тихого океана, в середине пути между Северной Америкой и Азией. Обладая удобными гаванями, Гавайские острова стали транзитной базой для торговли, в первую очередь с Китаем, как для Англии, так и для Соединенных штатов. Кроме того возможность вывоза оттуда большого числа «колониальных товаров» и сандалового дерева еще более увеличила значение Гавайских островов.

ровами, уже принадлежавшими России, должны были превратить последнюю в полновластного хозяина северной части Тихого океана.

План компании выражал интересы как промышленных, так и торговых кругов России, которые надеялись этим путем максимально освободить русскую промышленность от импортного сырья, занять господствующее положение на китайском рынке и создать базу для снабжения внутреннего рынка колониальными товарами.

Калифорния, помимо чисто стратегического значения как пункт, обеспечивающий гегемонию на Тихом океане, должна была послужить земельно-сельскохозяйственной базой для русских поселений в Америке. Значение Калифорнии как колонии увеличивалось богатством ископаемых и пушнины. Однако наиболее существенным пунктом должны были явиться Гавайские острова.

Имея очень смутное представление о действительных богатствах Гавайских островов, русские промышленники предполагали завести на них настолько обширные плантации хлопка, что «значительная часть россиян могут быть одеты бумажными изделиями»², развести тутовые деревья и при помощи приглашенных китайских специалистов заняться выделкой шёлка. Кроме того проект намечал разведение мериносовых овец и выделывание грубошерстных сукон и одеял, разведение сахарного тростника, всевозможных пряностей и, наконец, вывоз сандалового дерева, пушнины и пр.

Владения на Амуре должны были обеспечить проникновение русских товаров в Китай. Осуществление этого предполагалось начать с укрепления русских в Калифорнии.

Компания всячески домогалась, чтобы правительство по своему почину завело торговые сношения с Калифорнией и основало там поселение. Однако в 1809 г. «высочайшим повелением» компании предлагалось самой прокладывать себе дорогу к этой тор-

² Ленинградское отделение Центрального исторического архива (ЛОЦИА). Фонд Департамента торговли и мануфактур. 1819 г., д. № 406, л. 1—6.

Местоположение Гавайских островов (схематическая карта).

говле и разрешалось устроить в Калифорнии русское заселение якобы по своей инициативе. При этом компания была «обнадежена высочайшим заступничеством». 30 августа 1812 г. на испанской территории в Калифорнии состоялось торжественное открытие русской колонии «РОСС».

Неоднократные протесты испанского правительства, нота испанского посланника министру иностранных дел Нессельроде в 1817 г. по поводу незаконного захвата испанских колоний и просьбы от имени испанского короля уничтожить русские поселения ни к чему не повели. Пользуясь охватившими Калифорнию восстаниями, компания даже расширила там свои владения.

После утверждения на берегах Калифорнии и основания колонии «РОСС» компания предпринимает дальнейшие шаги к осуществлению своего плана.

«Чтобы утвердить политическое равновесие в Азии, Россия имеет надобность в Сандвичевых островах, по завладении коими предложить может дружбу свою Китаю, Японии, американским колониям, освободившимся от ига испанцев, как равномерно и покровительство островам Филиппинским и прочим», — писал несколько позже комиссионер компании Шеффер царю Александру I.

Кое-какие разведки по поводу Гавайских островов делались Российско-американской компанией еще в

1806 г., когда корабль компании «Нева» под командою Лисянского пристал к острову Атуваю (Тауаи-Кауаи).

Король Атувая Томари, собиравшийся в это время воевать с королем острова Овайгу (Гавайи) Томи-оми, хотел прибегнуть к помощи русских, в частности просил снабдить его порохом и оружием. Однако в то время офицеры компании не рискнули вмешаться в междуусобные войны гавайских царьков.

В 1809 г. тот же корабль «Нева» под командой лейтенанта Гагемейстера пристал к островам Овайгу и Атуваю, причем король Атувая Томари, по словам офицеров, просил оставить на острове русских поселенцев, которые смогли бы защищать его от Томи-оми.

В 1814 г. к Сандвичевым островам было отправлено компанейское судно «Беринг», но у самых берегов Атувая судно потерпело крушение.

Эти посещения русскими Гавайских островов вызвали большое волнение американцев и англичан. Английский фрегат «Корнваллис» из Ост-Индии специально заходил на Гавайские острова, чтобы узнать, не поселились ли там русские¹.

Тогда правитель русских колоний в Америке Баранов решил поручить

¹ ЛОЦИА. Фонд Департамента торговли и мануфактур. 1819 г., д. № 406 л. 35.

овладение Гавайскими островами комиссионеру компании Шефферу, бывшему врачу московской городской полиции, одному из типичных авантюристов, в таком изобилии подвизавшихся в колониальных владениях всех держав, который должен был прибыть на острова под видом частного лица.

Три державы: Англия, Америка и Россия — зорко следили в этот период друг за другом, опасаясь, чтобы кто-нибудь из них раньше не захватил Гавайских островов.

Они стремились укрепить независимость островов, так как не имели в то время возможности открыто захватить и сохранить острова за собой.

Это обстоятельство очень усилило туземных царьков, ибо каждая держава пыталась подкупить их и с их помощью фактически господствовать на островах.

Туземные царьки пользовались этим в первую очередь для того, чтобы покончить друг с другом.

При помощи английских агентов мелкий туземный царек Томи-оми, владевший южной частью острова Овайгу (Гавайи), расправился со всеми остальными царьками и стал правителем всех Гавайских островов, за исключением островов Атувая и Онигау, где утвердился царек Томари.

Томи-оми, именовавшийся впоследствии Камехакехе I, вооружил свою армию огнестрельным оружием, обзавелся артиллерией и даже флотом европейского образца. Окруженный европейцами (даже губернатором острова Овайгу был беглый английский матрос Джон Юнг), он склонялся в сторону той державы, которая в данный момент была представлена на островах наиболее сильно и сулила ему большие выгоды.

В 1794 г., когда к острову Овайгу приплыл капитан Ванкувер, Томи-оми объявил себя подданным Англии, что не помешало ему после ухода Ванкувера отдавать преимущество американским торговцам, давая им монопольное право на вывоз любых товаров.

В свою очередь Томари при помощи американцев вооружил свою армию, завел несколько орудий и мечтал о заведении флота для борьбы с Томи-оми. Такова была ситуация на Гавай-

ских островах в момент приезда туда комиссионера Российско-американской компании доктора медицины Георга Шеффера.

2

Для большей конспиративности решено было Шеффера отправить на иностранном судне. В октябре 1815 г. американское судно «Изабелла» доставило Шеффера к острову Овагу (Oahu), а в марте 1816 г. для «размена» с туземцами к Гавайским островам прибыли два хорошо вооруженных русских судна — «Кадьяк» и «Открытие».

Вначале Шеффер, официально приехавший на Сандвичевы острова для получения имущества погибшего русского судна «Беринг», решил действовать через Томи-оми. Однако, как сообщается в путевом журнале, «...прежде нежели мог Шеффер быть на берегу, некоторые капитаны или шкипера, бывшие прежде в наших колониях, а потом пришедшие туда со своими судами, а наиболее старый Эбез Гунт, Адамс и старый Джон Юнг, давно живущий на сем острове в качестве губернатора и имеющий великое влияние на короля, успели уже Томи-оми и многих лучших островитян уверить, что прибытие его, Шеффера, и ожидаемые им вскоре из Новоархангельска компанейские суда суть неприязненные намерения русских, почему письмо с медалью, наперед присланное Томи-оми, было не распечатано и возвращено»¹.

Тем не менее Шефферу удалось высадиться на берег, стать лейбмедиком короля Томи-оми и якобы в «благодарность» за оказанную медицинскую помощь получить плантации на острове Овагу, где уже находились американские плантации братьев Виншип.

За 6 месяцев Шеффер на своих плантациях выстроил несколько домов, рассадил табак и другие культуры.

Активность Шеффера, сумевшего расширить свою территорию за счет скупаемых у туземцев земель и претендовавшего на монопольное владение сандаловым деревом, очень быстро

¹ ЛОЦИА. Фонд Департамента торговли и мануфактур, 1819 г., д. № 406, л. 35—37.

восстановила против него американских торговцев, пытавшихся действовать против Шеффера через Томи-оми и добивавшихся согласия последнего на убийство Шеффера. Только прибытие русских компанейских судов спасло жизнь Шефферу.

С момента прибытия русских кораблей Шеффер решительно меняет курс и начинает ориентироваться на короля островов Онигау и Атувая — Томари, противника Томи-оми.

Шеффер отмечает в своем журнале, что король Томари принял его дружелюбным образом, «однако же замечено было в нем некоторое замешательство, происходившее, как после открылось, от таковых же неприязненных внушений североамериканских шкиперов, каковые были сделаны и у Томи-оми».

Но, очевидно, очень скоро Томари учел всю пользу, которую могла принести помощь русских в борьбе с Томи-оми. Внезапно он начинает проявлять необычайное уважение к русским и просит об исходатайствовании ему покровительства русского императора.

21 мая 1816 г. Томари принимает русское подданство, причем, как описывает один из служащих, сопровождавших Шеффера, обставляет это событие весьма торжественно:

«Король сам повез российский флаг с судна на берег, где поднял его на флагшток...»

Одновременно, как сообщает Шеффер, «король передал еще в дар компании на всегдашние времена целую область, содержащую около 400 семейств индейцев, которая служить может для построения плантаций, фабрик и т. п.»¹.

От имени Российско-американской компании Шеффер заключил с Томари четыре конвенции. По первой конвенции, Томари предоставлял компании исключительное право вывоза сандалового дерева с острова Атувая, разрешал ей повсеместно строить фабрики и устраивать плантации «с помощью островитян». По второй конвенции, Томари уступал «на вечность в пользу компании половинную часть

¹ ЛОЦИА. Фонд Департамента торговли и мануфактур. 1817 г., д. № 350, л. 8.

острова Вагу (Овагу, он же Оау) с жителями и что есть в земле оного». Но так как остров Вагу пока еще принадлежал Томи-оми, то компания должна была «сделать королю помощь под управлением того доктора Шеффера в звании шефа его войск из 500 человек для возвращения отторгнутых у него островов Вагу, Ранай, Муви, Маракай и прочих, кои король также покоряет высокому покровительству государя императора». По третьей конвенции, компания обязывалась купить на свой счет у бостонского капитана Витимора вооруженное судно для экспедиции против короля Томи-оми, причем Томари обязывался выплатить за это судно сандаловым деревом. Судно действительно было Шеффером куплено. И, наконец, по четвертой конвенции, Томари «дарил» Баранову на острове Вагу три гавани «без взимания для себя податей»².

Столь решительное поведение Шеффера встретило громогласное одобрение правления компании и молчаливое одобрение Александра I.

25 августа о похождениях Шеффера и о том, что Томари ходатайствует о принятии его в русское подданство, было доложено Александру, и сообщение это не встретило с его стороны никаких возражений.

20 августа 1817 г. компания посылает Шефферу инструкции «о защите короля Томари от других островных владельцев, ежели токмо оные случатся не по влиянию какой-либо европейской нации или не от нее самой... о уважении сего короля столько, сколько требует образ дикой его жизни...»

Между тем Шеффер продолжал свою политику, направленную к полному овладению Гавайскими островами. Он деятельно готовился к войне с Томи-оми, статсекретарем которого в это время состоял также служащий Российско-американской компании американец Элиот. По приказанию последнего, «старшины провинции, в которой гавань Ганнорей, торжественно сдали оную Шефферу с населяющими оную 20 семействами. Он осмотрел

² ЛОЦИА. Фонд Департамента торговли и мануфактур. 1817 г., д. № 350, л. 19—20.

сию гавань, реку Богмею, озера и все местоположения, заложил на трех возвышенностях крепости, назвав одну Александровскою, другую Елизаветинскою, а третью — именем Барклая, а долину Ганнорейскую, по желанию короля, наименовал по своему имени Шефферовой, равно и прочие урочища, речки, озера и людей переименовал русскими именами. К строению оных крепостей король давал своих людей»¹.

В «The Hawaiian Spectator», где была напечатана небольшая заметка о попытках русских утвердиться на Гавайских островах, имеются сведения о том, что построенные Шеффером (в заметке он назван Schoof) форты были вооружены пушками. На фортах развевался русский флаг².

Аналогичные сведения сообщает и один из служащих компании, вернувшийся с Гавайских островов. Он видел построенные туземцами для Шеффера факторию и магазины. Шеффер велел передать Баранову, что он «скоро будет принимать целую губернию, королю компании подаренную, на острове Ваге,— из сего, как сообщает компания, заключить должно, что он, Шеффер, отправится на сей остров с войском Томари на купленном для него судне или на другом компанейском»³.

Обо всем этом совет компании 19 января 1818 г. сообщил управляющему морским министерством.

3

Однако международная обстановка к этому времени изменилась, и политика России в отношении испанских колоний в Америке заставляла правительство в этот период воздержаться от санкции на захват Сандвичевых островов.

Опасаясь захвата Англией об'ятых революцией испанских колоний в Калифорнии, Россия выступает защитницей Испании, ссылаясь при этом на «принципы международного права».

¹ ЛОЦИА. Фонд Департамента торговли и мануфактур. 1819 г., д. № 406, л. 35—37.

² «The Hawaiian Spectator». Ч. 1-я, стр. 48—52. Honolulu. 1838 г.

³ ЛОЦИА. Фонд Департамента торговли и мануфактур. 1817 г., д. № 350, л. 20.

Совершенно естественно, что в такой момент был весьма неуместен открытый захват в Тихом океане якобы самостоятельных островов, которые некогда были открыты испанцами и по праву открытия должны были принадлежать им или в крайнем случае посещавшим эти острова еще в XVIII в. англичанам, но совсем не России.

В письме от 24 февраля 1818 г. министру внутренних дел Козодавлеву управляющий министерством иностранных дел Нессельроде сообщал: «Государь император изволит полагать, что приобретение сих островов и добровольное их поступление в его покровительство не только не может принести России никакой существенной пользы, но напротив, во многих отношениях сопряжено с весьма важными неудобствами. И потому его величеству угодно, чтобы королю Томари, изъяв всю возможную приветливость и желание сохранить с ним приятные сношения, от него помянутого акта не принимать»⁴.

Российско-американской компании предлагалось придерживаться в своих сношениях с Гавайскими островами общепринятых для других государств правил. Одновременно Нессельроде подчеркивал, что «последующие затем донесения, полученные вашим превосходительством от доктора Шеффера, доказывают нам, что необдуманные поступки его дали уже повод к некоторым неблагоприятным заключениям»⁵.

Но, не санкционируя захвата Гавайских островов, правительство в то же время не имеет намерения и упускать их из виду. Задача состояла в том, чтобы выждать более удобного момента.

Уже 5 августа 1818 г., по представлению Российско-американской компании, Александр «соизволил признать за нужное, для поощрения оных сношений, пожаловать тамошнему владельцу по имени Томари золотую медаль на Анненской ленте для ношения на шее, с надписью «владельцу Сандвичевых островов Томари в знак

⁴ ЛОЦИА. Фонд Департамента торговли и мануфактур. 1817 г., д. № 350, л. 12.

⁵ Там же, л. 13.

дружбы его к россиянам, да сверх того в виде подарка кортик с приличною оправою и кармазинный плащ с золотыми кистями и таким же позументом».

8 августа 1818 г. правление компании было уведомлено, что Александр предписал подлинный акт Томари о принятии им русского подданства обратно не отсылать, «полагая, что сие может огорчить сего владетеля»¹.

Однако 13 августа 1818 г. правление Российско-американской компании сообщило министру внутренних дел, что из Макао получено от Шеффера письмо, датированное 20 сентября 1817 г., в котором извещается, что «через политические обстоятельства принуждены были русские оставить остров Атувай»² и что сам Шеффер направляется в Петербург. Поэтому правление просит приостановить изготовление золотой медали и других подарков.

По сведениям, доставленным лейтенантом Коцебу, «Шеффер со своим отрядом согнан с острова Атувая самим владельцем Томари, от которого не получил он и то пограбленное компанейское имущество, оставшееся с разбитого ее судна «Беринга»³.

Подобная неудача постигла Шеффера благодаря решительному вмеша-

¹ ЛОЦИЯ. Фонд Департамента торговли и мануфактур. 1817 г., д. № 350, л. 38.

² Там же, л. 32.

³ Там же, л. 32 — 33.

тельству в дела на Гавайских островах американских купцов.

Америка имела на Гавайских островах весьма серьезные торговые интересы. Гавайские острова были для Америки необходимой морской базой в торговле с Китаем, с другой стороны, они были единственным источником сандалового дерева, которое американцы с успехом сбывали в Кантоне.

Вначале с русскими велась экономическая борьба. Помимо факторий бр. Виншип на острове Овагу, во владениях короля Томи-оми, американцы устраивают свою факторию и во владениях Томари, стараясь заинтересовать его в торговле с американцами, покупая у него товары, за которые он уже получил плату от русских.

«На острове Атувае,— доносят служащие компании главному правлению,— именем тамошнего короля Томари и его тоенов в 1816 г. завели они (американцы.— С. О.) факторию для противодействия русским и Российско-американской компании, для чего и купили у короля земли, плантации и все сандаловое дерево, сколько оно находится на том острове, и чего король ни требовал за то от них, они все заплатили. Сверх того

откупили и всю годовую провизию, как то: сухое тарро (растение, богатое крахмалом.—С. О.), соль, кокосовые орехи и прочее, что король обязался контрактом доставить русским за груз на 12 тыс. рублей таких товаров, какие ему будут потребны»¹.

Однако агрессивная политика русских, покупка военного судна и подготовка наступления на владения Томи-оми заставляют американцев перейти к более решительным действиям.

Когда купленная Шеффером у американского же шкипера вооруженная шхуна «Леди» прибыла к владениям Томи-оми, к острову Овагу, где находилась русская фактория с несколькими служащими компании, фактория оказалась разгромленной туземцами во главе с Джоном Юнгом, «министром» Томи-оми, подкупленным американскими купцами. Служащие компании были посажены на шхуну и отправлены на Атувай.

«Таким образом кончилась наша фактория на Вагу и подаренные и проданные семейством Томи-оми земли обратились во власть прежних владельцев»,—меланхолически пишет Шеффер в своем журнале².

Но и на Атувае русские держались уже недолго. В мае 1817 г. с Вагу на Атувай были присланы от американцев 5 ботов с туземцами и письмо, после чего, как пишет Шеффер, «началась революция против русских».

Американцы—служащие Российско-американской компании, в том числе капитан находившегося на Атувае компанейского судна «Ильмен», бежали с судна и вместе с туземцами, усадив Шеффера и его спутников в лодку, где предварительно провертели дыры, свезли их на другое компанейское судно — «Кадьяк», предложив в течение 24 часов оставить остров, угрожая в противном случае расстрелять корабль из пушек.

На «Кадьяке» же была пробоина и не было запасов ни провизии, ни воды.

Бриг «Ильмен» отплыл в Ситху, а

¹ ЛОЦИА. Фонд Департамента торговли и мануфактур. 1817 г., д. № 350, л. 42—45.

² ЛОЦИА. Фонд Департамента торговли и мануфактур. 1817 г., д. № 406, л. 35—37.

«Кадьяк» вынужден был направиться на остров Вагу, в гавань Ганноруа (Гонолулу). Он остановился в 2 милях от гавани и дал сигнал о бедствии.

Под угрозой, что они не будут впущены в гавань, если не сдадут оружия, русские сдали все пушки, ружья и даже сабли и копья. Но и после этого «Кадьяк» в течение 8 дней в гавань не пускали. В гавани в это время всем распоряжался командир одного из находившихся там бостонских судов американец Вейлс.

На зашедшем в Гонолулу иностранном судне Шеффер с одним из служащих компании добрался до Кантона и оттуда прибыл в Петербург, где надеялся «сыскать подкрепление прав своих на здешние острова»³.

4

После возвращения Шеффера Российско-американская компания старается популяризировать в правительственных кругах мысль о необходимости вторичной попытки захвата Гавайских островов. Компания рассылала «Мнение правления», где пыталась доказать, что острова должны принадлежать именно русским.

Компания предлагает, если в данный момент неосуществим вооруженный захват Гавайских островов, прибегнуть к другим методам. Нужно послать на острова два судна: одно — военное, для прикрытия, и другое — с русскими промышленниками, которые там должны поселиться. Ежегодной регулярной посылки одного военного судна будет вполне достаточно, для того чтобы никто больше не претендовал на русские владения на Гавайских островах.

Однако политическая ситуация все еще не давала возможности правительству прибегнуть к открытому захвату Гавайских островов.

Записка о Гавайских островах, представленная по приезду в Россию «коллежским ассесором» Шеффером Александру I, характеризующая названные острова «в отношении выгод физических», «в отношении выгод торговли» и, наконец, «в отношении политическом», была подвергнута в

³ Там же, д. № 350, л. 45.

Департаменте торговли и мануфактур уничтожающей критике.

Наиболее веские возражения строились, однако, не на критике экономической стороны доклада Шеффера, а на сообщенных им сведениях о политической ситуации на Гавайских островах в этот период. Шеффер пишет, что меновая торговля с туземцами на островах всецело находится в руках американцев. По этому поводу Департамент торговли и мануфактур, учитывая предыдущие события, совершенно основательно заявляет, что американцы «как их соседи, сильные на море, всякую другую державу, не имеющую в тех морях флота, к сей связи неохотно допустят».

Министр иностранных дел Нессельроде в своем письме министру внутренних дел Козодавлеву по вопросу об отношении правительства к захвату островов пишет: «Что касается до намерения компании стараться о восстановлении с этими островами дружественных сношений, то, одобряя оное и желая полного успеха, его императорское величество уверен, что при благоразумных распоряжениях и осмотрительном выборе со стороны ее правления скромных и осторожных по делам исполнителей, компания приобретет сими средствами с большею благонадежностью те же выгоды и пользу, коих ожидает от непрочного сими островами обладания»¹.

5

Неудача с Гавайскими островами не означала еще окончательного отказа от решения тихоокеанской проблемы. Калифорния еще оставалась в руках России; Англия и Америка еще были заняты друг другом и официально не заявляли о своем отношении к тихоокеанской политике России.

Протекционистский тариф 1822 г., установленный для того, чтобы обеспечить сырьем оживающую промышленность, вновь заострил внимание промышленников на тихоокеанской проблеме. Этой проблемой занялась также небольшая группа декабристов, непосредственно связанных с капиталистическими кругами и заинтересо-

ванных в свободном развитии капитализма в стране.

В программу декабристов входило овладение всей северозападной частью Америки и даже островами Гаити, хотя в 20-х годах практически ставился лишь вопрос о Калифорнии, которую в это время Российско-американская компания еще удерживала за собой.

Декабристы Рылеев, Штейнгель, Завалишин и Романов, которые были связаны с деятельностью Российско-американской компании, не только пропагандировали эту программу, но и принимали участие в ее осуществлении.

Рылеев состоял с 1824 г. на службе в Российско-американской компании в качестве правителя ее канцелярии. Он вошел в состав ее акционеров, получив от компании десять акций, каждая номинальной стоимостью в 500 рублей². Разорившийся помещик, «владелец» захудалого имения в Царскосельском уезде, заложенного в Опекуновском совете за 8400 руб., имения, которое вместе с крестьянами, дворовыми с их имуществом и скотом «по случаю ветхости строения и бедному положению крестьян оценено... в двадцать две тысячи рублей государственными ассигнациями»³, всецело связал свои личные интересы с успехами компании.

В воспоминаниях Е. Оболенского мы находим любопытные данные по вопросу об отношении Рылеева к наиболее актуальному в тот момент вопросу — об оставлении Россией колонии «РОСС» в Калифорнии.

Оставление Калифорнии означало полное крушение всего плана овладения Тихим океаном, и хотя экономическая ценность Калифорнии была в тот период для компании не очень велика, компания дорожила ею в первую очередь как необходимым плацдармом для дальнейшей экспансии.

«Из множества дел, которыми он тогда был озабочен, — пишет Оболенский о Рылееве, — помню, что в особенности его тревожила вынужденная в силу трактата с Североамериканским союзом передача североамери-

¹ ЛОЦИА. Фонд Департамента торговли и мануфактур. 1817 г., д. № 406, л. 52 — 55.

² ЛОЦИА. Фонд Сената. Департамент герольдии, д. без №, «Об опеке над имуществом Рылеева», л. 15.

³ Там же.

канцам основанной нами в Калифорнии колонии «РОСС»¹.

Рылеев выступал решительно против передачи Калифорнии и обращался даже за помощью в этом деле к членам Государственного совета Мордвинову и Сперанскому.

Рылеев группировал вокруг себя небольшое число морских офицеров, плававших в свое время на судах Российско-американской компании, среди которых план овладения Тихим океаном был весьма популярен.

Бывший морской офицер барон Штенгель, находясь одно время в близких отношениях с корреспондентом Российско-американской компании Рязановым (а позднее через правителя дел компании Рылеева), был в курсе всех ее замыслов и собирался даже поступить в компанию на службу².

В письме Николаю I из Петропавловской крепости Штейнгель пишет, что он «имел счастье представлять покойному государю воскресить флот, поощрить к мореплаванию частных людей, к чему призывают Гаити и Америка»³.

Особой активностью в этом вопросе отличался Завалишин. Никита Муравьев в своих показаниях сообщает, что в статуте «Всемирного тайного общества», об организации которого мечтал Завалишин и экземпляр которого он передал Рылееву, отмечалось, что «общество присваивает себе Калифорнию»⁴.

Завалишин принимал участие в экспедиции, отправившейся в 1822 г. под командой Лазарева к берегам Калифорнии с твердым заданием—добиться на месте путем договора дальнейшей уступки испанцами территории для русских заселений в Калифорнии.

«Хотя Амур издавна входил в наши колониальные планы,—пишет Завалишин в статье «Калифорния в 1824 г.», но всем известно было, что не устье Амура, не Сахалин и даже не обладание так называвшимся Татарским бе-

регом могут доставить господство над Великим океаном, даже хотя бы над северной его частью. Всем разумющим дело известны были причины, по которым ключ к владычеству над Великим океаном или, по меньшей мере, к преобладающему на нем влиянию надобно было искать не на азиатском берегу, а на западном берегу Северной Америки. Только на этом берегу, даже далеко к северу, можно было найти никогда незамерзающие гавани»⁵.

Тот же Завалишин вел переговоры с генералом французской службы Бойе, родственником президента Таитской республики, проживавшим в Петербурге, «о возможности установить торговые сношения между российско-американскими колониями и республикой Таитской»⁶.

Лейтенант Романов, также непосредственно связанный с Рылеевым и также плававший ранее на судах Российско-американской компании, представил в конце 1822 г. в морское министерство проект сухопутной экспедиции по р. Медной для овладения северозападной частью американского материка.

«Ежели мыс Доброй Надежды и Новая Голландия обратили внимание Англии,—пишет Романов,—то северозападная часть Америки заслуживает таковое же внимание от нашего правительства»⁷.

Об этом же в 1824 г. писал лейтенант Яновский, одно время заведывавший колониями Российско-американской компании⁸, и кое-какие разведки в этом направлении компанией уже были предприняты.

Но интересы феодальной империи в тот период были направлены не в сторону Тихого океана, а к западной границе, где решалась более актуальная проблема для русского помещика,—проблема Ближнего Востока.

«Было время,—сказал в беседе с Завалишиным один из крупнейших русских дипломатов того времени, граф Воронцов,—когда там (по севе-

¹ «XIX век». Книга 1-я, стр. 315. М. 1872.

² См. записки Штейнгеля «Общественное движение в России». Т. I, стр. 379.

³ «Из писем и показаний декабристов», стр. 71. СПб. 1906.

⁴ «Восстание декабристов». Т. I, стр. 301. Центрархив. Гиз.

⁵ «Русский вестник». Т. XI, стр. 361. 1865.

⁶ «Восстание декабристов». Т. VIII, стр. 40. Центрархив. Гиз.

⁷ ЛОЦИА. Фонд Департамента морского министерства. 1822 г., д. № 2595, л. 4.

⁸ См. Архив графов Мордвиновых. Т. VI, стр. 661. СПб. 1902.

розанадному берегу Америки) все легко было устроить. Это было в 1814 г., во время войны Англии с Соединенными штатами, когда обе стороны нуждались в нашем посредничестве, когда ни та, ни другая не постояли бы ни за границами, ни за строгим охранением наших прав в колониях наших»¹. Но время было упущено. Конвенция 1824 г. с Соединенными штатами и конвенция 1825 г. с Англией точно установили границы русских владений на американском материке и островах, вопрос о безраздельном господстве и о создании сырьевой базы для русской промышленности на Тихом океане был окончательно снят в этот период с повестки дня.

Вновь вопрос о Гавайских островах всплыл уже во второй половине 80-х годов XIX в. В этот период речь, правда, шла уже не об откровенном захвате, а о «протекторате» Российской империи над Гавайским королевством.

Морской министр адмирал Шестаков во время своего пребывания на Гавайских островах специально занимался этим вопросом, ведя секретные переговоры при помощи третьего лица с гавайским королем.

«Я позволил себе откровенный разговор с королем о проекте русского протектората, — писал в одном письме Шестакову некий А. Маркиз, через которого велись эти переговоры, — и он мне показался очарованным и принципиально очень расположенным, он только напуган и опасается дипломатических затруднений»².

В том же письме корреспондент сообщал, что «если же русское правительство расположено поддержать некоторые планы», то «в настоящее время следует действовать без промедления, и бог знает, не поздно ли уже».

Однако министерство иностранных дел категорически высказалось против вмешательства России в гавайские де-

ла. Посол в США барон Розен в зашифрованной телеграмме от 28 июля 1887 г. подчеркивал, что приобретение Россией Гавайских островов рассматривалось бы в Америке «как серьезное покушение на политические и торговые интересы Соединенных штатов в Тихом океане и вызвало бы, без сомнения, со стороны федерального правительства самые энергичные протесты. Весьма возможно, — продолжал Розен, — что эти интересы ввиду незначительности американского флота останутся платоническими, если они не будут поддержаны другими державами. Однако было бы неосторожно сильно на это рассчитывать»³. При этом барон Розен предусмотрительно указывал, что, вмешиваясь вновь в гавайские дела, Россия создаст себе на Тихом океане «новый элемент политического антагонизма, с которым придется бороться в будущем». В другом письме Розен сообщал министру иностранных дел Гирсу, что хотя в настоящее время Гавайские острова и считаются самостоятельными, однако им «в более или менее отдаленном будущем предстоит очевидная участь сделаться достоянием Соединенных штатов», а кроме того «гавайский архипелаг составляет пункт, настолько важный для американских политических и торговых интересов в Тихом океане, что переход его в какие бы то ни было посторонние руки ни в каком случае не сможет быть допущен»⁴.

На этом переписка о возможности захвата Гавайских островов Россией обрывается.

В конце XIX в. «народной революцией», в которой деятельное участие принимали американцы, владельцы крупных плантаций, была свергнута последняя гавайская королева Лилиукалани, и в 1900 г. Гавайские острова были официально объявлены территорией, принадлежащей Соединенным штатам Америки.

¹ «Древняя и Новая Россия», стр. 200. СПб. 1877 г.

² ЛОЦИА. Фонд Главного морского штаба. 1887 г., д. № 4299, л. 3 — 4.

³ ЛОЦИА. Фонд Главного морского штаба. 1887 г., д. 4289, л. 5.

⁴ Там же, л. 8 — 10.

3. Борисов

ГРАЖДАНСКАЯ КАЗНЬ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

17 мая 1864 года в «Ведомостях С.-Петербургской городской полиции» появилось извещение, что 19 мая на Мытнинской площади будет совершен обряд «гражданской казни» над Н. Г. Чернышевским.

Почти два года отделяли отвратительный обряд на Мытнинской площади от момента ареста Николая Гавриловича Чернышевского. 7 июля 1862 года великий революционер был заточен, по личному распоряжению Александра II, в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости.

Царским чиновникам понадобилось свыше полутора лет, чтобы состряпать обвинительный приговор. Произведенный в квартире Чернышевского тщательный обыск ничего не дал царским ищейкам. Вследствие осторожности и предусмотрительности Чернышевского среди его бумаг не удалось обнаружить ни одного документа, который мог бы послужить формальным обоснованием задуманной правительством расправы. Не даром прошло почти пять месяцев до первого допроса: следователи тщательно силились составить «вопросные пункты».

Чернышевский был убежден, что чиновникам не удастся подобрать необходимый материал для судебного процесса. Он писал своей жене:

«Человек арестован, а обвинений против него нет, ведь это, что называется, казус. Вот над этим казусом думали четыре месяца. Я сидел аресто-

ванный,— читал, курил, спал, потом читал, переводил, курил и спал, иногда скучал, а больше даже и не скучал, а покачивал головой и улыбался, а там все думали, думали,—пришли, наконец, к заключению: «Скверный казус, обвинений нет как нет, да и только». Теперь вот месяц—думают над этим выводом,—как тут быть, как поправить этот скверный казус, что арестовали человека, против которого нельзя найти никаких обвинений,—я читаю, перевожу, курю, сплю, а там думают; сколько ни думай, нельзя ничего другого придумать, как только то, что надобно извиниться перед этим человеком...»

Начальник III отделения Потапов был другого мнения об исходе дела. Он самоуверенно приписал к письму Чернышевского: «Он ошибается: извиняться никому не придется».

Это не была случайная реплика, брошенная в пылу раздражения: Потапов знал, что судьба пленника predetermined. Конечно, при наличии улики все пошло бы быстрее и легче, но, на худой конец, можно обойтись и без улики. Опыт подсказывал царским чиновникам нехитрую, но испытанную линию поведения: когда нет улики, помогают... фальшивки. И мастера сыска приступили к выполнению разработанного в недрах III отделения плана.

В августе 1861 года был арестован по делу о тайной типографии В. Костомаров, племянник известного историка Н. И. Костомарова. Не прошло и двух недель со дня его ареста, как он предложил III отделению свои услуги. Первым он предал М. И. Михайлова, известного поэта-революционера, автора революционной прокламации «К молодому поколению». Потапову и опытной ищейке Путилину не пришлось долго уговаривать Костомарова совершить второе предательство: он оказался послушным и расторопным молодым человеком, не без вкуса и способностей к новой профессии.

Костомаровым были изготовлены два «собственноручных» письма Чернышевского. Первое письмо, точнее, записка, было якобы адресовано Ко-

стомарову и изобличало в Чернышевском автора революционной прокламации «Барским крестьянам». Второе письмо было якобы адресовано поэту Плещееву и, конечно, тоже трактовало самые опасные сюжеты. Плещеев решительно отрицал подлинность предъявленного ему «документа». Чернышевскому не стоило никакого труда раскрыть суть костомаровской стряпни. Но фальшивки были изготовлены не для того, чтобы лишний раз испытать неотразимость критической мысли Чернышевского и справедливость царской Фемиды. Вдохновители и сочинители «собственноручных» писем Чернышевского достигли своей цели: судьи сочли подделки достаточным формальным основанием для вынесения обвинительного приговора. 7 февраля 1864 года сенат постановил: отставного титулярного советника Николая Чернышевского, 35 лет, лишить всех прав состояния и сослать на каторжные работы в рудники на 14 лет, а затем поселить в Сибири навсегда. В определении суда было особо подчеркнута «полное заpiresательство» Чернышевского «несмотря на несомненные доказательства, против него в деле имеющиеся».

При окончательном утверждении приговора срок каторжных работ был сокращен наполовину.

2

На Мытнинской площади был сооружен эшафот. 19 мая, с раннего утра, эшафот был окружен солдатами, пешей и конной полицией.

В 8³/₄ ч. утра на площади показалась карета, окруженная жандармами с саблями наголо. Толпа ринулась к карете, но была оттеснена жандармами. Через несколько минут начался обряд «гражданской казни».

Палач сорвал с Чернышевского фуражку и надел ему на шею деревянную доску с надписью «Государственный преступник». Затем началось чтение приговора. «Государственный преступник» не проявил никакого интереса к этой процедуре. Чиновник читал вялым, монотонным голосом. Когда он в одном месте поперхнулся и с трудом выговорил «социальных

Николай Гаврилович Чернышевский.

идей», «государственный преступник» улыбнулся. Чернышевский поразил толпу своим самообладанием и спокойствием.

О выдержке и мужестве Чернышевского писал современный ему поэт: «На людной площади, привязанный к столбу, Бестрепетно встречал он грозную судьбу И привлеченную диковинным позором Толпу обозревал невозмутимым взором».

Чтение приговора продолжалось около четверти часа. После того как чтение приговора закончилось, Чернышевского поставили на колени и палач переломил над головой его заранее подпиленную саблю. Вслед за тем его подвели к «позорному» столбу, продели его руки в привинченные к столбу цепи, и в таком положении он простоял минуту или две. Вдруг в воздухе мелькнул букет цветов. Букет кинула студентка Михаэлис, родственница известного революционера-шестидесятника Шелгунова. Чернышевский с улыбкой кивнул в ту сторону, откуда были брошены ему цветы. Друзья Чернышевского попытались перебросить через головы жандармов еще несколько букетов. По словам очевидцев, полицейские тщетно пыта-

лись схватить бросавших цветы, так как публика оттесняла их.

Беспокойство полиции и жандармов усилилось, когда тюремная карета тронулась в обратный путь. Вот что рассказывает наблюдавший «гражданскую казнь» гвардейский офицер В. Гейнс, впоследствии «изобретатель» «позитивной религии человечества»:

«Карета повернула назад и по обыкновению всех поездок с арестованными пошла шагом. Этим воспользовались многие желающие видеть его вблизи, и кучки людей человек по 10 догнали карету и пошли рядом с ней. Нужен был какой-нибудь сигнал для того, чтобы совершилась орация. Этот сигнал подал один молодой офицер: снявши фуражку он крикнул: «Прощай, Чернышевский!» Этот крик был немедленно поддержан другими и потом сменился еще более колким словом «до свидания». Он слышал этот крик и, выглянувши из окна, весьма мило ответил поклонами. Этот же крик был услышан толпою, находящейся сзади. Все ринулись догонять карету и присоединиться к кричащим. Положение полиции было затруднительное, но на этот раз она поступила весьма благоразумно и против своего обыкновения не арестовала публику, а решила попросту удалиться. Было скомандовано «рысью», и вся эта процессия с шумом и грохотом начала удаляться от толпы. Впрочем, та толпа, которая была возле, еще некоторое время бежала, возле еще продолжались крики и махание платками и фуражками... Чернышевский ранее других понял, что эта кучка горячих голов, раз только отделится от толпы, будет немедленно арестована. Поклонившись еще раз, с самою веселою улыбкою (видно было, что узник в хорошем настроении духа) он погрозил пальцем. Толпа начала мало-помалу расходиться, но некоторые, нанявши извозчиков, поехали следом за каретой».

Некоторых своих друзей Чернышевский мог увидеть из окна тюремной кареты. Он видел их взволнованные лица, он слышал их приветственные крики. Но были друзья, которые могли излить свои чувства только на страницах лондонского «Колокола». Глубокой, неистребимой ненавистью

к палачам прозвучал голос Герцена:

«Чернышевский осужден на 7 лет каторжных работ и на вечное поселение. Да падет проклятием это безмерное злодейство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику, которая накликала это гонение... Она приучила правительство к убийствам военнопленных в Польше, а в России — к утверждению сентенций диких невежд сената и седых злодеев Государственного совета... А тут жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами!.. Чернышевский был выставлен вами к позорному столбу на четверть часа, а вы, а Россия на несколько лет останетесь привязанными к нему. Проклятье вам, проклятье и, если возможно, месть!»¹.

Либералы старались формально отмежеваться от сенатских судей. Даже цензор Никитенко комментировал сенатский приговор выразительной фразой: «Из рук вон все это печально». Либералов и людей типа Никитенко смущала безмерная разнузданность сенатских судей, их формально-юридический цинизм. Но, по существу, между либералами и Чернышевским продолжала попрежнему зиять глубокая пропасть. Не могло быть никакой веры запоздалым формально-юридическим сентенциям после тех строк, которыми встретил известие об аресте Чернышевского признанный лидер русского либерализма Кавелин. В письме к Герцену он весьма откровенно обрисовал свое отношение к аресту Чернышевского: «Известия из России с моей точки зрения не так плохи... Аресты меня не удивляют и, признаюсь тебе, не кажутся возмутительными (разрядка наша.—З. Б.). Чернышевского я очень, очень люблю, но такого брьюлона, бестактного и самонадеянного человека я никогда еще не видал».

Известный философ-идеалист Владимир Соловьев дал впоследствии верную и острую характеристику приговора над Чернышевским: «Было решено изъять человека из среды жи-

¹ «Колокол» № 185 за 1864 г.

Гражданская казнь Чернышевского. С карт. Н. Шведе-Радловой. (Первая выставка ленинградских художников. 1935 г.).

вых — и решение исполнено. Искали поводов—поводов не нашли, обошлись и без поводов».

Владимир Соловьев правильно изложил суть процесса и приговора. Цель судей была ясна — изъять великого революционера «из среды живых». Уже в момент ареста было ясно, чего добивается правительство. И в этот момент, который определил всю дальнейшую судьбу Чернышевского, Кавелины были не с бестактным и самонадеянным Чернышевским, а с «тактичным и кротким» начальником III отделения.

3

Авторы полицейского отчета о «гражданской казни» отмечали с явным раздражением, что «во время чтения приговора Чернышевский стоял более нежели равнодушно». Это «равнодушие» Чернышевского у «позорного» столба не имело ничего общего с протрацией, с состоянием, при котором человек, в результате перенесен-

ных испытаний, теряет способность реагировать на внешние раздражения. Это было «равнодушие» бойца, который никогда не обманывал себя насчет последствий своей «крамольной» деятельности. Это было самообладание революционера, который задолго до своего ареста старался свыкнуться с мыслью о тюремной неволе, о смерти от руки палача. С молодых лет Чернышевский считал себя человеком, безраздельно принадлежащим революции. За девять лет до своего ареста он занес в свой дневник следующий примечательный разговор с любимой девушкой:

«— С моей стороны было бы низостью, подлостью связывать с своей жизнью еще чью-нибудь и потому, что я не уверен в том, долго ли буду я пользоваться жизнью и свободой. У меня такой образ мыслей, что я должен с минуты на минуту ждать, что явятся жандармы, отвезут меня в Петербург и посадят меня в крепость, бог знает, на сколько времени...

— Почему же. Неужели в самом деле не можете вы перемениться?

— Я не могу отказаться от этого образа мыслей, потому что он лежит в моем характере, ожесточенном и недовольном ничем, что я вижу кругом себя. Теперь я не знаю, охладели ли я когда-нибудь в этом отношении. Во всяком случае, до сих пор это направление во мне все более и более усиливается, делается резче, холоднее, все более и более входит в мою жизнь. Итак, я жду каждую минуту появления жандармов, как благочестивый схимник каждую минуту ждет трубы страшного суда. Кроме того у нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем... Сомнение одно, когда это вспыхнет. Может быть, лет через десять, но я думаю, скорее. А если вспыхнет, я не буду в состоянии удержаться. Я приму участие... Меня не испугают ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня... А чем кончится это? Каторгой или виселицей. Вы видите, что я не могу соединить ничьей участи со своей... Вам скучно уже слушать подобные рассуждения, а они будут продолжаться целые годы, потому что ни о чем, кроме этого, я не могу говорить».

У «позорного» столба на Мытнинской площади стоял великий революционер, посвятивший всю свою жизнь, без остатка, борьбе за освобождение угнетенных крестьянских масс. Само-

Чернышевский отказывается подписать прошение о помиловании. 1874 г. О акварели Кольцова.

державию удалось захватить в плен самого опасного своего врага, твердым шагом шедшего к раз намеченной цели, в самые трудные минуты не сворачивавшего с избранного пути.

Деятельность Чернышевского была чрезвычайно многообразна. До сих пор возбуждают удивление необычайный диапазон его интересов, энциклопедичность его знаний, грандиозность его научных замыслов. Это был мыслитель, оставивший заметный след в самых разных отраслях знания: в философии, политической экономии, истории, эстетике. Из-под его пера вышли «Примечания к «Основаниям политической экономии» Д. С. Милля», «Антропологический принцип в философии», «Эстетические отношения искусства к действительности», «Очерки гоголевского периода русской революции», «Июльская монархия», «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» и многие другие. Чернышевский писал на самые различные темы, но все его работы, без исключения, начиная от «Примечаний к Миллю» и кончая прокламацией «Барским крестьянам», были насыщены одной страстью, были продиктованы безграничной ненавистью к крепостникам. Чернышевский не сложил своего оружия и в тюрьме. У «позорного» столба на Мытнинской площади стоял автор романа «Что делать?», написанного уже после ареста, в Алексеевском рavelине. Действие изготовленного в крепостном каземате снаряда было исключительно велико. Не даром царское правительство поспешило изъять из обращения книги журнала «Современник», в которых был опубликован роман. Характерно, что романом зачитывались не только в России. Тов. Г. Димитров недавно рассказывал (в московском Доме писателей) о влиянии, которое на него оказал на заре его жизни роман Чернышевского: «Я вспоминаю: что в литературе оказало на меня особо сильное впечатление в дни моей юности? Что повлияло на характер мой как борца? Должен сказать прямо: это была книга Чернышевского «Что делать?». Выдержка, которую я приобретал в дни своего участия в рабочем движении в Болгарии, выдержка, уверенность и стойкость до конца во время лейпциг-

ского суда, — все это, несомненно, имеет связь с художественным произведением Чернышевского, прочитанным мною в дни юности»¹.

По определению Владимира Ильича, Чернышевский был революционным демократом, который «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»². Чернышевский остро ненавидел не только крепостников, но и либералов. Его статья «Русский человек на rendez-vous» была выстрелом из лагеря революции в стан дворянского либерализма. Чернышевский со всей присущей ему страстью и непримиримостью обрушивался и на крепостнические и на либеральные проекты «освобождения». В романе «Пролог пролога» Волгин, в образе которого предстает перед читателем сам Чернышевский, убеждает своего собеседника, что нет причин горячиться из-за того, кто станет «освобождать» крестьян: крепостники или либералы, Волгин готов даже предпочесть план крепостников, рассчитывая, что «освобождение» без земли ускорит революционный взрыв.

По свидетельству Н. К. Крупской, Владимир Ильич вряд ли кого-нибудь из старых русских революционеров «так любил, как он любил Чернышевского. Это был человек, к которому он чувствовал какую-то непосред-

венную близость и уважение в чрезвычайно высокой степени».

Чернышевский умел видеть больше и дальше всех своих русских современников. Но, будучи идеологом крестьянской революции, он не мог подняться до вершины научного социализма. Он был социалистом-утопистом, мечтавшим о переходе к социализму через крестьянскую общину. Он «не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»³.

Представительство интересов мелкого производителя, учение о переходе к социализму через крестьянскую общину делают Чернышевского одним из родоначальников народничества. Но народники восприняли лишь некоторые элементы мировоззрения Чернышевского и притом не самые сильные. Чернышевский был выдающимся философ-материалистом, народники же отстаивали в философии реакционные идеалистические и эклектические теории.

Теоретическая система Чернышевского сложилась в обстановке назревания революционного кризиса конца 50-х и начала 60-х годов. По своему размаху и глубине эта система превосходила все, что могло дать и дало в дальнейшем (70 — 90-е годы) народничество.

¹ «Правда» № 62 от 4 марта 1935 года.

² Ленин. Т. XV, стр. 144.

³ Ленин. Т. XV, стр. 144.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ

В ДНИ ОБЪЯВЛЕНИЯ
ВОЙНЫ 1914 ГОДА

Империалистическая война 1914—1918 гг. явилась величайшей исторической проверкой социалистических партий всего мира, испытанием их революционной преданности делу пролетарской революции.

Единственной партией, выдержавшей это испытание в период империалистической войны, показавшей «образец тактики для всех» (Ленин), была партия большевиков, воспитанная и выпестованная Лениным и Сталиным в непримиримой борьбе со всеми разновидностями оппортунизма, партия, у которой никогда не было расхождения между революционным словом и революционным делом.

С первых же дней войны большевистская партия заняла последовательную позицию революционного интернационализма. В момент военной катастрофы, когда вожди партий II интернационала совершили предательский переход на службу генеральных штабов своих правительств, большевистская партия не поколебалась. Партийные организации большевиков встретили объявление мобилизации и войны развернутой работой большевистского подполья за организацию пролетарских масс на борьбу против «своего» правительства и «своей» буржуазии, за превращение войны империалистической в войну гражданскую.

В первые же дни развязки военного кризиса петербургская организа-

ция большевиков сумела организовать активное выступление пролетариев Петербурга против войны. И это несмотря на то, что петербургским большевикам перед самой войной был нанесен тяжелый урон¹.

Но разгромить до конца большевистскую организацию полиция была не в силах. Партия черпала свои кадры из той группы рабочих, которых систематически воспитывала и втягивала в революционные ряды большевистская «Правда». В первые недели войны еще существовала и действовала думская фракция большевиков, которая так же, как и «Правда», была одним из важнейших легальных центров партии. Петербургский комитет несмотря на нанесенный ему сильный удар продолжал существовать. Военная обстановка потребовала максимальной осторожности, еще большей конспирации, поэтому новая исполнительная комиссия ПК была сконструирована в более узком чем раньше составе. Но это не помешало ПК развернуть в первые же дни войны активную пропагандистскую и организационную работу.

«Главной заботой ПК в это время, — пишет принимавший непосредственное участие в организации первого ПК военного времени тов. Бадаев, — было налаживание связи с районами и подготовка к выпуску прокламаций. Нужно было организовать типографию, поставить технику, достать необходимые денежные средства и т. д. У нас были заранее заготовленные адреса, куда мы перевозили шрифт и другие принадлежности для печати сразу же после того, как они были использованы в каком-либо месте. Несмотря на то что после выхода каждой прокламации охранка вырывала из наших рядов новые пачки людей, типография, передвигаясь из одного места в другое, продолжала свою работу. Не проходило и трех дней, как типография была уже готова к новой работе. Как ни билась охранка, раскрыть нашу работу она была не в силах»².

¹ См. статью М. Лурье «Июльские баррикады 1914 года в Петербурге» в № 7—8 «Борьбы классов».

² Бадаев «Большевики в Государственной думе», стр. 228. 1935.

Проводы новобранцев. 1914 г. Кадр из хроникального фильма «Падение трона Романовых». Режиссер Эсфирь Шуб.

Раскрытие империалистического характера войны было первой и важнейшей задачей большевистской пропаганды. В день объявления мобилизации Петербургский комитет выпустил листовку «Ко всем рабочим, крестьянам и солдатам». В этой первой по времени антивоенной прокламации ПК перечисляются следующие причины, толкающие правительство на путь кровавой бойни: 1) жадная конкуренция капиталистов, 2) политика насилия и захвата, 3) династический расчет, 4) боязнь за привилегию перед растущим международным рабочим движением¹.

В противовес империалистическому лозунгу «защиты отечества» ПК провозглашает пролетарский призыв к мировой рабочей солидарности и к борьбе с царизмом. ПК призывал рабочих бороться под следующими боевыми лозунгами: «Да здравствует мировая рабочая солидарность!», «Да здравствует учредительное собрание, могущее дать крестьянам всю землю и рабочему люду свободу бороться за

лучший мир, за социализм, где народы будут жить в труде и мире! Долой войну! Долой царское правительство! Да здравствует революция! Амнистия всем мученикам свободы! Да здравствует национальное равенство!»

Всеобщая мобилизация, объявленная 17 июля, была дополнена призывом ратников I разряда 1912—1913 годов. Первым днем их явки на призывной пункт в Петербурге было назначено 28 июля. В период между этими двумя сроками (в течение которых было мобилизовано около 2½ миллионов человек) петербургская организация большевиков выпустила еще две листовки. Эти документы интересны для нас не только как показатели большой активности партии в первые же дни войны, но и для характеристики позиции большевистской питерской организации еще до того момента, когда были восстановлены нарушенные военным положением связи с Центральным комитетом.

В листовке, выпущенной 20—22 июля за подписью «Группа партийных социал-демократов», объявление войны ставится в прямую связь с подавле-

¹ «Памятники агитационной литературы». Вып. 1-й. Т. VI. № 37.

нием нараставшего революционного движения. «И вот,—читаем в этой листовке,—когда пролетариат России передовыми отрядами перешел в наступление, когда вновь запахло порохом 1905 г., правительство бросилось к последнему, излюбленному своему средству—к военной аванюре»¹.

Вторая антивоенная прокламация, выпущенная ПК 1 августа, определяет войну как «пожар, зажигаемый со всех концов конкурирующей буржуазией»². ПК призывает рабочий класс готовиться к революционному штурму на самодержавие, бороться за демократическую республику. В листовке отчетливо ставится вопрос о непосредственном переходе от буржуазно-демократической революции к социалистической: «За наступающими потрясениями и политическими переворотами уже стоит призрак социальной революции. К этой конечной цели стремится пролетариат всех стран. Но на пути у русского пролетариата еще стоит много преград, и русскому рабочему классу необходимо сделать героическое усилие, чтобы смести самодержавный строй без остатка». Единственный выход из войны—революционный. Пока власть находится в руках угнетателей трудящихся, «до тех пор не может быть мира, до тех пор всегда будет висеть угроза бесконечного пролития народной крови».

Петербургский комитет в цитируемой листовке ставит перед передовыми, сознательными рабочими следующие задачи: вести пропаганду в широких массах, в войсках, среди призываемых запасных; запастись оружием для того, чтобы пролетарская армия была готова к моменту окончательного расчета с самодержавным режимом; не растрачивая сил в партизанских действиях, всемерно укреплять партийную организацию, усиливать ряды партии численно, усиливать партийную кассу.

Черновик этой прокламации ПК тов. Бадаев возил для редактирования в Финляндию тов. Еремееву. Один экземпляр оригинала тов. Бадаев спрятал в сапог, другой вез в спичечной коробке, для того чтобы поджечь ее

в момент нападения полиции. Отредактированная листовка была передана для печати И. Красникову, В. Соловьеву, А. Яковлевой, М. Руцкому и другим, выпустившим ее 1 августа

Эта группа вместе с другими товарищами (всего 21 человек) была арестована 5 августа по обвинению «в революционном направлении по программе большевистской фракции Российской социал-демократической рабочей партии, а равно в стремлении к распространению идей означенной партии путем выпуска целого ряда листовок и воззваний, приуроченных к текущему моменту и направленных, главным образом, к дискредитированию в глазах народных масс общегосударственного значения настоящей войны и связанных с ней правительственных мероприятий»³.

Донесение об аресте названной группы большевиков рисует картину подготовительной работы партийной организации к выступлению против войны:

«...получены были агентурные сведения, что в гор. Петрограде тотчас после объявления войны Германией России среди партийных рабочих возникла мысль начать усиленную агитацию по устройству всеобщей забастовки протеста против войны и в целях осуществления ее организовать при участии рабочих, имеющих связь с культурно-просветительными обществами, ряд собраний для разработки различных вопросов, относящихся к проведению означенной забастовки и, в частности, к изданию и широкому распространению среди рабочих масс соответствующих прокламаций. Одно из первых таких собраний должно было состояться 20 июля, в 4 часа дня, в помещении культурно-просветительного общества «Образование», и, действительно, установленным за этим помещением наблюдением было выяснено, что упомянутого числа к назначенному часу туда стали собираться рабочие. Ввиду этого в указанное помещение был командирован наряд полиции, коим и было застигнуто и арестовано».

¹ «Памятники агитационной литературы». Вып. 1-й. Т. VI. № 40.

² Там же, № 42.

³ Архив революции и военной политики. Фонд департамента полиции. Ч. 1-я, д. № 407. 1914.

стовано собрание, состоявшее из 12 лиц»¹.

Кроме этого собрания департамент полиции отмечает еще три собрания, которые состоялись 19, 20, 21 июля в чайной «Гигиена». Предметом обсуждения был также вопрос о выпуске листовок. На этих же собраниях, очевидно, стоял вопрос о создании организационного центра, так как департамент полиции на основании донесений своей агентуры указывает, что собрания созывались для организации «летучего бюро».

Одновременно происходит организация большевистской группы в первом городском районе Петербурга. Основание этой районной организации положила группа рабочих, учащих на вечерних курсах Лиговского народного дома. Первое собрание состоялось в саду Народного дома и было посвящено, как вспоминает один из его участников, обсуждению дальнейшей работы как среди учащих на курсах, так и среди рабочих фабрик и заводов, где работали собравшиеся: «Главной темой, «гвоздем» рассуждений, если так можно выразиться, было противопоставление мнения организованных рабочих на основе принятых решений базельского конгресса мнению и агитации шовинистических идей и настроений среди рабочих масс»².

Группа избрала президиум из трех лиц и решила приступить к выпуску журнала и листовок. Первая листовка за подписью «Группа партийных социал-демократов» была через несколько дней отпечатана на гектографе в количестве двухсот экземпляров. Журнал под названием «Рабочий голос» вышел в начале августа. В группу первое время входили главным образом учащиеся Лиговских курсов, ранее участвовавшие в профессиональных и культурно-просветительных организациях Городского и Московского районов. Вскоре группа завязала связь с другими группами того же Городского района и совместно с ними составила районную партийную организацию.

¹ Архив революции и военной политики. Фонд департамента полиции. Ч. 1-я, д. № 407. 1914.

² «Красная летопись» № 5 за 1923 г., стр. 230.

Тов. К. Еремеев, старый большевик, правдист.

Не прекращают свою работу и партийные ячейки на заводах. Правда, материал об их деятельности чрезвычайно скуден, но и те сведения, которые имеются, показывают, что большевики питерских заводов на мобилизацию и объявление войны ответили активной пропагандистской и организационной работой. Основным содержанием этой работы были разъяснение империалистического характера войны, организация антивоенных демонстраций и распространение листовок ПК. Были и попытки составления и выпуска собственных, заводских листовок о войне. О выпуске такой листовки большевиками Металлического завода рассказывает тов. Михайлов. Листовка была напечатана в небольшом количестве и распространена на заводе³.

Большевистской группе Александровского завода удалось в первые же дни войны созвать многолюдное собрание, на котором с докладом об отношении большевиков к войне выступил представитель ПК. Собрание состоялось в кустах у Черной речки, обычном месте заводских подпольных собраний. «Это собрание⁴, — вспоминает рабочий Александровского завода

³ Воспоминания тов. Михайлова. Хранятся в заводской редакции «Истории завода им. Сталина» (б. Металлического).

⁴ Воспоминания тов. Дункен. Хранятся в редакции «Истории Октябрьской железной дороги».

тов. Дункен,—придало нам бодрость в протесте против войны.

На Путиловском заводе большевистская организация состояла из отдельных групп, организованных по мастерским. «Во время объявления войны,—рассказывает тов. Шевардин,—на заводе существовала небольшая группа большевиков-подпольщиков, которая при мастерских сумела организовать надежных товарищей рабочих в группы по 10 и 14 человек; если же группа превышала это число, то делилась на две группы, и от каждой такой группы представитель входил в так называемый в то время район»¹.

В день мобилизации подпольная группа большевиков-путиловцев собралась в больничной кассе. На заседании обсуждался вопрос, как реагировать на объявление войны. В башенной мастерской большевистская группа организовала собрание мобилизованных рабочих. Выступивший на собрании К. Николаев говорил о том, что война ненужна рабочему классу, и призывал отправлявшихся на фронт разъяснять смысл войны среди товарищей на передовых позициях. Мобилизованные обещали держать связь с заводской организацией и заверили, что ни в каких усмирениях и карательных отрядах участвовать не будут².

Путиловские большевики, устанавливая связь с мобилизованными, готовили организацию революционной пропаганды в войсках на самом театре военных действий. Вообще следует отметить, что пропаганда среди призванных на войну была одним из важнейших элементов партийной работы в первые дни войны. Большевистская группа Лиговских вечерних курсов распространяла выпущенную ее собственными силами листовку в Лиговском народном доме, который был занят под сборный пункт. Мобилизованные охотно брали листовки, прятали в карманы и, забираясь в укромные уголки, читали. Антивоенная прокламация ПК распространялась не только на мобилизационных пунктах,

но и на вокзалах в момент самой отправки призванных. Прокламацию раскидывали и даже прямо рассовывали в карманы запасных.

Деятельность большевиков встревожила военные власти. По распоряжению верховного главнокомандующего, начальник штаба генерал Янушкевич 27 июля обратился к министру внутренних дел с требованием принятия решительных мер для подавления революционного движения. «В вверенный мне штаб из департамента полиции,—писал генерал Янушкевич,—поступают сведения, в коих приводятся данные о намечаемых социал-демократическими партиями забастовочных движениях. Считаю долгом уведомить ваше высокопревосходительство, что возникновение на территории империи внутренних беспорядков может весьма серьезно отразиться на успехе наших военных операций, почему представляется крайне необходимой самая беспощадная борьба с зародышами такового движения с целью предупреждения даже единоличных взрывов забастовочного движения и локализации их в случае проявления в наикратчайший срок»³.

Для революционной пропаганды большевики прибегали не только к выпуску прокламаций. Сразу же после объявления войны тов. Бадаев дал сотрудникам петербургских газет интервью, в котором заявил, что передовые, сознательные рабочие остаются на позициях базельского конгресса и будут бороться за лозунг «Война—войне». Интервью напечатано не было, но в ответ на него Бадаев получил угрожающие письма, сулящие смерть за большевистскую пропаганду. Одно из таких писем, начинавшееся словами: «Слушай, ты, изменник!.. Довольно ты смущал народ русский, подлый ты революционер...»,—было размножено и распространялось среди рабочих⁴.

Таким образом, каждый факт, который в той или иной мере рисовал

¹ Воспоминания А. В. Шевардина. Хранятся в библиотеке Ленинградского института истории партии.

² Воспоминания К. Николаева. Хранятся в заводской редакции «Истории Кировского завода»

³ Архив революции и военной политики. Фонд департамента полиции. Т. IV, д. № 138. 1914.

⁴ Архив революции и военной политики. Фонд департамента полиции. Ч. 1-я. д. № 407. 1914.

Группа запасных, призванных на военную службу. Петербург. 1915 г.

отношение правящих классов к пролетариату, партийная организация сумела использовать для развертывания революционной пропаганды и стягивания сил вокруг большевистской партии.

Антивоенные листовки, которые выпускались ПК, вскрывают позицию, занятую петербургской организацией большевиков в первые же дни войны. В них разоблачался империалистический характер войны, подчеркивалось, что она порождена захватнической политикой капитализма и стремлением разгромить революционное движение рабочего класса. Борьба против войны есть революционная борьба против причин, ее порождающих, т. е. против капиталистического строя. Только победа социализма может дать прочный мир народам. Ближайшая задача русского пролетариата — подготовка буржуазно-демократической революции, за которой непосредственно должна следовать революция пролетарская. Рабочий класс должен сохранить в революционном движении свою роль гегемона. Уже сейчас следует готовиться к вооруженному восстанию, подготавливая и запасая оружие. Во что бы то ни стало нужно укреплять нелегальные организации, ведя одновременно агитацию в широких массах, перед которыми следует раскрыть истинную причину и смысл войны. Агитация должна вестись и среди призываемых и в самой армии. Револю-

ция является неизбежной — и ее нужно готовить.

Тезисы Ленина о войне в конце сентября, ставшие известными в Петербурге, вооружили питерскую организацию боевым лозунгом — превращения войны империалистической в войну гражданскую. Но позиция, занятая ПК уже с первых дней войны, была позицией последовательного революционного интернационализма, позицией подготовки революционного выхода из войны. «Нелегальная Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия исполнила свой долг перед Интернационалом. Знамя интернационализма не дрогнуло в ее руках»¹.

2

Легенда об оборонческих настроениях рабочего класса была одним из важнейших орудий социал-шовинизма против большевистской борьбы за революционный выход из войны, за превращение в жизнь лозунга поражения своего правительства и превращения войны империалистической в войну гражданскую. «Точно по мановению руки, — писал в «Современном мире» меньшевик Клейнборт, — погасли вспышки в Петербурге и прекратилась забастовка в Москве и Бакинском районе. Рабочие в полном сознании исторической важности момента подчеркнули, что не время обострять внутрен-

¹ Ленин. Т. XVIII, стр. 209.

ную борьбу». Желательное для себя и своих хозяев Клейнборг выдавал за существующее.

При полном молчании задушенной военной цензурой рабочей революционной печати меньшевистская клевета являлась далеко не слабым оружием шовинистической пропаганды. Череванин в «Нашей заре» утверждал, что страны Антанты, в том числе и царская Россия, воюют против германской коалиции «с огромным энтузиазмом при сочувствии широких слоев как своего населения, так и населения нейтральных держав»¹. Газета «День», в редакции которой сильное влияние имели ликвидаторы, утверждала, что с объявлением войны «недавние забастовщики, воевавшие с полицией, превращаются в самых восторженных патриотов»². Большевистские литераторы ничем по существу не отличались от черносотенных нововременских молодцов, которые, пользуясь полной свободой лгать, позволяли себе клеветать на революционную социал-демократию. Газета «Новое время» писала: «Кто год назад мог предположить, что рабочий — социал-демократ — понесет русское грехцветное знамя рядом с союзником»³.

С нескрываемым энтузиазмом буржуазная печать выполняла одну из важнейших задач империалистической войны: «...одурачить, раз'единить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии...»⁴.

13 июля на улицах Петербурга появились первые патриотические манифестации. Состав участников этих манифестаций достаточно известен. Организованные полицейскими властями, они состояли из дворников, лавочников, мелких чиновников и просто хулиганов, т. е. из тех элементов, из которых искони черпало свои кадры российское черносотенство. Первой патриотической манифестацией, по свидетельству хроникера газеты «День», руководили отставной полковник с «Георгием» в петлице и двое

в чиновничьих фуражках. Следующие манифестации проходили «под руководством подростков и подчас сомнительных на вид личностей»⁵.

Манифестанты сбивали шапки с прохожих, врывались в трамваи и дома и избивали всякого, кто не выражал в достаточной мере патриотических чувств. С громкими криками «ура» и пением «Боже, царя храни» толпы манифестантов шествовали по улицам столицы, с вожделием поглядывая на витрины магазинов и ожидая только сигнала для начала погрома. «Патриотам» была брошена кость: полиция разрешила им разгромить германское посольство, что должно было символизировать величайший гнев русского народа против вероломных тевтонов.

Несмотря на явно погромный характер манифестации печать изображала ее как взрыв высоких патриотических чувств, как признак единения всех слоев населения под воинственными стягами российского империализма. Но даже буржуазная пресса была вынуждена признать, что рабочие массы в этих манифестациях не участвовали. В отчете о манифестациях 15 июля газета «День» писала: «За заставами и в заречных рабочих районах манифестаций не было»⁶. Корреспондент газеты неуклюже пытался объяснить это тем, что до рабочих районов известие о событиях (в данном случае речь шла об объявлении войны Австрией Сербии) якобы еще не дошло. В последующих отчетах буржуазная печать старается уже исправить эту неловкость: о рабочих районах газеты отдельно не пишут. Но все маршруты манифестаций, о которых сообщается в печати, продолжают проходить по центральной, буржуазной, части города.

Попытки некоторых групп выступить с патриотическими манифестациями в рабочих районах встретили резкое противодействие самих рабочих. Когда около сотни рабочих одной из мастерских завода Речкина устроили патриотическую манифестацию, она у заставских ворот была ра-

¹ «Наша заря» № 7—9 за 1914 год.

² «День» от 24 июля 1914 года.

³ «Новое время» от 24 июля 1914 года.

⁴ Ленин. Т. XVIII, стр. 44.

⁵ «День» от 16 июля 1914 года.

⁶ Там же.

зогнана другими рабочими¹. В Колпине манифестацию забросали камнями. Позже группа рабочих Ижорского завода на Преображенской площади вырвала из рук манифестантов царский портрет и тут же его разорвала².

Рабочие не ограничились разгоном патриотических манифестаций в своих районах. Рабочая молодежь отправлялась в цитадель патриотической стихии — в центральные районы города — для срыва манифестаций. Расчет был на то, чтобы, вмешавшись в толпу, криками и шумом срывать патриотические митинги и манифестации. «Группой сравнительно молодых рабочих человек в пять—шесть,— рассказывает в своих воспоминаниях Т. Кондратьев,— были куплены губные сирены, с помощью которых не раз прерывались манифестации: кто-либо из толпы кричал «ура», толпа подхватывала, остальные товарищи начинали свистать. Получались невообразимые свист и визг, из-за которых нельзя было слышать ни пения, ни речи оратора. Это было проделано у сербского посольства, где выступал с патриотической речью Радко-Дмитриев, речь которого была заглушена визгом сирен. После ряда таких демонстраций наших товарищей начали ловить; пойманных, если находили сирену, избивали в кровь»³.

Кое-кого из наиболее горячей молодежи, очевидно, не удовлетворяли эти сравнительно мирные методы. Рабочий И. И. Калитов с завода Айваз во время митинга пытался прервать ораторов, угрожая им револьвером. Калитов был арестован, но успел скрыться из помещения участка⁴.

В дни, когда правительства империалистических государств вели последний тур дипломатической игры, единственной целью которой было создать впечатление, что «начали не мы», буржуазная печать усиленно разжигала шовинистические настроения. Одно-

временно полиция, фактический организатор патриотических выступлений, со дня на день усиливала потоки манифестантов. Кульминационного пункта патриотические манифестации достигли к моменту объявления всеобщей мобилизации. 17 июля, по полицейским подсчетам, в Петербурге состоялось около 30 патриотических манифестаций. В ответ на них петербургские рабочие 19 июля, в день, назначенный для явки запасных на сборные пункты, организовали антивоенные выступления, сопровождавшиеся забастовками протеста и контрдемонстрациями.

Явка мобилизованных в полицейские участки назначена была на 6 часов утра. Отсюда группами, в сопровождении полиции и военных чинов запасных направляли на городские сборные пункты. Проводы мобилизованных на пункты и были использованы для организации антивоенных демонстраций.

Следует заранее оговориться, что эти демонстрации не были и не могли быть такими же мощными, как только что прошедшие (перед началом войны) выступления питерских рабочих в июльские дни. Патриотические манифестанты, толпами разгуливавшие по центральным улицам города, были прямыми пособниками полиции в подавлении красных демонстраций. В то же время в широких рабочих массах сильны были и настроения растерянности, боязни за свою судьбу. Свое отрицательное отношение к войне петербургские рабочие единодушно выразили в отказе от участия в патриотических манифестациях. Но активные контрдемонстрации в этих условиях, естественно, не могли быть особенно многочисленными. Величайшей ошибкой поэтому было бы судить о силе антивоенных настроений на основе сравнения числа участников демонстраций периода мобилизации с предшествовавшими войне революционными выступлениями рабочего класса.

Наибольшую активность проявили в эти дни рабочие Выборгского района, как всегда шедшие в первом ряду революционного движения. Демонстрацию здесь начали рабочие завода Эриксона. Накануне на заводе рас-

¹ «Красная летопись» № 5 за 1923 г., стр. 229.

² С. Завьялов «История Ижорского завода», стр. 349. 1934.

³ «Красная летопись» № 5 за 1923 год, стр. 230. ●

⁴ Ленинградское областное архивное управление (ЛОАУ). Фонд канцелярии ЕПБ градоначальника, д. № 246. 1914.

пространялась листовка Петербургского комитета большевиков. Утром 19 июля явившиеся на завод рабочие к работе не приступали. Группами собирались они около станков. Заводские большевики вели агитацию за выход на улицу. Историк завода «Красная заря» (б. Эриксона) так описывает момент выступления:

«Протестующие рабочие покидали цеха. Заводской двор быстро наполнился людьми. Откуда-то вынырнул возбужденный Иван Маврин¹. На шее у него красный галстук; взлохмаченные волосы выбились из-под шляпы. Ему подкатывают бочку, и он, вскочив на нее, говорит о сущности войны, о политике империалистов. У ворот показывается полиция. Маврин прыгает с бочки, крикнув: «Долой войну, долой Николая Кровавого!» Толпа, поглотив его, выходит из ворот на Сампсониевский»².

В это же время происходил митинг рабочих завода Айваз. По поручению партийной организации на митинге выступил М. И. Калинин. Свою речь он закончил лозунгом «Долой войну!» Завод прекратил работу и всей массой двинулся на улицу, чтобы принять участие в демонстрации³.

На Металлическом заводе большевики устроили митинг во время ночной смены, в ночь на 19 июля. К рабочим Металлического присоединились рабочие соседнего завода—Розенкранца. Митинг был устроен в лесу, близ завода. На митинге вносились предложения, чтобы мобилизованные, получив оружие, удержали его в своих руках для борьбы с царизмом. На следующий день в момент проводов мобилизованных в одной из мастерских завода был устроен второй митинг⁴.

Сампсониевский проспект, главная артерия Выборгской стороны, сплошь заполнился толпой демонстрантов. К вышедшим на улицу рабочим завода Эриксона присоединились сперва ра-

бочие завода Лесснера, а затем рабочие других соседних заводов. В толпе появились красные флаги, на ходу прикрепленные к палкам. По улице в это время околоточный и двое городских вели на сборный пункт партию запасных, около 100 человек. Демонстрация встретила запасных пением «Марсельезы» и криками «Долой войну!» От полиции потребовали роспуска мобилизованных по домам. В толпе раздавались крики «Бей полицию!» На полицейских посыпались камни. У одного из городских отобрали револьвер. Мобилизованные были отбиты и присоединились к демонстрации, для разгона которой был вызван отряд конной полиции⁵.

Демонстрация, по свидетельству ее участников, с сочувствием была встречена солдатами Московского полка, казармы которого были расположены на Сампсониевском проспекте. При первом же появлении демонстрантов солдаты высыпали на двор и жались к решеткам, внимательно наблюдая за происходившим на улице. Это вызвало переполох среди офицеров, которые прогнали солдат обратно в казармы⁶.

На Выборгской стороне в этот день, как рассказывал в своих воспоминаниях М. И. Калинин, бастовали почти все заводы. На некоторых заводах, как например на Айвазе, забастовка-протест продолжалась полдня, на некоторых — больше.

Значительные антивоенные выступления имели место 19 июля также в Невском районе. Рабочие заводов Невской заставы группами прорывались из разных пунктов к центру города. Группа демонстрантов, шедшая по Александровскому проспекту, соединилась с другой демонстрацией—на Механической улице. Здесь демонстрацию встретил отряд полиции, разогнавший толпу⁷. Демонстрантам все же удалось снова соединиться и сплоченной массой прорваться к Знаменской площади.

В письме, написанном в тот же день, 19 июля, свидетель и участник

¹ Рабочий завода «Большевик».

² С. Купер «Война», 1914—1917 гг. на заводе «Красная заря». На правах рукописи, 1935.

³ Воспоминания М. И. Калинина приведены в книге Б. Сергеева «Михаил Иванович Калинин», 1934.

⁴ Воспоминания старых рабочих завода. Хранятся в заводской редакции «Истории завода им. Сталина».

⁵ АР и ВП. ДП. IV. Ч. 61-я, д. 108. 1914.

⁶ См. С. Купер «Война».

⁷ Воспоминания Дункена. Хранятся в редакции «Истории Октябрьской железной дороги».

демонстрации описывает ее следующим образом:

«Сегодня утром Миша отрывает меня от занятий и зовет на балкон посмотреть, какая надвигается со стороны Лавры большая толпа. Что же я увидел и услышал? Рабочие, запасные и провожающие их поют «Марсельезу» со всеми словами («Царь-вампир пьет народную кровь...»), которые, ты знаешь, для царя нелестны. Не особенно приятны для него «Варшавянка» и «Похоронный марш», которые они пели. При пении «Похоронного марша» офицеры и городовые снимали фуражки. Естественно, я убежал на улицу и присоединился к густой толпе... Настроение толпы на меня повлияло как индуктирующий ток...»

Далее, автор письма пишет уже как участник демонстрации, которая, пройдя Знаменскую площадь, двинулась по Невскому проспекту. Появление демонстрантов, очевидно, было такой неожиданностью для публики Невского, что вначале встречавшиеся на пути офицеры, предполагая, что это очередная патриотическая манифестация, отдавали ей честь или снимали фуражки. Часть публики присоединилась к демонстрации, а часть, патриотически настроенная, набросилась на демонстрантов с упреками и обвинениями в измене. Предоставим опять слово нашему корреспонденту:

«... У Аничкина моста один чиновник запротестовал: «Как это «Долой войну!»? Это деморализует армию...» Тут я выступил с речью, и у меня с чиновником завязался спор. Я ему доказывал, что война — зло и что рабочие имеют право выражать свое отношение к ней, что воевать должны те рабочие, которым нечего есть, у которых семьи голодают, а не мальчишки, которые пели гимн, получая от правительства за это деньги; что рабочих надо уважать как наиболее обездоленных; что рабочие не хотят войны, потому что девиз рабочих — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», и русский рабочий, желая объединиться с немецким, не может желать войны против него. Рабочие и сочувствующая публика смотрели на меня с явным уважением и почтением,

Гов. Михаил Иванович Калинин. Снимок охранного отделения. 1910 г.

а буржуи, накопившиеся больше и больше,— с враждой»¹.

Около 2 часов дня демонстрация подошла к зданию Городской думы. Впереди демонстрантов шла группа мобилизованных, которых полиция гнала из Шлиссельбургского участка на сборный пункт. Демонстранты с криками «Долой войну!» и пением «Марсельезы» смешались с запасными. Над толпой появился красный флаг. У здания Думы на демонстрацию набросились подоспевшая полиция и казаки с нагайками. К полиции присоединилась расхрабренная публика Невского, по выражению цитированного выше корреспондента: «...буржуи, накапливавшиеся больше и больше». Началось избиение демонстрантов. Восемь человек было тут же арестовано².

Мы описали две наиболее крупные демонстрации 19 июля. В меньших размерах антивоенные выступления рабочих в этот день происходили по всему городу, в том числе и в цен-

¹ АР и ВП. Перелюстрация. Письмо от 19 июля 1914 года.

² АР и ВП. ДП. IV. Ч. 61-я, д. № 108. 1914.

тральных районах (в Коломенской части). В большинстве случаев демонстрации образовывались вокруг партий запасных, которых рабочие провожали на сборные пункты с красными флагами и с пением революционных песен.

По подсчетам охранного отделения, 19 июля в знак протеста против мобилизации и войны забастовало 21 предприятие с общим числом в 27 тыс. рабочих. «Означенная забастовка,— пишет охранное отделение,— так же, как и предыдущая, сопровождалась демонстративными выступлениями рабочих»¹. Подсчет охранки надо считать сильно преуменьшенным. В него, очевидно, не вошли те заводы, где, как это было на Айвазе, забастовка была полудневная. Кроме того на некоторых заводах рабочие, бросив работу, не покидали завода, а весь день провели в митингах. Таким образом, фактически количество участвовавших 19 июля в забастовках протеста против войны было значительно больше, чем указывает охранка.

Во всех выступлениях 19 июля ясно видна руководящая роль большевистской организации. Заводы Эриксона и Айваз, как мы уже указывали, вышли на улицу после выступления большевиков. Во главе демонстрации рабочих Невской заставы шли большевики². Накануне выступления на заводах рас-

¹ АР. и ВП. ДП. IV. Ч. 61-я, д. № 108. 1914.

² «Красная летопись» № 5 за 1923 г., стр. 230.

пространялась листовка Петербургского комитета.

Работа большевистской партии за первые дни войны, как мы видим, развертывалась с большой интенсивностью. В активе петербургской организации в это время мы имеем: 1) воссоздание петербургского центра партии, 2) выпуск нескольких антивоенных листовок, 3) революционную пропаганду среди запасных, 4) вывод рабочих на противовоенные демонстрации.

Критикуя заявления полукаутскианской группы участников Циммервальда о несвоевременности революции, Ленин указывал на то, что нельзя смешивать начало революции с открытой и прямой ее проповедью: «Когда революция уже началась, тогда «признают» и либералы и другие враги ее, признают часто для того, чтобы обмануть и предать ее. Революционеры, до наступления революции предвидя ее, сознают ее неизбежность, учат массы ее необходимости, разъясняют массам пути и способы ее»³.

Петербургская организация большевиков так же, как и вся партия в целом, с первого же дня военного кризиса повела настоящую революционную политику, подготавливая массы к вооруженной борьбе со «своим» правительством и со «своей» буржуазией, к превращению империалистической войны в гражданскую.

³ Ленин. Т. XVIII, стр. 305.

СОВЕТСКАЯ АРХИТЕКТУРА

И

ЛЕНИНГРАД

I

Говоря об архитектурной практике Москвы или Ленинграда, нельзя не коснуться истории развития советской архитектуры за 15—16 лет ее существования, ибо несомненными центрами всего процесса этого развития прежде всего были и есть Москва и за нею Ленинград.

В памятные для нас годы с 1917 по 1921, т. е. в годы исключительного напряжения всей страны в борьбе со всеми внешними и внутренними защитниками «культуры и чести доблестной России», естественно, было не до архитектуры.

Лишь с 1921—1922 года стала возрождаться в стране архитектурная мысль. Желание творчества было велико, но оно находилось в обратной пропорции к тем реальным масштабам строительства, которые существовали тогда в стране.

Творческие порывы революционно настроенной части архитектурно-художественной интеллигенции и в особенности молодежи находят выход в теоретических, бумажных боях против идеализма в искусстве, вообще против рутины старой, предвоенной архитектуры, за создание новой, революционной художественной архитектуры пролетариата.

В этом революционном порыве решительно отбрасываются и объявляются вне закона все старые приемы, на смену которым приходят идеи и настроения революционной героической

романтики и индустриальной символики: спираль как форма «выражает революционное стремление вверх»; «куб—форма, выражающая покой и величие»; «квадрат—форма, не имеющая движения», и т. д. и т. п.

Краны, лебедки, цепи, домны и тому подобные образы стали почти постоянными спутниками на всех перспективных чертежах архитектурных проектов того времени.

Художник Малевич создает в Ленинграде свою школу и теорию супрематизма. Его беспредметные объемные композиции привлекают всеобщее внимание и увлекают своим направлением ряд архитекторов и художников того времени как в самом Ленинграде, так и за пределами его.

Творческий подъем этого периода родит множество проектов и предложений новой, революционной архитектурной тематики, чаще всего абстрактных, нереальных, но глубоко эмоционально насыщенных.

Заключительным аккордом этого периода является конкурс на Дворец труда в Москве, объявленный в начале 1923 года. В этом конкурсе участвует ряд ленинградских архитекторов, из которых выходят победителями архитекторы Троцкий и Бурышкин, трансформирующие в своих проектах архитектурные образы средневековья на живописном фоне кранов, лебедок, металлических ферм и тому подобных элементов индустриального мира.

Запоздалым эхом этих настроений в архитектуре явились книги ленинградского архитектора Я. Г. Чернихова «Основы советской архитектуры» и «Конструкция машинных и архитектурных форм», в которых красной нитью проводится мысль, что «влияние машины и всего индустриального мира на архитектуру велико и оно пронизывает архитектуру и подчиняет все, входящее в ее сферу» (из предисловия).

На фоне этих настроений в 1923 году в Москве организуется первое советское архитектурное общество (АСНОВА) — Ассоциация новых архитекторов, — которое в противовес всем старым архитектурным обществам (МОА — Московское общество архитекторов — с 1867 года, ЛОАХ — Ле-

нинградское общество архитекторов-художников — с 1905 года и т. п.) объединило в себе все, что было «революционного» на архитектурном фронте того периода.

В Ленинграде официального отделения этого общества не было, но печать формализма можно было обнаружить на работах многих ленинградских архитекторов.

Эти формалистические влияния можно было видеть в творческой практике даже таких видных ленинградских мастеров, как проф. Никольский, проф. Руднев, акад. В. А. Щуко.

В архитектуре же самого Ленинграда этот период достаточно яркого отражения не нашел.

Металлические и стеклянные «коробочки» на клубе для завода «Красный путиловец», переделанном проф. Никольским из церкви, и тому подобные моменты в других сооружениях были лишь моментами, а не цельными формалистическими организмами. Оттенки господствующего в это время романтического настроения можно видеть и в проекте сооружения Памятника жертвам революции (проф. Руднева, который стремился в рисунке барельефа на ограде и в циклопических, громадных камнях ее выразить всю глубину и потрясающую скорбь миллионов по случаю смерти товарищей).

2

Вторым основным этапом в развитии советской архитектуры, наложившим уже более яркий отпечаток на архитектуру Ленинграда в его реальном строительстве, следует считать период с 1923 по 1927 год.

В отличие от предыдущего периода основой для развития архитектуры была уже реальная программа нового развертывающегося строительства в стране.

На 1927 год, по промфинплану госпромышленности, в стране было уже начато строительство 368 промышленных сооружений с общей суммой капиталовложений в 653 млн. руб., из которых значительная часть падала и на Ленинград. Проводятся большие работы по восстановлению всего за-

пущенного фонда жилищно-коммунального хозяйства. В 1924—1925 годах создаются первые жилищно-кооперативные товарищества рабочих с конкретной программой жилищного строительства как одной из важнейших проблем эпохи.

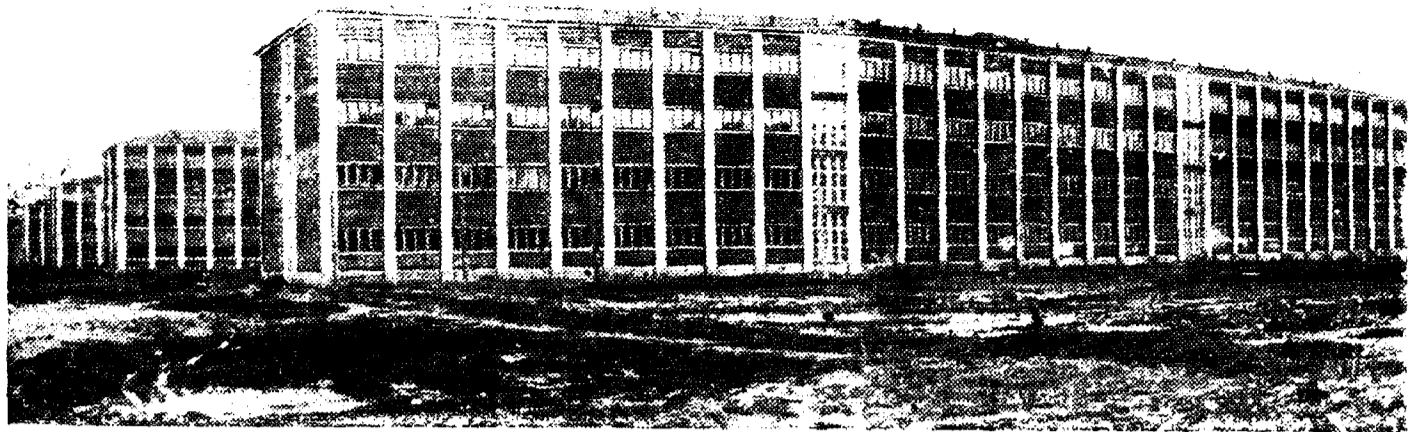
Непрерывно возрастают капиталовложения. Если до 1925 года все вложения в жилищное строительство выражались в 70 млн. руб., то в 1926 году они составляли уже 156,5 млн. руб. и в 1927 году — 286,7 млн. рублей. Ничтожно малыми кажутся сейчас эти суммы по сравнению с миллиардами, вкладываемыми в жилищное строительство за годы второй пятилетки; но тогда, в условиях экономической истощенности страны, эти цифры были героическими цифрами, подтверждающими, что жилищная проблема есть прежде всего проблема социальная, которая ни в какой степени не могла быть решена в условиях капиталистической России.

Подчеркивая важность для пролетарского государства жилищно-коммунального хозяйства, тов. Киров говорил: «Это, в конечном счете, тот участок нашего советского хозяйства, где наши рабочие проводят если не большую часть своего времени, то во всяком случае половину. 7—8 часов рабочий работает на заводе, а остальное время он проводит в своем жилище, на улице, в саду, в театре, где хотите, т. е. проводит в коммунальном хозяйстве в широком смысле этого слова»¹.

К концу этого периода в Москве, Ленинграде и других крупных городах реально возникают уже и такие постройки, как рабочие клубы, гостиницы, дома отдыха, торговые сооружения и др.

Но если небольшие промышленные и жилые сооружения еще являются господствующими в конкретной строительной практике этого периода, то в архитектурных конкурсах, широко практиковавшихся в эти годы, наблюдается широкий диапазон разнообразных по масштабам и содержанию построек — от дворцов труда и домов

¹ Киров «Ленинградские большевики между XVI и XVII съездами ВКП(б)», стр. 113. 1934.

Образец стандартного однообразия. Дома жилмассива на Крестовском острове, построенные «Тахитектоном».

советов до небольших архитектурно-скульптурных монументов, первые из которых, как мы знаем, были задуманы и осуществлены по инициативе Владимира Ильича в Москве и в Ленинграде еще в 1918—1919 годах. Архитектурная мысль находит в этих конкурсах широкое поле творческой деятельности.

Однако реальная практика этого периода еще значительно сдерживает творческий размах архитектора в силу крайне ограниченных экономических возможностей государства, отдающего максимум средств и сил прежде всего всемерному восстановлению сельского хозяйства и промышленности.

Это ограничение приводит архитектурную мысль страны к поискам наиболее дешевых, наиболее рациональных средств и приемов строительства. Идеино-художественная направленность в архитектуре реагирует на это решительным отказом от всего «художественно-прикладного», от всякого «украшательства».

Следует при этом иметь в виду то обстоятельство, что до 1926 года около 86% всех вложений в жилищное строительство мобилизовывалось за счет частнокапиталистического сектора, за счет частных застройщиков. Это положение не могло не способствовать также развитию дяческих — «рационалистических» — воззрений в архитектуре жилых сооружений этого периода.

Такая направленность, понятая значительной частью «революционно-

прогрессивных» архитекторов того периода как непреложная истина, при формировании «нового стиля современности» приводит к заимствованиям у западной и американской архитектуры, которая достигла в этот период значительных «успехов» в области рационализации и стандартизации. Идеино-художественное содержание выхолащивалось из архитектуры как ненужная «добавка», что соответствовало сугубо деловой и коммерческой идеологии эпохи империализма.

В 1925 году организуется уже второе по счету советское архитектурное общество—ОСА (Общество современных архитекторов),—объединяющее в себе сторонников нового, так называемого функционально-конструктивистического направления. Хотя организационно оформленного отделения этого общества в Ленинграде не было, но идеи конструктивизма были господствующими в ленинградской практике этого периода.

Правда, увлечение Западом не так быстро проявляет себя в Ленинграде. 1925—1927 годы ознаменовываются еще такими постройками, как рабочий городок за Нарвской заставой, проекты которого разрабатываются под руководством проф. А. С. Никольского. В архитектуре этих домов наряду с некоторыми моментами лаконичности, стандартного однообразия их внешности и относительной новизны самого западного приема строчной квартальной застройки можно обнаружить еще некоторые, хотя и упрощенные детали

старых форм и приемов. Карнизы, эркеры¹ и тому подобные «рудименты» еще продолжают свое существование, еще не отвергнуты здесь архитектором. Вместе с тем в их архитектуре отразилось и влияние предыдущего периода романтики и символизма.

В 1928 году вырастает первое и крупнейшее для своего времени здание Дома культуры бывшего Нарвского района (архитекторы Гегелло и Кричевский), в котором положена в основу еще строго симметричная композиция и архитектурная трактовка форм и деталей также не имеет еще достаточно смелого конструктивистического выражения: архитектор еще не решается на сплошные ленточные окна или сплошь застекленные стены, широко привившиеся в позднейшем строительстве этого типа. Зрительный зал этого сооружения не утратил еще и сейчас для нас своей прелести: сравнительно новая и интересная его архитектура внутри еще не сдвлена «рационормой» и делает его большим,

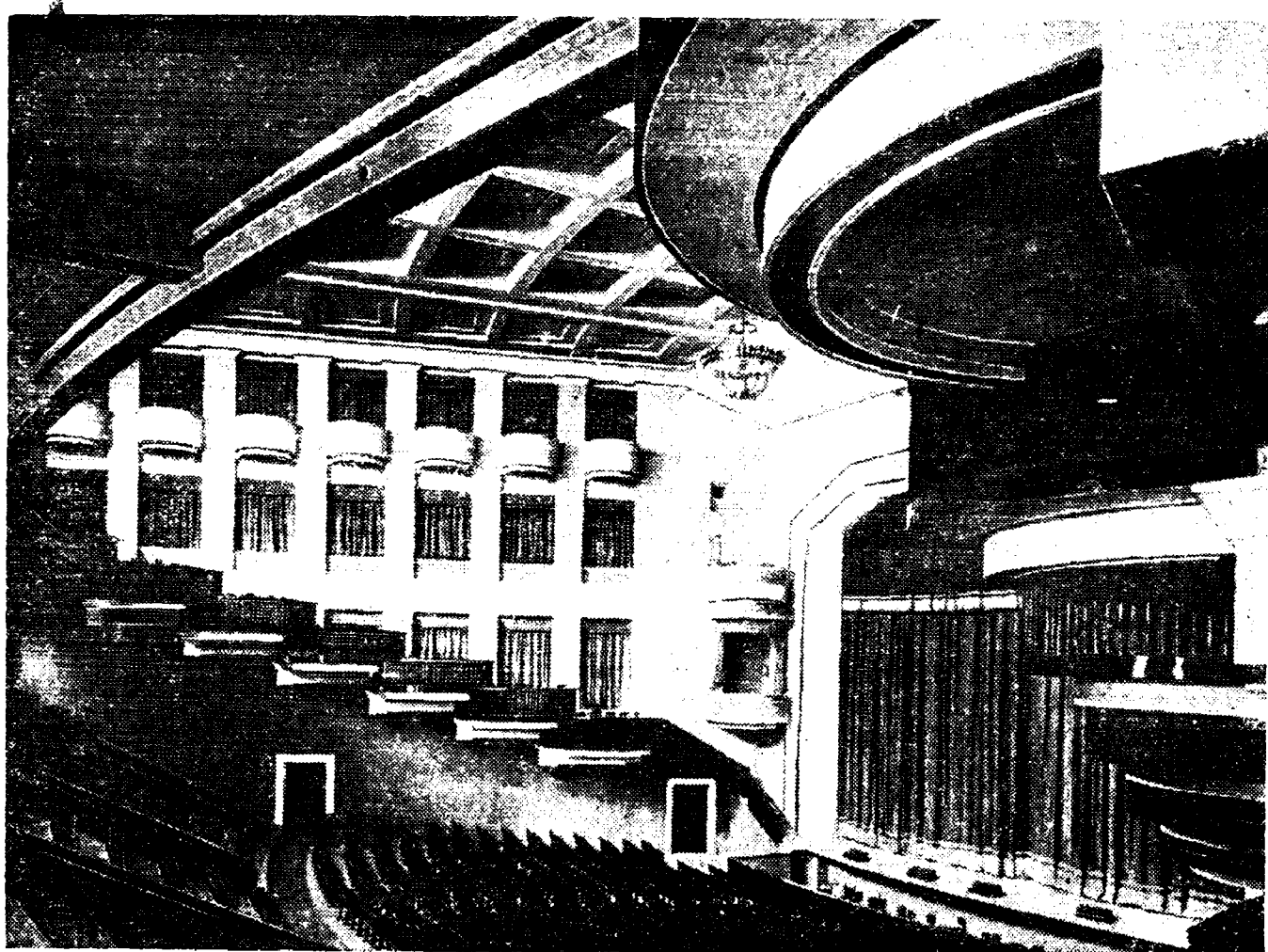
¹ Застекленные вертикальные выступы различного рисунка в сечении на протяжении одного или нескольких этажей.

светлым и радостным, дав в то же время очень неплохое решение видимости и слышимости в зале.

В дальнейшем все больше и решительней начинают побеждать принципы оголенности, схематизма и рационалистических тенденций. И уже в таких сооружениях 1927—1928 годов, как жилой городок «Красного треугольника» (архитектор Лангбард), все эти принципы конструктивизма выявлены гораздо ярче и сильнее, нежели в первом жилом городке за Нарвской заставой. Таким образом, с 1928 года наступает следующий период — период развернутого конструктивизма, под знаком которого находится советская архитектура вплоть до 1932—1933 годов, которые мы условно называем началом архитектурного перелома в истории всей советской архитектуры и ленинградской в частности.

3

Архитектура первой пятилетки, с 1928 по 1933 год, являла собой наивысший расцвет конструктивизма и формализма на основе уже более широкой программы и несравненно боль-

Зрительный зал Дома культуры Кировского района (арх. Гегелло и Кричевский).

Фабрика-кухня и универмаг Кировского района (арх. Меерзон, Гильбер и Рубацки).

ших чем до этого времени масштабов строительства в стране.

Помимо более широкой тематики строительства различных сооружений в этот период во весь рост ставится проблема строительства новых соцгородков и социалистической реконструкции старых. В этой связи в 1928 году рождается новое архитектурное общество — АРУ (Ассоциация революционных урбанистов).

Возникает направление, ряд представителей которого усиленно и энергично пропагандирует идею сплошной и почти насильственной замены обычной жилой квартиры спальными и учебными «кабинетами» в так называемых «домах-коммунах» и домах «переходного типа» с большими общественными столовыми, с «террасами и комнатами шумного и тихого отдыха» и прочими перлами неукротимой «творческой» фантазии. Ярый представитель этой левачьей теории социалистического расселения Сабсович писал: «Размер жилых домов может быть определен на 2—3 тысячи человек. В таком доме не должно быть никаких индивидуальных кухонь, прачечных, в нем не должно быть квартир, не должно быть никаких комнат, общежитий, никаких семейных комнат. Каждый трудящийся в таком доме должен иметь отдельную небольшую комнату для сна и иногда, может быть, для отдыха. Никаких комнат для общего проживания в них

мужа и жены быть не должно (?). Времени для переходного периода у нас нет, история не отпустила нам времени для опытов, для продолжительного изучения... Поэтому мы должны к этому делу приступить сразу». И горе тому, кто пробовал было возразить против этого бреда или призвать фантазию Сабсовичей спуститься на землю: на такого «реакционера» со всей яростью обрушивались гнев и стрелы «прогрессистов». Если в Ленинграде мы не имеем ни одного сооружения, выстроенного по рецептам этого толка¹, то в Москве можно найти некоторые стопроцентные образцы этих «домов-коммун», в частности «дом-коммуна» для студентов, выстроенный по проекту архитектора Николаева, где спальные кабины в целях рационализации построены в два яруса наподобие железнодорожных вагонов.

В 1929 году из архитекторов, окончивших уже советские вузы, и студентов, оканчивающих таковые, создается новое архитектурное общество — так называемое ВОПА (Всесоюзное объединение пролетарских архитекторов), имевшее свой филиал и в Ленинграде. О воинственной «левизне» это-

¹ Хотя архитектурных конкурсов на эту тему было много, были и более конкретные попытки: выстроенный в настоящее время Дом бывших политкаторжан вначале предполагался как «дом-коммуна» и был с этим расчетом начат строительством, но затем был изменен.

го ленинградского филиала можно судить хотя бы по тому факту, что на жилищной конференции в Ленинграде в 1930 году представители этого общества упорно дрались за необходимость строить только «дома-коммуны», считая обычный жилой дом квартирного типа «пережитком мелкобуржуазного мещанства».

Это общество, противопоставив себя всем архитектурным направлениям и группировкам, повело с ними ожесточенную борьбу за пролетарские «принципы» в архитектуре, аналогично РАПП — в литературе, РАПХ — в живописи и т. п.

Архитектура Ленинграда за это время «обогатилась» целым рядом новых сооружений со всеми характерными особенностями конструктивизма. Были построены в основном такие большие жилищные массивы, как Батенинский, Щемиловский, Бабуринский, городок текстилей, Красная зоря и т. п.

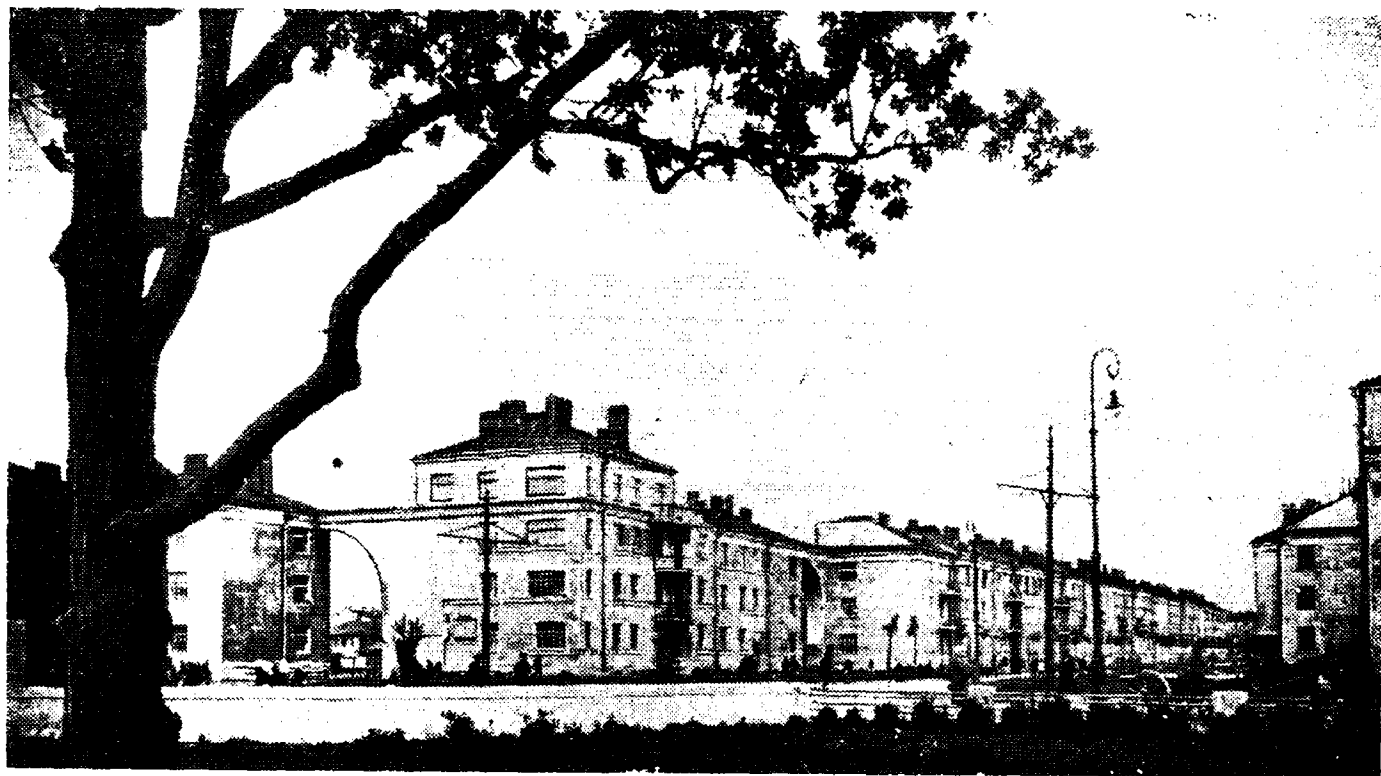
Все они отличаются тенденциозной оголенностью, ленточными окнами, безрадостными, унылыми фасадами, стандартизованными и упрощенными деталями и, наконец, хитроумными комбинациями из стеклянных, металлических и железобетонных цилиндров, конусов, параллелепипедов и т. д.

В таком характере были задуманы и осуществлены в Ленинграде, кроме жилых массивов и городков, ряд рай-

онных и заводских фабрик-кухонь (Василеостровская, Нарвская, Выборгская и др.), клубов (клуб кожевников, клуб им. Первой пятилетки и т. п.), бань (Ушаковская баня, баня в Лесном и т. п.), дом техникумы Кировского района и был начат строительством ряд районных домов советов, домов культуры и т. п., законченных уже в 1933—1934 годах. Правда, на фоне «архитектуры» дореволюционных окраин, на которых прежде всего развернулось все новое строительство Ленинграда, — на фоне окружающих хибарок и лачуг Нарвской заставы, Выборгской стороны и т. п. — все это новое строительство сравнительно выигрывало, отличаясь стройностью планировки, отсутствием маленьких грязных дворов, этажностью, гладью чисто оштукатуренных фасадов и т. п.; но с архитектурой общего облика всего города сравнение было явно невыгодно, в особенности когда с 1931—1932 годов новое строительство стало более решительно проникать в центры города, своей упрощенческой внешностью диссонируя с устоявшимися архитектурными монументальными ансамблями старого Петербурга.

4

1932 год явился годом резкого перелома в истории советской архитектуры в сторону отхода от упрощенчества и примитивизма прошлых лет в

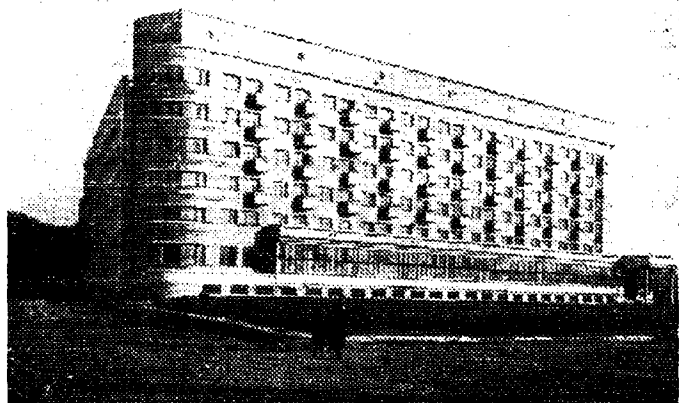
Жилые дома на Тракторной улице (Кировский район).

поисках более насыщенной и содержательной архитектуры эпохи социализма.

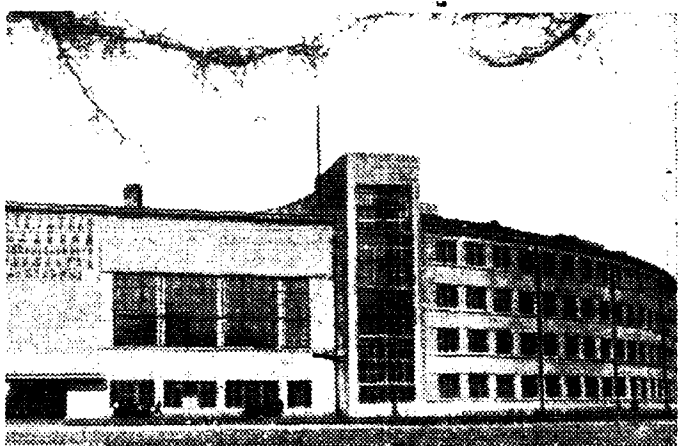
В постановлении правительственной комиссии от 28 февраля 1932 года в результате конкурса на Дворец советов, давшего 272 проекта, достаточно определенно было отмечено, что «...монументальность, простота, цельность и изящество архитектурного оформления Дворца советов, долженствующего отражать величие нашей социалистической стройки, не нашли своего законченного решения ни в одном из представленных проектов... Не предвешая определенного стиля, Совет строительства считает, что поиски должны быть направлены к использованию как новых, так и лучших приемов классической архитектуры, одновременно опираясь на достижения современной архитектурно-строительной техники»¹.

Последовавшее вскоре историческое решение ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года о консолидации всех творческих сил и групп на фронте искусства создало новую эру и направило архитектурную мысль нашей страны на рельсы новых творческих исканий уже на широкой базе богатого наследия всей мировой архитектуры. Опыт архитектуры Запада и Америки XX века и нашей советской архитектуры за 10—15 лет ее развития, естественно, не мог уже удовлетворять требований широкого размаха нашего экономического и культурного роста к началу второй пятилетки. Групповая разобщенность и борьба «пролетарских» художественных объединений против «непролетарских» создавали, как было указано в решении ЦК, опасность «превращения этих организаций из средства наибольшей мобилизации советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих соцстроительству».

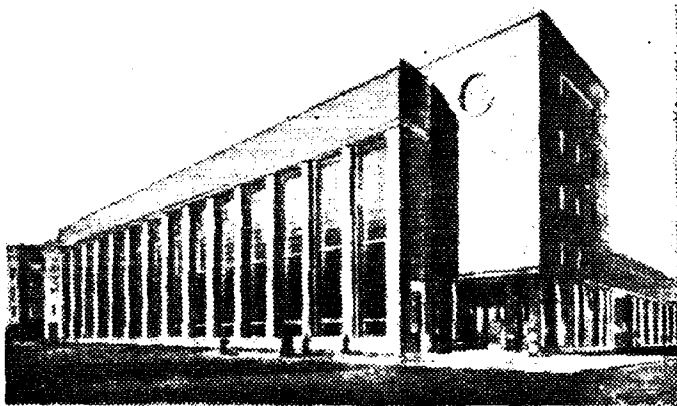
¹ Из участвовавших ленинградцев на этом конкурсе сравнительно успешно выступал архитектор Лангбард. Его проект — единственный из ленинградских — был удостоен премии.

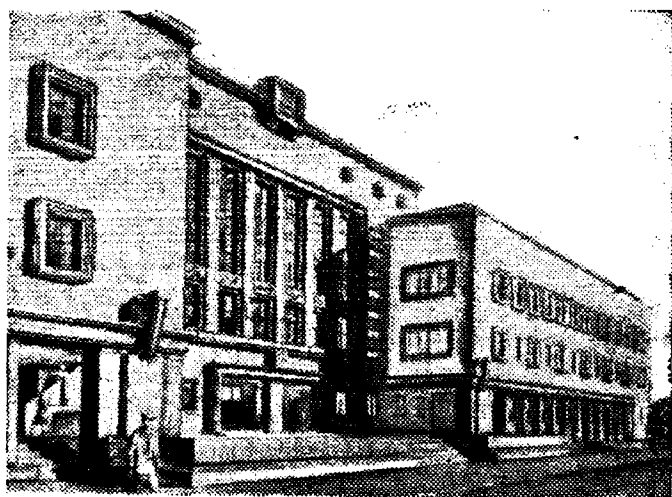
Дом бывших политкаторжан (арх. Спмонов и Абросимов).

Здание Академии железнодорожного транспорта на площади Революции (Петроградская сторона), законченное в 1933 г.

Проект здания типографии «Правда» на Херсонской улице (арх. Бурыйшкин).

Проект школы в Гавани (арх. Даугуль).

Таким образом, тот значительный поворот, который произошел к этому моменту среди художественно-технической интеллигенции старой школы, в сторону подлинного интереса к социальности в нашей стране, встретил со стороны партии и правительства живейший отклик, внимание и заботу о широком включении этих кадров в общий процесс нашего роста, об использовании на более широкой основе всех их знаний и мастерства. Но было бы грубой ошибкой рассматривать весь пройденный до этого путь как сплошную цепь досадных и случайных ошибок и на этом основании отрицать все его достижения.

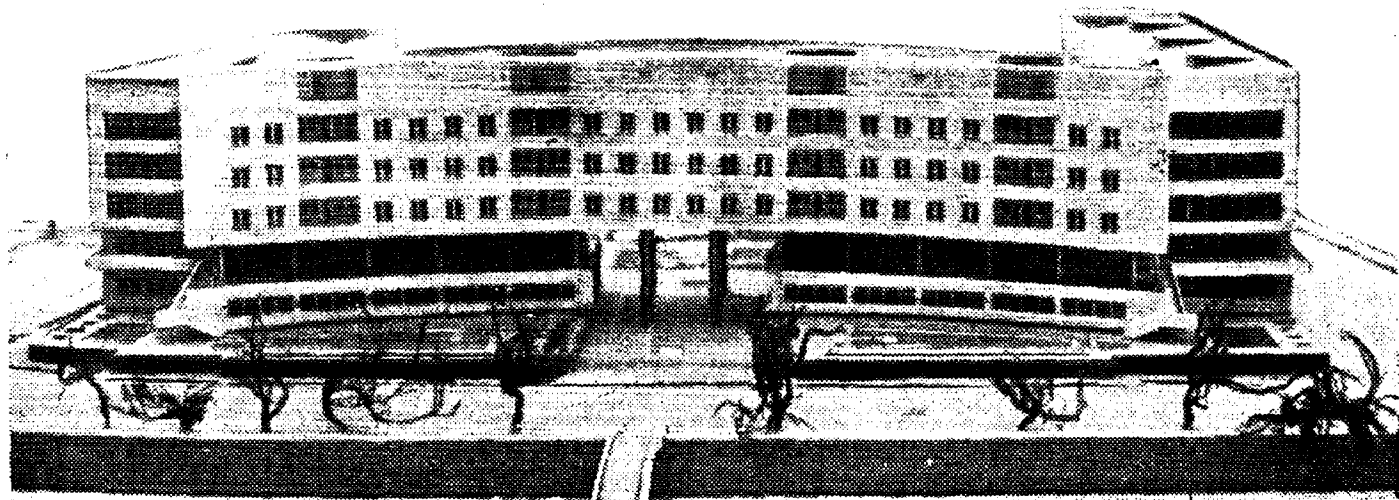
Нужно критически освоить достижения прошлых лет и продолжить работу по изысканиям новых форм, подчинив ее практическим задачам современного строительства. Знамя непримиримой борьбы всех советских архитектурных обществ против косности и эклектизма в практике нашей советской архитектуры должно быть нами также развернуто в нашей борьбе за архитектуру эпохи социализма.

Гениально простые и в то же время мудрые указания товарища Сталина о необходимости большего внимания, заботы и любви к человеку дали небывалую творческую зарядку всему архитектурному фронту нашей страны и, в частности, архитекторам Ленинграда. Его указания открыли перед советским архитектором новую эру борьбы за очеловеченную архитектуру эпохи социализма, которая — в отличие от архитектуры Египта, средневековой и даже нашей унылой, безрад-

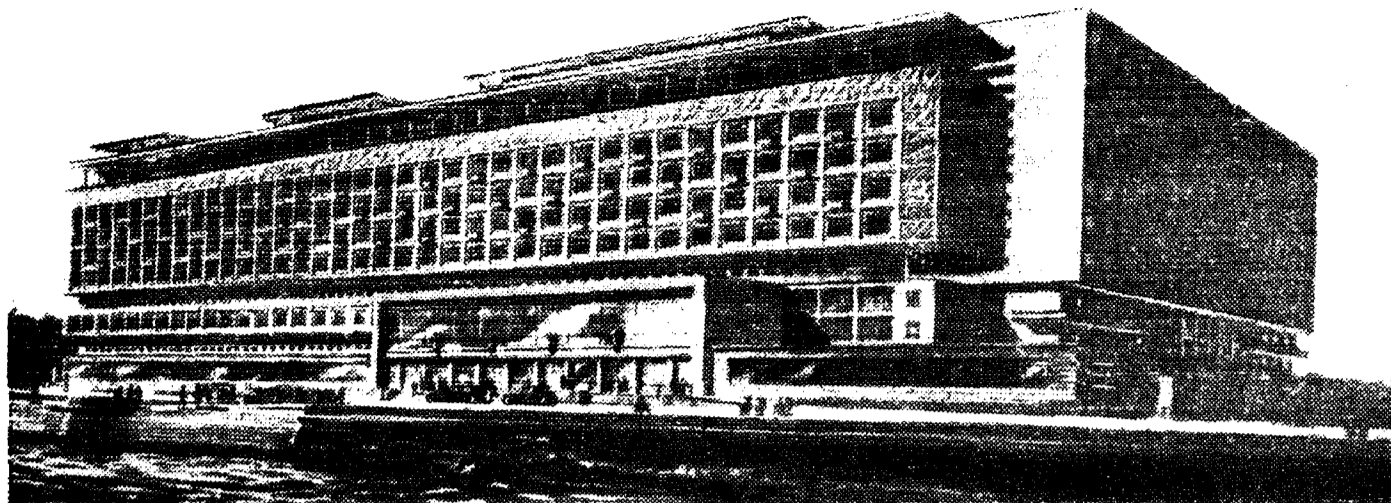
остной, коробчатой архитектуры недавнего прошлого — будет не подавлять, а возвышать человеческое достоинство, подымать чувства и настроения.

Что же характеризует творческую направленность ленинградских архитекторов за последние два—три года?

Наряду с максимальным стремлением отойти от упрощенчества и коробчатости ярко выражена тенденция к ансамблевым решениям. Наиболее показательными примерами этих решений в прошлом в Ленинграде являются образцы творчества Тома де-Томона (ансамбль фондовой биржи), Росси (ансамбль у Александровского театра и ансамбль Главного штаба) и т. п., которые не могут не заражать ленинградских мастеров. Решая задачу, архитектор уже заботится не только об архитектуре самого здания как такового, но и о том, как это здание сольется своей архитектурой с окружением, будет ли оно вместе с другими объектами окружения выполнять или создавать заново цельный архитектурный ансамбль; иными словами, архитектора заботит то, что раньше его мало волновало, когда стройная, однообразная застройка корпусами или отдельно поставленное здание резко диссонировало со всем «капиталистическим» окружением. Эту особенность мы можем видеть почти во всех проектах и строительстве жилищных массивов на окраинах и отдельных сооружений в центре Ленинграда за последние 2—3 года. Для примера можно указать на реконструкцию площади у Нарвских ворот, по проектам архитекторов Троцкого, Вalezича, Симонова и др., или цель-

Макет недавно выстроенного Дома советов на Петроградской стороне (арх. Левенсон и Фомин).

Проект гостиницы «Интуриста» (арх. Левенсон и Фомин).

ный ансамбль, осуществляемый в настоящее время архитектором Троцким, застраивающим новыми домами сразу четыре угла на Тверской улице, и т. д. и т. п.

По указанию тов. Кирова, за последние годы был взят решительный курс на застройку не только окраин города, но и его центра, на строительство не только так называемых «массивов» и «городков», а и отдельных сооружений в общей системе уже существующих уличных магистралей и площадей.

В своей яркой речи на пленуме ЛК ВКП(б) 26 марта 1934 года тов. Киров дал ряд руководящих указаний, положенных в основу всего современного строительства в Ленинграде.

«Бывает у нас кое-где так,— говорил тов. Киров,— построят полтора дома и обязательно назовут социалистическим комбинатом, соцгородком...

... Надо отказаться от мысли непременно строить массивы, гиганты. Пусть есть—надо строить дом. А то сейчас выстроят у нас массив, и если судить по карте, должны быть здесь газоны и фонтаны, но находится он в таком месте, что до него никак и не добраться»¹.

В работах ленинградских архитекторов за последние годы особенно ярко выражено стремление к монументальности и архитектурно-художественному богатству, к насыщенности в обработке фасадов и внутренней отделки, к широкому применению

скульптурных и живописных элементов и различных ценных материалов (гранит, мрамор, дуб и т. п.). За образцы в Ленинграде берутся часто строения таких мастеров XIX века, как Гваренги, Стасов, Воронихин, Тома де-Томон, Захаров, или же более поздних мастеров предвоенного Петербурга, как Бенуа, Белогруд, Дидваль и др. При этом бывает, что иногда заимствуется не только общий прием, но и механически копируются или несколько упрощаются отдельные формы и детали этих сооружений, подменяя тем самым метод критического освоения механическим заимствованием или упрощением отдельных деталей и форм отжившего прошлого.

Эти некоторые болезни роста, очевидно, неизбежны на определенной стадии развития архитектуры, и в процессе дальнейшего движения и борьбы они должны будут отмереть как нежизненные.

На закончившемся недавно Всесоюзном творческом совещании архитекторов в Ленинграде были решительно осуждены такие моменты, как ненужная тяжеловесность и гигантомания, механическое, бездумное заимствование образцов из классицизма и, наконец, дешовое неорганическое украшательство, что явилось также своего рода перегибом в результате творческого протеста архитекторов против безрадостного упрощенчества практики прошлых лет.

Но общее стремление к созданию более насыщенной, более выразитель-

¹ «Ленинградская правда» № 73 (5752) от 27 марта 1934 г.

ной и богатой архитектуры вполне соответствует тем задачам, которые выдвигает современность перед ленинградскими архитекторами.

Интересно, что те сооружения, которые были начаты строительством до 1933 года и которые были задуманы еще в сравнительно упрощенных и оголенных формах, в процессе их строительства претерпевают ряд значительных художественных изменений, добавок и исправлений. Так например Василеостровский дом культуры, Дом советов Кировского района, клуб завода им. Кирова, гостиница «Интурист» и т. д. значительно «обогатили» фасады уже в процессе строительства.

В заключение следует отметить, что утвердившаяся с 1934 года организационная форма архитектурных мастерских в Москве и в Ленинграде (как и в других крупнейших центрах нашего Союза), во главе которых поставлены виднейшие мастера, вполне оправдала себя и нуждается в дальнейшем развитии и укреплении.

Эта форма уничтожает обезличку мастера, царившую в прежних больших проектных организациях, создает значительный стимул для его творческого подъема и повышает его ответственность за проделанную работу. Под руководством мастера создается, таким образом, целая архитектурная школа, в которой повышают свою

квалификацию и свой творческий уровень средние и молодые архитекторы.

Сейчас мы насчитываем в Ленинграде 11 архитектурных мастерских, возглавляемых такими мастерами, как проф. Никольский, проф. Троцкий, проф. Юнгер, проф. Оль, архитекторы Гегелло и Кричевский, архитекторы Левенсон и Фомин, архитектор Бурыйкин, архитекторы Мунц и Лишневский и т. д.; однако этот перечень не охватывает еще всех мастеров, также достойных иметь свои мастерские, не говоря уже о неполном охвате этой системой рядовой массы архитекторов.

Ленинградские мастера играли и будут играть большую роль в истории советской архитектуры. Если такие сооружения, как Дворец советов СССР в Москве (соавторами которого приглашены ленинградцы — академик Щуко и проф. Гельфрейк), или такие работы ленинградских мастеров, как Дом Госпрома в Харькове (проф. Серафимов), Дом проектов в Харькове (проф. Дмитриев), строящийся сейчас Дом правительства в Баку (по проекту проф. Руднева), ряд крупнейших сооружений в Минске и в Сталинграде (арх. Лангбард) и т. п., известны многим, то страна должна знать и о той огромной работе, которую проводили и проводят все ленинградские архитекторы в борьбе за социалистическую реконструкцию великого города, который по праву носит всем дорогое имя—имя Ленина.

Новодеревенская набережная в Петроградском районе.

В. Суздальцева

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ АГИТАЦИЯ НА СЕВЕРЕ

СРЕДИ ОККУПАЦИОННЫХ ВОЙСК

Оккупация Мурманска англичанами в 1918 г., особенно обострив военно-политическое положение нашей страны, по-новому поставила вопрос о работе нашей партии на Севере.

Захват Мурманска войсками Антанты происходил постепенно, в течение февраля—мая 1918 года. Оккупация медленно «вползала» при соучастии и под прикрытием тогдашнего мурманского совета, изменническая политика руководителей которого получила полное одобрение Троцкого.

Работой мурманского совета руководил некто Юрьев, сотрудник издававшейся Троцким накануне 1917 г. в Нью-Йорке газеты «Новый мир». Он примкнул к большевикам, видимо, вместе с другими троцкистами в конце 1917 года.

Возглавляемая Юрьевым группа заявила о своей солидарности с антиленинской платформой «левых коммунистов», которые вели борьбу против Брестского мира, прикрываясь фразой о революционной войне против немецкого империализма¹.

¹ «Лево-коммунистическая» платформа руководства мурманского совета и троцкизм Юрьева установлены документально. См. М. С. Кедров «Без большевистского руководства». Изд. ленинградского Истпарта, 1930.

Эта группа пыталась восстановить фронт против немцев и, как это предсказывал Ленин, попала в ловушку союзнической интервенции. Мурманская группа «левых», как и ее московские идеологи, считала, что с заключением Брестского мира советская власть приобретает лишь «формальный характер» и поэтому более целесообразно пойти «на утрату советской власти»². Эта группа была единственной в истории группой «левых коммунистов», которой удалось на практике осуществить линию своих московских идеологов. В итоге эти люди, называвшие себя большевиками, превратились и неизбежно должны были превратиться в проводников интервенции, прикрывавших оккупацию Севера левой фразой.

Ленин и Сталин лично взялись за руководство всей военно-политической работой на Севере. Из разговоров по прямому проводу с председателем мурманского совета они выяснили положение, созданное на Севере троцкистскими авантюристами.

Товарищ Сталин с присущим ему пониманием стратегических маневров врага и острой революционной бдительностью так охарактеризовал это положение:

«Наличие своих войск в Мурманском районе и оказанную Мурману фактическую поддержку англичане могут использовать при дальнейшем осложнении международной конъюнктуры, как основание для оккупации»³.

Товарищ Сталин тут же конкретно указал мурманскому совету, как ему выпутаться из положения проводника интервенции, в которое он попал, став на путь левой фразы и троцкистского авантюризма. Мурманский совет и его председатель не выполнили этой директивы.

² См. выдержки из резолюции московского областного бюро «левых коммунистов» в статье Ленина «Странное и чудовищное». Т. XXII, стр. 297.

³ См. разговор Ленина и Сталина с председателем мурманского совета Юрьевым. «Правда» от 21 февраля 1935 года.

О том, в какой степени авантюризм «левых коммунистов» и попуститель-ство Троцкого объективно выполняли задание махровой контрреволюции, говорит заметка, помещенная в па-рижской газете «Ле журнал» от 13 июня 1918 г. под заглавием «Русские просят о вмешательстве союзников».

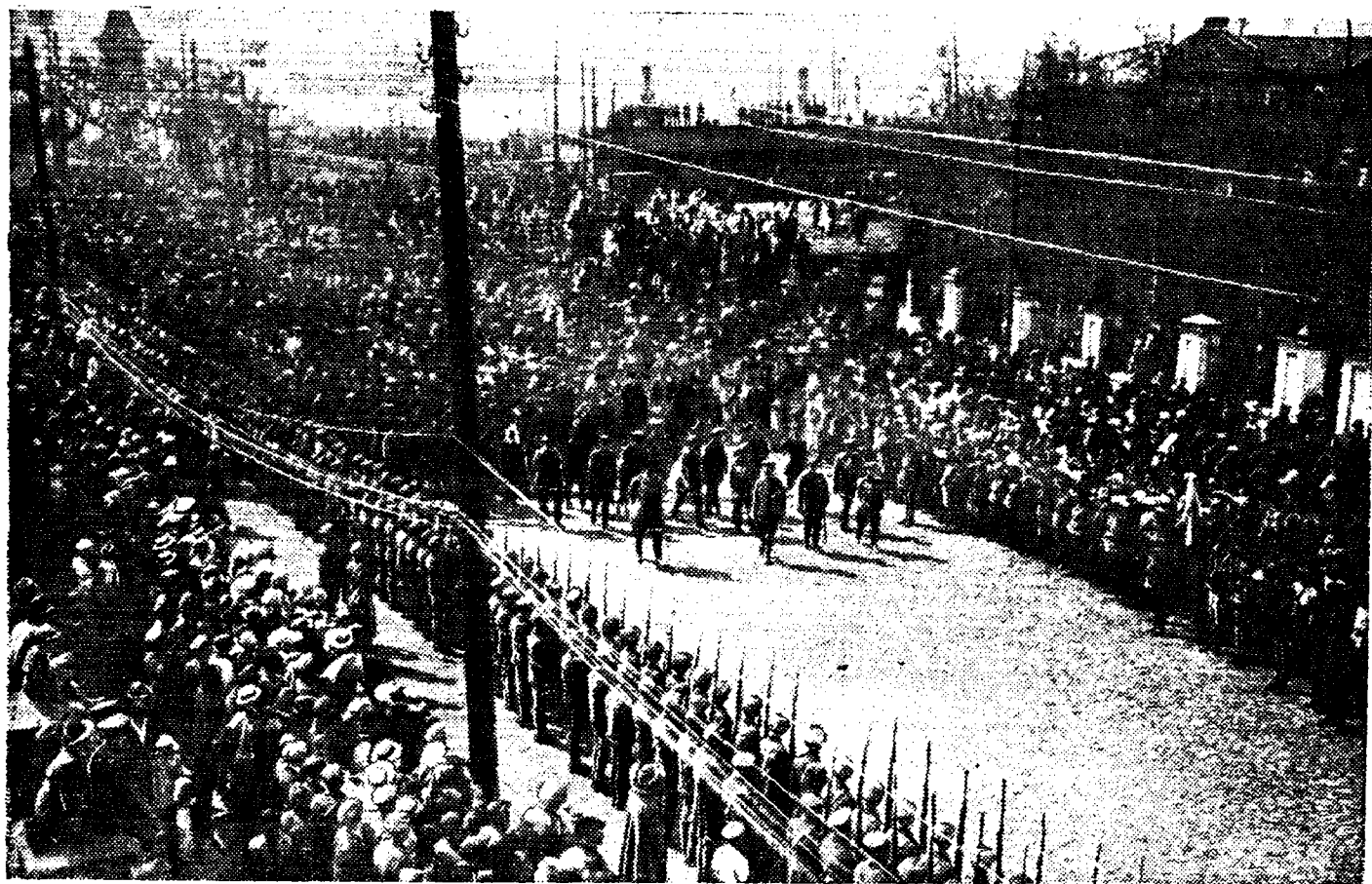
«Сегодня комитет «лиги русских, верных родине и союзникам», прислал нам текст записки, которая будет вручена французскому правительству. Немедленное вмешательство держав согласия объявляется в ней необходи-мым для борьбы с германским засиль-ем. «Вмешательства союзников нель-зя откладывать, — гласит записка, — дорог каждый день, неприятель мето-дически продвигается по трем главным путям, которыми союзники могли бы пойти на помощь России. Эти три пу-ти: Мурманское побережье, Сибирская дорога и, наконец, Кавказ, через ко-торый неприятель угрожает Азии». Авторы записки уверяют, что союзнические армии нашли бы в России элемен-ты, охотно готовые сгруп-пироваться вокруг них. На-конец, они требуют, чтобы вмеша-тельству предшествовала декларация союзников о неприкосновенности рус-

ской территории. Записка подписана Ефремовым, бывшим послом в Париже Извольским, бывшим представителем России в Бельгии Нелидовым, генера-лом Лохвицким, бывшим губернатором Финляндии Стаховичем; бывший по-сланник Неклюдов и полковник Дю-миметьер составляют бюро комитета «лиги» вместе со многими русскими лицами: генералом Николаевым и Сви-дерским, графом Игнатьевым, Рафало-вичем и др.».

На удочку этого контрреволюцион-ного обмана англо-французское ко-мандование и ловило своих солдат, утверждая, что русские и даже боль-шевики сами просят о помощи против немцев, что немцы их душат и союз-нические войска идут защищать рус-скую революцию.

Проникая в широкие массы местных рабочих и крестьян, этот контррево-люционный обман, который поддержи-вался меньшевиками, эсерами и «ле-выми коммунистами», был главным препятствием мобилизации масс на борьбу против интервентов.

Перед большевиками Севера стояла задача — раскрыть перед трудящими-ся массами этот обман, показать истинную роль «левых коммунистов» как пособников интервенции. В то же

Вступление английских войск в Архангельск. 1918 г.

время надо было разоблачить также буржуазию Запада и ее агентов, подерживавших этот обман среди иностранных солдат. Необходимо было разъяснить последним действительное положение в нашей стране, показать, что иностранное командование использует контрреволюционную болтовню меньшевиков, эсеров и «левых коммунистов» в интересах удушения пролетарской революции. Надо было показать, что «левые коммунисты» обманывают иностранных солдат, утверждая, что выражают интересы рабочих и крестьян советской России, будто бы желающих продолжения войны с Германией.

2

Уже с самого начала создания северовосточного фронта наша агитационная работа как среди рабочих, крестьян и красноармейцев, так и по ту сторону фронта (среди местного населения и неприятельских солдат) занимала большое место в подготовке организации победы пролетариата в гражданской войне на Севере. Оргмоб (политотдел) северовосточного фронта вел и все время расширял работу на территории бывших Архангельской, Вологодской, Северодвинской, Олонецкой, Череповецкой и, частично, Вятской губерний. Одновременно им нащупывались формы партийно-политической работы в условиях боевой обстановки на фронте и в тылу противника. Мы тогда еще не имели готовых образцов политотдельской работы. Образцы эти создавались и складывались в систему под огнем белоинтервентов и в процессе напряженной борьбы с соглашательскими и «левацкими» элементами в нашей, советской среде.

В этой работе нами руководили и помогали своим опытом такие организаторы нашей партии, как секретарь ЦК РКП(б) Я. М. Свердлов и председатель северного областного комитета РКП(б) в Петрограде тов. Е. Д. Стасова.

Оргмобом на каждый важный участок фронта были направлены опытные большевики, знающие иностранные языки, чтобы развернуть устную агитацию среди английских и фран-

Товарищ Е. Стасова.

цузских солдат. Кроме того сотни тысяч листовок, открывающих глаза рабочим и крестьянам Запада, распространялись в армиях интервентов. Приведенная ниже телеграмма Оргмоба одному из его уполномоченных по железнодорожной линии свидетельствует о том, какой размах имела агитационная работа уже осенью 1918 года:

«Няндомма.

Петрограде будут издавать англо-французские ежедневные газеты для Мурманского Архангельского района точка Организуйте пожалуйста регулярное распространение этих газет а также литературы для населения в районе неприятельского расположения посредством гидропланов в направлении Архангельска Онеги Двины точка Для этой цели высылаем ваше распоряжение гидроплан и все необходимое точка Отвечайте и укажите предполагаемую базу для гидроплана в какой пункт его направить точка База должна удовлетворять следующим условиям во-первых вне линии неприятельского огня во-вторых возможно ближе к неприятельскому расположению в-третьих длина озера или широкой части реки избранной для базы должна

быть не менее одной четверти версты четвертое возле железной дороги точка».

Кроме гидропланов и аэропланов мы использовали и десятки других способов для распространения большевистской литературы по ту сторону фронта. Пользовались услугами местного населения, специальных посыльных и лазутчиков, разведывательными отрядами и разведчиками, которые, проникнув на занятую неприятелем территорию, расклеивали прокламации на деревьях и оставляли их всюду, где они могли попасть в руки иностранных солдат. Местное население нам охотно помогало в этом.

Когда наши красноармейские части вынуждены были, отступая, покидать ту или иную деревню, во всех жилых и нежилых помещениях запрятывалась литература для неприятельских войск. Отступающие красные отряды расклеивали листовки на деревьях, оставляли их на дорогах и тропинках.

При наступлении каждый красноармеец нес в своей сумке или просто за пазухой 1—2 газеты для населения и несколько листовок для белоинтервентских солдат. Красная армия воевала не только с оружием в руках.

Мы изучали настроение солдат противника, выявляли наиболее остро волновавшие их вопросы как политической жизни, так и военного быта. Сообщали об этом в центры, снабжавшие нас газетами и другой литературой на иностранных языках. Вот один из наших запросов, посланных с передовых позиций Северной Двины:

«7 февраля, Москва, Коминдел, Совпроп. Рейнштейну.

Желательно перевести для англо-французов обращение товарища Ленина всемирному пролетариату выпустить плакаты современном международном положении запятая желательны иллюстрированные плакаты и карикатуры вскрыйте листовках обман начальников обещающих весной навигацией отправить солдат родину укажите революционные способы вернуться Англию Америку точка Нужны товарищи могущие заниматься пропагандой передовых позициях точка НР 7 Суздальцева».

Маленькая народность коми, трети-

ровавшаяся русскими империалистами и колонизаторами, дала тысячи прекрасных бойцов и разведчиков-лыжников. Выступая под руководством пролетариата России во главе с Лениным и Сталиным, эта маленькая народность сыграла далеко не маленькую роль в организации не только военного отпора империалистам, но и в организации идейно-политической победы нашей партии в глубоком тылу противника.

Наши лыжники-коми в белых халатах в своих родных снегах Севера были неуловимы для противника. Они были прекрасными разведчиками и могли заносить литературу всюду, где она наверняка могла попасть к солдатам иностранных армий.

Распространение агитационной литературы людьми по населенным пунктам, в местах расположения противника, было гораздо эффективнее, чем даже массовое разбрасывание ее с аэропланов. В этом случае литература попадала к солдатам, не замеченная офицерами, и прочитать ее успевало гораздо большее количество людей.

Следует отметить также огромную работу, которую вели женщины Севера среди иностранных солдат, и помощь, оказанную ими Красной армии.

Кулаки и подкулачники в деревнях, занятых белыми, доносили последним на крестьян, не только действительно сочувствовавших красным, но даже и на «нейтральных», обвиняя их в том, что они на стороне красных. Крестьянам приходилось спасаться от преследований в майданах (лесные сторожевые избенки обычно на смолокурных участках), в местах, где собирались партизаны. Постепенно они и сами приобщались к партизанскому движению. Здесь часто создавались ячейки коммунистов или сочувствующих, которые вели большую работу в тылу противника. Едой партизан снабжали жены, они же сообщали о действиях и намерениях белых. Это была замечательная разведочная помощь красным. От коммунистических ячеек и партизан женщины получали наставления, как держаться с иностранными солдатами. Часто получали здесь же и литературу. Пробираясь обратно, в де-

ревни, эти крестьянки приносили с собой в среду иностранных солдат листовки и по-своему вели большевистскую пропаганду.

Женщины Севера даже в то время были очень активны и самостоятельны. В них было меньше рабей заботы, свойственной крестьянкам тех мест, где в прошлом господствовало крепостное право. Нередко женщины сами посылали своих мужей партизанить. Иные из них дрались рядом с мужчинами в партизанских отрядах.

На Пинеге почти исключительно женщины в течение нескольких месяцев снабжали красноармейцев-добровольцев продовольствием. Тов. Щенников ушел из Вологды (центр, где было командование сначала Северовосточного фронта, а затем 6-й армии) на Пинегу почти с пустыми руками. Там у него выросла 2-тысячная армия из бедняков- и середняков-добровольцев. Из-за болот, озер и тайги он долго не мог связаться со штабом армии, чтобы получить продовольствие и снаряжение. И женщины зимой — по снегу на лыжах, а летом — по болотам на самодельных плотках пробирались на линию огня и, преодолевая большие трудности, снабжали красные отряды самым необходимым. Когда же была установлена связь с главными частями армии, они стали из отрядов приносить в свои деревни агитационную литературу. Часть ее была на иностранных языках и предназначалась для иностранных солдат.

Листовки, в распространении которых участвовала вся масса трудящегося населения Севера, несли обманутым солдатам интервенционистской армии слова Ленина об истинных причинах, во имя которых десятки миллионов людей убиваются и калечатся: «из-за того, английскому или германскому разбойнику придется больше добычи, английские или германские палачи окажутся первыми из душителей слабых народов всего мира»¹; о том, что теперешняя война, которая ведется империалистами против республики трудящихся, самая преступная из всех войн.

Листовки несли обращение ЦК пар-

тии, ее местных органов к населению оккупированных районов. В прокламации архангельских коммунистов «Ко всем мобилизуемым» говорилось:

«Идет гражданская война, льется кровь. С одной стороны в этой борьбе — наши братья рабочие и крестьяне советской России, геройски отстаивающие свою и вашу свободу и независимость, с другой — собравшиеся со всех углов России капиталисты, остат-

Товарищ В. Суздальцева, секретарь архангельского к-та РКП(б), начальник организационной и агитационной секции политотдела Северовосточного фронта и политотдела 6-й армии. 1919 год.

ки царского чиновничества и офицерства, опирающиеся на штыки международного капитала, объявившие беспощадную борьбу рабочим и крестьянам...

И вот снова мобилизация. Сотни нас, призванных, будут оторваны от мирного труда... брошены в братоубийственную войну, в которой мы будем гибнуть во славу международного капитала».

Через листовки население советских районов Севера призывало иностранных солдат сбросить иго своих капиталистов и отказаться от войны против своих братьев — рабочих и крестьян России:

¹ Ленин. Т. XXIII, стр. 189.

«Мы обращаемся к вам, товарищи рабочие Англии, Франции и Америки, и через трупы наших товарищей красноармейцев, через горе и слезы стариков и детей протягиваем вам свою братскую руку и заявляем, что мы вам не враги! Наш враг—капитал!»—пишут крестьяне Пуйской волости.

Обманутые своими правительствами, солдаты армии интервентов начинали осознавать, какую роль им пытались навязать по отношению к первой в мире пролетарской стране. И такую, распропагандированную большевиками армию Англии становилось все труднее посылать в бой против красных частей.

3

Помимо той работы, которую вели политотдельские организации 6-й армии в прифронтовой полосе и в белоинтервентских частях, аналогичную работу вела и наша подпольная партийная организация Архангельска.

В одной из своих прокламаций к мобилизованным в белую армию русским архангельские коммунисты пишут: «Союзные войска уже колеблются: они начинают понимать подлость и обман их правительств, заставляющих их воевать на стороне угнетателей против угнетенных — своих же братьев крестьян и рабочих».

Усиливается работа и в других организациях и ячейках Архангельской губернии, оправившихся после разгрома при наступлении англичан в августе 1918 года.

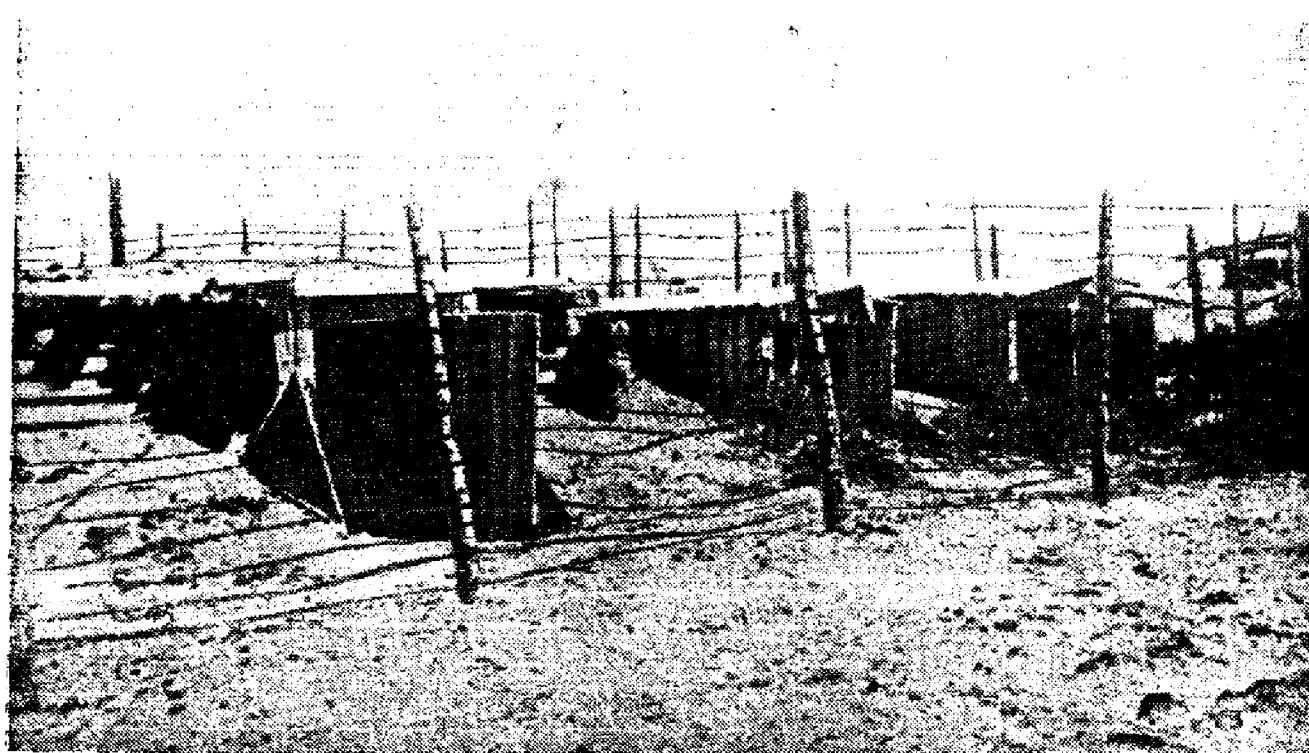
С осени 1918 г. политотдел 6-й армии держит связь с архангельским подпольем.

В ноябре 1918 г. ЦК РКП(б) создал организационное бюро по созыву архангельской губпартконференции в составе тт. Тимме, Суздальцевой и Ст. Попова. Эта тройка работала как бюро архангельского губкома до июня 1919 г., до губернской конференции, на которой был сконструирован выборный губком.

С переездом бюро архангельского губкома и губисполкома на территорию Архангельской губернии (в марте 1919 г.) начали устанавливаться связи не только с подпольем Архангельска, но и с партийными организациями других пунктов губернии.

В мае губком принял решение о постоянной и планомерной работе по агитации и пропаганде в прифронтовой полосе.

На все важнейшие участки фронта губком направляет по крепкому, проверенному большевику, знающему местные условия. Эти товарищи работали в тесном контакте с военным командованием, набирая себе по десятку

Кардеры в концентрационном лагере английских оккупантов на Северном фронте.

Расстрел коммуниста английскими оккупантами (Северный фронт).

и больше помощников из местных людей. Те, в свою очередь, завязывали связи с наиболее надежными рабочими и крестьянами почти всех населенных пунктов прифронтовой полосы, занятых белыми. Сотни преданных революции людей из самой гущи трудового населения вели подпольную работу, пропагандируя среди белоинтервентских солдат если не живым словом, то большевистской газетой и листовкой. Так велась работа более чем на сто верст вглубь, по ту сторону фронта.

«13 июня (1919 г. — В. С.) в район Осипово — Устьяваенга отправились четыре человека с полным грузом литературы. Кроме распространения литературы каждому из них было поручено во что бы то ни стало найти не меньше чем по одному вполне надежному человеку... как из числа мобилизованных, так и из крестьян, через которых распространять литературу, вести агитацию и пропаганду...

14 июня отправлена с такими же заданиями вторая группа в 4 человека по левому берегу (в Шушегу, Чамово и Наволок), третья группа в 4 человека — по правому берегу (Северная Двина. — В. С.), в район Кургоменья, Ростовской и Кашугоры».

Так пишет в своих воспоминаниях тов. Гагарин. Тов. Гагарин приводит выдержки из сообщений своих помощников: «Сегодня вернулась тройка правого берега... всю литературу превосходно распространили...»¹.

«Левых трех нет, опасаясь за судьбу их. Настроение крестьян неопределенное. Мобилизованные (белыми) — наши. Вновь мобилизованные 4 июля, тридцати пяти лет, — буквально наши». «Вечером вернулась левая тройка, завязана связь Важским фронтом... Литература ушла Архангельск превосходно. Седьмого июля было восстание Троице одной роты, но неорганизованно, успеха нет. Сто сорок семь человек перешли к нам. Наши наступают».

Особенно сильный огонь большевистской агитации и пропаганды был направлен на крестьян, мобилизован-

¹ Тов. Гагарин был тогда членом архангельского губисполкома. Получив задание архангельского губкома РКП(б) наладить работу по агитации и пропаганде по ту сторону фронта — Нижней Двине и Пинеге, он связался с политотделением 64-й дивизии Красной армии и совместно с ним проводил эту работу. Воспоминания опубликованы в сборнике архангельского Истпарта «Октябрьская революция и гражданская война на Севере». Вып. I, 1933 г.

ных белыми. Восстания в частях белоинтервентских армий становятся бытовым явлением. Части иностранных войск, присылаемые для усмирения, часто становятся на сторону восставших.

«...Конец августа и начало сентября (1919 г. — В. С.) были самым разгаром нашей работы... Результаты долго ждать не заставили. Наше командование решило идти в наступление... Это наступление дало для всего фронта очень много и, в первую очередь благодаря нашему продвижению на 150 верст, подняло большевистское настроение среди бедняцко-средняцкой части крестьянства и среди солдат белых. Организация в тылу из рядов противника небольшого отряда, хотя и в 65 человек, содействовала захвату такого укрепленного пункта, как Кургомень, без жертв. ...В своей работе мы капля за каплей долбили по 3-му и 4-му интервенционистским полкам, где порядочное число наших и сочувствующих нам товарищей вело интенсивную работу по подрыву бело-английского тыла и разложению армии интервентов, что облегчило нашу победу»¹.

Капля за каплей подтачивали твердыни интервенции наши большевики так же и на других направлениях фронта. Товарищи, знавшие иностранные языки, писали письма в те части, которые расположены были вблизи от них, беседовали с военнопленными иностранцами и после нескольких таких бесед-собраний этих военнопленных отпускали обратно. Резолюции рабочих собраний Англии, Франции и др., требовавшие возвращения на родину войск из Архангельска, через газеты и листовки на иностранных языках быстро доводились нами до сведения иностранных воинских соединений и подымали встречную волну требований.

4

В июле 1919 г. в Англии была объявлена «забастовка горнорабочих под лозунгом отмены обязательной воинской повинности и невмешательства в русские дела. 200 000 текстильщиков в Лидсе бастовали 2 недели под тем

¹ Воспоминания Гагарина.

же лозунгом. Ввиду забастовки горнорабочих пассажирское и товарное движение в Англии сократилось на 20%. В Вигане 3000 шахтеров принудили закрыть шахты. Шесть угольных шахт они затопили. Ливерпуль—центр горного дела—превращен в мертвый город»².

Бастовали не только рабочие, но и обычно реакционные группы наемных служащих. 4 августа в Лондоне забастовали полисмены. Из 1075 стачечников 7 августа вернулось на службу только 15.

«Копенгаген, 5 сентября.

Из Лондона телеграфируют в Гаагу: английское правительство предполагает в ближайшее время отправить в Ирландию 15—20 тыс. солдат, на которых будет возложена обязанность подавления беспорядков».

«Беспорядками» охвачена и английская армия на Севере. В «Berliner Tidende» от 21/VIII сообщается, что в Англии идет набор добровольцев среди демобилизованных для отправки в Северную Россию взамен снимаемых оттуда регулярных войск»³.

И хотя к этому же времени газеты сообщают, что в Англии 400 000 безработных, вербовка все же идет безуспешно. А возмущение рабочих нарастает. Правительство Англии сначала «секретно» начинает готовить эвакуацию своих войск из Архангельска. Оно посылает своих представителей на Север России якобы для обследования положения, а на самом деле для подготовки эвакуации на месте. Газеты сообщают о том, что «в течение августа Англия подготовила 1200 русских офицеров для замены английских офицеров в русских белых войсках». Английское правительство торопится предупредить разложение хотя бы среди офицеров.

Из Лондона газеты от 12 сентября сообщают, что в Англии вновь забастовало 2300 полицейских, из них 1133 — в Лондоне и 932 — в Ливерпуле.

Продолжается забастовка и иоркширских углекопов. Она охватывает

² «Правда» от 1 августа 1919 года.

³ «Правда» № 186 от 23 августа 1919 года.

до 40 000 людей, принося ежедневно убытку 180—200 тыс. ф. ст.

Лондонская пресса торопится успокоить общественное мнение сообщением от 26 сентября, что «английские войска в числе 2300 человек прибыли из Архангельска в Лейт. Они состоят из частей ливерпульских и иоркширских углекопов и ткачей. Тех самых ткачей и горняков, отцы, матери и братья которых еще в феврале бастовали после разоблачительных писем своих сыновей с фронта и требовали возвращения войск с севера России.

Политическая стачка в Ливерпуле, Манчестере и Глазго в феврале 1919 г. охватила около миллиона человек.

В официальных сообщениях интервенты пытались дипломатическими фразами замаскировать свой провал на советском Севере, подготовленный нашей агитационно-пропагандистской работой в иностранных войсках.

«3/IX английский поверенный в делах Финляндии говорил агентам печати: вооруженное восстание против советской власти встречает сейчас противодействие, а армия утомлена. По этим двум соображениям Англия вынуждена была прекратить все военные операции в Северной России. Отправка на родину находящихся на Мурмане английских войск уже началась, и отправление всех оставшихся — только вопрос времени».

В этот же день из Архангельска в Лондон получено уже сообщение, что британские и другие посольства и консульства выехали в Англию на пароходе, увезшем контингент регулярных британских войск. А все остальные британские войска будут выведены до замерзания гаваней. Но замолчать свое бегство перед рабочим классом английское правительство все же не может и вынуждено сообщить в газетах от 19 сентября: «Уход английских войск состоится из Архангельска так скоро, как это возможно по военным обстоятельствам... В Архангельске находится масса войск в ожидании отплытия, но не хватает пароходов»¹.

¹ «Правда» от 6/IX, 28/IX за 1919 год.

Как бы империалисты ни маскировали свое отступление, рабочий класс понимал, что это победа Октябрьской социалистической революции, достигнутая при поддержке рабочих других стран.

Владимир Ильич, оценивая значение северной кампании, говорил в одной из своих речей: «На северном фронте, где наступление на Мурманск обещало неприятелю особенно большие выгоды, где давно уже были собраны англичанами громадные и великолепно вооруженные силы, где нам, при отсутствии продовольствия и снаряжения, было невероятно трудно бороться,—тем, казалось бы, у империалистов Англии и Франции должны были быть блестящие перспективы. И как раз там оказалось, что все наступление неприятеля рухнуло окончательно. Англичанам пришлось вывезти назад свои войска, и мы теперь видим полное подтверждение того, что английские рабочие войны с Россией не хотят и что даже теперь, когда в Англии далеко еще нет революционной борьбы, они способны оказывать такое влияние на свое правительство хищников и грабителей, что заставляют его убрать войска из России. Этот фронт, который был особенно опасным, потому что неприятель находился там в наиболее выгодных условиях, имея морскую дорогу, они вынуждены были сдать. Там остаются ничтожные силы русских белогвардейцев, которые не имеют почти никакого значения»².

Наряду с героическим военным отпором со стороны Красной армии, в труднейших условиях Севера выдержавшей более чем годичный натиск в десятки раз более сильного технически и превосходившего нас своей численностью противника, очистке Севера от белоинтервентов способствовала успешная политико-разъяснительная работа среди рабочих Запада.

² Ленин. Т. XXIV, стр. 495. (Разрядка наша. — В. С.).

КАК ГЕНРИХ IV ПОШЕЛ В КАНОССУ

(ИЗ БОРЬБЫ ПАП
С ИМПЕРАТОРАМИ)

Перед стенами Каноссы

Холодный январский день 1077 года. Снег, слякоть.

Перед внутренней стеной замка в Каноссе стоит молодой человек лет 26—27. Босой, с непокрытой головой, во власянице, — это, очевидно, кающийся грешник, осужденный своим духовным отцом на покаяние. Но почему так переглядываются и шушукуются прохожие? Почему с таким интересом поглядывают на него из узкого оконца башни то сам грозный папа Григорий VII, то его верная подруга, смелая и воинственная тосканская графиня Матильда, владелица замка?

Кающийся грешник — не обычная жертва церкви. Это могучий германский король Генрих IV, властитель обширной Священной римской империи, непослушный сын церкви. Проклятие папы изгнало его из Германии, лишило его всех союзников, воодушевило его врагов — германских князей.

Теперь он стоит перед стенами каносского замка и ждет милости бывшего монаха Гильдебранда, ныне папы Григория VII.

Смутился папа, узнав, что германский король, его лютей враг, перебрал через Альпы и находится в Италии. Еще более обеспокоило папу известие, что итальянские князья и епископы, враждебные ему, встретили Генриха торжественно и снабдили его могущественной армией. На всякий

случай папа укрылся за крепкими стенами каносского замка. Но король не думал на него нападать. Отлученный от церкви папой 22 февраля 1076 г., имея перед собой могущественную коалицию немецких князей, заявивших, что пока он не снимет с себя церковного проклятия, они свободны от всяких обязанностей по отношению к нему, Генрих вынужден был, стиснув зубы, смириться.

В исключительно холодную зиму он с женой и ребенком, без свиты и без всяких почестей, отправился в Италию умолять папу о снятии страшного церковного проклятия. Проходы через Альпы были заняты врагами. Король ехал через Бургундию. Теща Аделаида со своим сыном Амедеем встретили его очень любезно, но... за пропуск через их владения урвали у него пять итальянских епископств...

Генрих на все соглашается. Ему нельзя терять ни одного дня. Он спешит. Скорее, скорее!

Через Альпы, сквозь бури, снег, лед пробился король в Италию. И вот он стоит униженный, поверженный в грязь, и его позором любят все, начиная с торжествующего Григория (а ведь всего несколько месяцев назад Генрих называл его во всех своих посланиях «лжемонахом Гильдебрандом») и кончая последним слугой.

28 января 1077 г., после трехдневного поста и унижения, Генрих, наконец, предстает перед папой. После долгих упреков и оскорблений по адресу короля Григорий соглашается снять с него отлучение с тем, чтобы все спорные вопросы были разрешены потом. На торжественной литургии (богослужении) Генриху приходится вынести еще одно испытание. Перед толпой папа заявляет, что он готов в ответ на обвинения, выдвинутые Генрихом, о том, что он купил папский престол, подвергнуться «божьему суду». Он вкусит из чаши «тело госпожы», и, если он виновен, пусть рука божья на месте поразит его внезапной смертью. Испытание проходит для папы, конечно, совершенно безвредно. Это производит большое впечатление на суеверную толпу. Тогда папа пред-

лагают Генриху проделать то же и обещают, что если тот выдержит «божье испытание», он признает его совершенно невиновным и окажет ему в дальнейшем полнейшую поддержку. Смущенный король, по словам летописи, «начал колебаться, отговариваться» и отказался от испытания. Отказ Генриха можно объяснить и его суеверием и боязнью отравы. Нравы «святого престола» это вполне допускали.

Церковь и империя в XI веке

Чтобы понять драматический эпизод, разыгравшийся в Каноссе в январе 1077 г., необходимо ознакомиться с местом римской церкви в общей системе феодализма в XI веке.

В руках господствующего класса — феодалов — церковь в средние века была могущественным орудием угнетения трудящихся, орудием беспрепятственного выкачивания прибавочного продукта. Церковь сосредоточила в своих руках колоссальные земельные богатства и выросла в крупнейшую экономическую и политическую силу.

В предисловии к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» Энгельс характеризует роль римско-католической церкви в средние века следующим образом: «Великим интернациональным центром феодальной системы была римско-католическая церковь. Несмотря на все внутренние войны, она объединяла всю феодальную Западную Европу в одно огромное политическое целое, которое находилось в противоречии одинаково с греко-православным и с магометанским миром. Она окружила феодальный строй священным сиянием божественной благодати. Свою собственную иерархию она установила по феодальному образцу, и в конце концов она была самым крупным феодальным владельцем, потому что ей принадлежало не менее третьей части всего католического землевладения. Прежде чем выступить на борьбу со светским феодализмом в каждой стране и с каждым в отдельности, необходимо было разрушить эту его центральную освященную организацию»¹.

¹ Фр. Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 283. Партиздат. 1934.

Генрих IV на троне. С миниатюры из «Экхардовой хроники». 1113 г. Руконись хранится в Кембридже.

Архиепископ, епископ или аббат XI в. очень мало отличались от своих светских соседей — герцогов и графов.

Воинственные нападения на соседей, участие в войнах наравне со светскими феодалами, пьянство, кутежи, разврат, почти поголовное невежество характеризовали духовенство того времени.

Около середины XI в. основная масса германского духовенства превратилась в королевских чиновников. Весь центральный государственный аппарат почти целиком состоял из духовенства. Короли приближали к себе епископов, на которых можно было опираться в борьбе с мятежными феодалами. Епископства и аббатства раздавались королем.

Это право короля назначать на духовные должности носило название инвеституры. При назначении епископы получали от короля посох, кольцо и скипетр.

Инвеститура являлась источником больших доходов для короля, прежде всего потому, что процветала продажа духовных должностей, так называемая симония.

Помимо этого практиковался следующий прием: имея возможность распорядиться епископской кафедрой, король оставлял ее незамещенной в течение продолжительного времени и в продолжении всего этого периода доходы с епископства шли в пользу самого короля. После смерти духовного лица король часто наследовал его движимое имущество, так как это последнее имело источником доходы с церковного владения.

Кроме того в пределах церковных земель в противоположность владениям светских феодалов производилось прямое государственное обложение всего населения, как сельского, так и городского.

Король распорядился в епископствах как в своих владениях.

Каково было положение римского папства к тому времени?

Еще с первых веков христианства римский епископ занимал видное положение благодаря тому, что Рим был экономическим и культурным центром всей империи. С распадом римской империи, с ослаблением связей между Римом и Восточной империей римский епископ, или «папа» (от греческого слова «*parras*» — отец), приобретал все большее влияние и в самом Риме и в Италии.

Накопив громадные земельные богатства в разных концах Италии, римский папа стал скоро крупнейшим феодалом.

Уже при папе Григории I (590—604) папство расширило свое влияние за пределы Италии и взяло под свое покровительство ряд епископов в других странах. Экономическое могущество пап все более возрастало. Тем не менее, папы находились в строгой зависимости от светской власти.

Стремясь освободиться от опеки византийского императора, с одной стороны, и лангобардов (германского племени, завоевавшего в VI—VII в. Италию), с другой стороны, папа Стефан II обратился за помощью к франкскому королю Пипину, и в 754 г. Пипин, разбив лангобардов, передал во владение папы земли, положившие начало образованию Церковной области.

При сыне Пипина Карле Великом (768—814) все более усиливалась за-

висимость пап от императора. В императоре папы искали опору против итальянской светской и духовной феодальной знати, которая была весьма недовольна усилением пап и вела с ними борьбу.

В период ослабления и распада императорской власти, в связи с ростом феодализма в папской области, папский престол в IX—X вв. превратился в игрушку в руках римских баронов. Римская знать назначала и свергала пап. Немало пап было убито, задушено или отравлено. Одно время папским престолом распоряжались римские куртизанки—Феодора и ее дочери. Папами были люди развратные, невежественные. Невежество в то время возводилось в добродетель. Один из папских легатов заявил: «Бог от начала мира предизбрал не философов и ораторов, но безграмотных и необразованных».

С созданием Священной римской империи Оттоном I (962 год) папским престолом начали распоряжаться германские императоры. Они свергали неугодных им пап и назначали вместо них своих приверженцев. Оттон III (конец X в.) велел отрезать у прежнего папы Иоанна XVI нос, язык и уши, вырвать глаза и провезти на осле по всему Риму. Вместо него он посадил на папский престол своего учителя Герберта (папа Сильвестр II).

Интересный эпизод произошел с папой Бенедиктом IX (1033—1045). Он стал папой в 12 лет. Захотев жениться на своей кузине, он продал папский престол Иоанну Грациану (папа Григорий VI). Но, получив деньги, он стал снова претендовать на «святой престол». Между тем часть римского духовенства избрала третьего папу. Все эти папы одновременно выколачивали деньги из простодушной паствы (1045) и проклинали друг друга. В конце концов Бенедикт IX добродушно предложил так и остаться папами всем троим, считая, что доходов хватит на всех. Возмущенная этим скандалом, часть римского духовенства призвала германского императора Генриха III в Рим, и с тех пор папы некоторое время назначались исключительно из среды немецких епископов. Климентий II, Дамасий, Лев IX, Виктор II (1046—1057) назначались

немецким императором. Папство, казалось, окончательно подчинилось империи.

Тем временем росло и крепло среди духовенства движение за реформу церкви, за укрепление ее экономической и политической мощи. Реформа должна была поставить церковь выше королей и императоров, а в пределах самой церкви выше всего поставить папскую власть. Возглавлял это реформаторское движение клюнийский монастырь (Клюни — в Южной Франции. Клюнийский монастырь возник в 909 году. В XI в. он имел свои филиальные монастыри в ряде местностей). Клюнийское движение выдвинуло свою программу. Сторонники его требовали введения строгой дисциплины в монастырях и оздоровления нравов духовенства. Наряду с этим выдвигался лозунг укрепления монастырского землевладения.

Клюнийцы требовали также подчинения монастырей и монашества не епископам, а самому папе.

К этой программе, сформулированной уже в X в., в XI в. прибавился новый пункт — «Долой симонию!»

Григорий VII (Гильдебранд) — ярый реформатор римской церкви, борец за ее экономическую и политическую самостоятельность, за всемирную церковную монархию — вырос в теснейшем общении с клюнийским настоятелем Одилоном и провел потом несколько лет в клюнийском монастыре.

„Святой“ сатана стремится ко всемирной монархии

Григорий VII — одна из интереснейших личностей средневековья. Он родился около 1020 г. в крестьянской семье, с детства воспитывался при римской церкви св. Марии, а с 1046 г. направился в Клюни — центр движения за реформу церкви. Был он и при императорском дворе в Германии. Скоро молодой фанатичный монах Гильдебранд приобрел колоссальный авторитет среди духовенства. В 1049 г. он возвратился в Рим и стал советником папы Льва IX. Он имел большое влияние и на последующих пап. Он

Императорский дворец в Госларе. Месторождение и резиденция Генриха IV. Здесь происходили многие сеймы.

был главой могущественного кружка, выдвигавшего и свергавшего пап. Его друг Петр Дамиани, один из ревностнейших реформаторов церкви, писал ему иронически: «Я уважаю папу, но перед тобой я преклоняюсь, простираясь ниц; ты делаешь его господином, а он тебя — богом»¹.

«Поставщик пап», «святой сатана», по меткому прозвищу того же Петра Дамиани, Гильдебранд задолго до восшествия на папский престол вел упорную подготовительную работу для осуществления своей заветнейшей мечты — всемирного владычества пап.

Эту идею, конечно, нельзя считать, как это делают буржуазные историки-идеалисты, продуктом честолюбия Григория VII. Стремление к безмерному расширению власти папства встречается и у ряда предыдущих пап. Григорий VII был представителем могущественного течения среди духовенства, главным образом монашества. Громадная экономическая мощь церкви, развернувшаяся к тому времени монастырская торговля требовали ответственного усиления политической власти. Папа находил поддержку не только в монастырях: его поддерживала в Германии часть епископов, предпочитавших подчиниться далекому папе, чем близкому и часто запущенному руку в церковную казну германскому императору.

¹ Лависс и Рамбо «Всеобщая история с IV века до нашего времени». Т. II стр. 72.

Под влиянием Гильдебранда папа Николай II издал в 1059 г. знаменитый декрет, по которому папа отныне должен был избираться кардиналами, а германский император почти совершенно устранялся от назначения пап (до того времени, как известно, папа либо избирался римской знатью либо назначался императором). По декрету папы Николая II, всякий, кто нарушит этот декрет, «да осужден будет вечной анафемой и отвержением к нечестивым, которые не воскреснут на суде... да будет жилище его пусто, и в шатре его да не обитает никто; да будут сыновья его сиротами и жена его вдовой; да поколеблется он до конца и сыновья его да будут нищими и изгонятся из жилищ своих: ростовщик да возьмет все имущество его и чужие люди да расхитят все труды его; вся вселенная да восстанет против него и все стихии да будут враждебны ему и заслуги всех святых усопших да смутят его»¹.

Этот декрет ударил и по римским баронам и по императорской власти.

Долго и упорно подбирал Гильдебранд союзников: могущественного норманнского вождя Роберта Гюискара на юге Италии, на севере Италии тосканскую графиню Матильду (враги папы называли ее его любовницей), нормандского герцога Вильгельма-Завоевателя.

Одна из основных реформ, за которую ожесточенно боролся монах Гильдебранд (он же впоследствии папа Григорий VII), — это введение **целибата** (безбрачия) духовенства. Эта мера была необходима для спасения земельных владений церкви — основы ее экономической мощи. Епископы и аббаты были теми же феодалами. Существовала опасность, что, имея семьи, они будут передавать по наследству владения церкви, тем более, что это сплошь и рядом уже практиковалось. Необходимо было лишить духовенство семейных связей, превратить их в верных слугителей центрального церковного аппарата, в «янычаров папства», как выражается один из исследователей истории церкви.

Введение целибата встретило силь-

¹ Стасюлевич «История средних веков». Т. II, стр. 743—744, 4-е изд.

нейший отпор со стороны духовенства. На парижском синоде в 1074 г. все епископы и аббаты взбунтовались против декрета о безбрачии, а когда аббат Понтоаза Гальтерий стал защищать этот декрет, члены синода «с помощью королевских слуг выгнали божьего человека, били его, плевали ему в лицо и всячески оскорбляли».

Во Франции, Германии, Италии — везде декрет о безбрачии наталкивался на сильнейшее сопротивление. В борьбе за целибат против мятежных священников папам пришлось апеллировать к мирянам. Папы даже заигрывали одно время с патарией, народным движением, имевшим глубокие социально-экономические корни².

Патары нападали на епископов-симонов и на женатых священников, избивали их, прогоняли из церквей, часто громили и закрывали церкви. Борьба принимала чрезвычайно острые формы. В 1066 г. патары напали на архиепископа Гвидо в церкви и избивали его до полусмерти.

С другой стороны, сторонники симонии и женатого духовенства не оставались в долгу: в Брешии они убили епископа, решившегося проводить в жизнь декрет папы о безбрачии духовенства. Монаха Ариальда, предводителя миланских патаров, они подвергли страшным мучениям. Папы (особенно Григорий VII) искусно заигрывали с патарией, стремясь использовать это народное движение в своих целях. Но демократические силы, пробужденные патарским движением, испугали пап, и патария была объявлена ересью.

В средние века борьба народных масс против угнетателей, в первую

² Патарами («оборванцами») называли участников народного движения, возникшего в середине XI в. в Милане и других городах Северной Италии против симонии и развратной и роскошной жизни феодального духовенства. Сначала к патарии пристала и городская буржуазия, стремившаяся к «дешевой церкви» (Энгельс). Но движение разрастаясь скоро стало угрожать не только духовным и светским феодалам, но и богатым купцам.

Тогда буржуазия отшатнулась от него, и патария до конца осталась движением городской бедноты (на что указывает самое название).

очередь борьба крестьян против феодалов, очень часто проявлялась в форме религиозных ересей. «Революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье,—писал Энгельс.—В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»¹. Еретические движения крестьянства и городского населения, бывшие по форме религиозными, по своему содержанию означали стихийный протест против феодальной эксплуатации и непосредственной соучастницы этой эксплуатации—римской церкви. Эти движения, направленные против продажности и разврата духовенства, угрожали всей феодальной церкви и феодальному строю. «От презрения к духовенству до презрения ко всей церкви было не больше одного шага», — пишет французский историк папства Лоран².

Борьба за celibat тянулась долго и лишь в XII веке закончилась победой пап.

Но безбрачие духовенства было только одним из условий, обеспечивавших экономическое могущество и единство римско-католической церкви. Гораздо важнее была поднятая Григорием VII борьба против инвеституры. Григорий VII стремился к уничтожению инвеституры. В те времена, когда монастырям и церквам принадлежало около одной трети земель Западной Европы, освободить духовенство от королевской инвеституры означало нанести большой ущерб светской власти во всей Европе. К этому и стремился Григорий VII.

Собрав воедино все соответствующие высказывания «отцов церкви», не гнушаясь и подлогами, папа создал теорию, что светская власть—от демона, а папская—от бога, что римская церковь непогрешима, что папа стоит выше императора и королей: «Папа изображает солнце, а король занимает место луны». (Между прочим, позднейшие богословы-схоласты стали вычислять относительные размеры солнца и луны и пришли к выводу, что папа в 1744 раза больше императора).

¹ Ф. р. Энгельс «Крестьянская война в Германии», стр. 33. Партиздат. 1932.

² F. Laurent «La papauté et l'Empire», p. 89. Paris. 1860.

Из рукописного сборника X в. в С.-Омерской библиотеке.

Инвеститура епископа королем. С миниатюры из рукописного сборника X века в С.-Омерской библиотеке.

Но Григорий VII не только теоретизировал. Он проводил свои взгляды в жизнь. Он поддержал духовным авторитетом папского имени герцога Вильгельма Нормандского при завоевании им Англии. С маловлиятельными владетелями он совершенно не церемонился. Герцогу Каглиарскому в Сардинии он писал: «Ты должен знать, что многие просят у нас твоей страны и обещают нам большие выгоды, если мы позволим им овладеть ею... Мы не хотели, однако, решиться на то прежде, чем узнаем твое мнение через нашего посла. Если ты захочешь оставаться преданным апостольскому престолу, то мы не только не дадим позволения нападать на тебя, но защитим даже духовным и светским оружием от всякого нападения»³.

С французским королем Филиппом I у Григория VII были очень резкие стычки из-за симонии, бывшей во Франции регулярным источником пополнения королевской казны. Король не хотел признавать безбрачия духовенства. Папа громил в своих посланиях короля, угрожал ему отлучением от церкви. В письмах к французским

³ Стасюлевич «История средних веков». Т. II, стр. 771.

епископам и феодалам Григорий VII называл французского короля «хищным волком», «которого следует называть не королем, а тираном, который оскверняет свою жизнь проступками и злодеяниями и, неспособный управлять, не только не отвлекает народ от зла по недостатку авторитета, но толкает его на дурной путь примером своего поведения и своих страстей»¹. Обращаясь к герцогу Вильгельму Аквитанскому и другим французским вельможам, папа заявлял: «Да будет всем известно, что мы примем все меры, чтобы забрать у него королевство»². Но борьба папы с французским королем не пошла дальше словесных угроз, ибо во Франции папе не удалось найти себе союзников. Борьба французских феодалов против короля не была столь острой, как в Германии, часть французского духовенства крепко стояла за короля. Угрозы папы возымели только обратное действие и усилили антиримскую партию.

Самым же опасным врагом папы был в то время германский император, посягавший на политическую власть папы в Италии и державший до того времени в своих руках папский престол.

Поэтому борьба Григория VII против германского короля Генриха IV приобрела особенно острые формы.

Папа против короля

Генрих IV занял королевский трон шестилетним мальчиком после смерти своего отца, императора Генриха III (1056). Сначала управляла его мать Агнеса, но после похищения его у матери в 1062 г. епископом Ганноном Кельнским начался период правления князей. Позже Генрих попал под влияние архиепископа Адальберта Бременского, представителя той части германского духовенства, которая стремилась к освобождению от опеки римского папы. В борьбе против пап и княжеского засилья эта часть духовенства поддерживала короля. Адаль-

берт стремился даже создать «северное патриаршество» из северных областей Германии и скандинавских стран. Он умер, однако, в 1072 г., до того, как борьба между папой и королем приняла острые формы. Возмужав, Генрих повел ожесточенную борьбу против могущественных саксонских князей. В 1073 г. началось восстание саксонских князей против короля. Городское население и мелкое рыцарство поддерживали короля. В восстании против короля принимало участие и крестьянство, страдавшее от тяжелых повинностей в пользу короля. Однако вскоре крестьянство, чьи интересы вступали в резкое противоречие с интересами феодалов, отошло от движения. Потерпев поражение, саксонские князья пожаловались на Генриха папе. Против короля образовалась могущественная коалиция во главе с Рудольфом Швабским, Вельфом Баварским и Бертольдом Каринтским.

Папа поддержал князей. Генрих IV перешел в наступление, и на Вормском соборе (январь 1076 г.) немецкие епископы по его указке свергли «лжемонаха Гильдебранда». В своем письме к папе король обвиняет его во многих преступлениях и требует: «Итак, осужденный этим проклятием, равно как нашим приговором и осуждением всех епископов, сойди, оставь несправедливо присвоенный престол св. Петра! Да вступит на апостольский трон другой, который не будет скрывать насилия под маской благочестия, но преподаст чистое учение Петра. Я, Генрих, божьей милостью король, со всеми моими епископами приказываю тебе: «Сойди, сойди!»³.

В ответ на дерзость короля Григорий VII предал Генриха страшной церковной анафеме, отлучив его от церкви, и освободил всех его подданных от присяги. «Раб рабов божьих» (*servus servorum Dei*), как называл себя папа во всех посланиях, показал свои когти. Скоро Генрих очутился в безвыходном положении. Лишенный всякой поддержки, имея перед собой могучий союз князей с папой, он вынуж-

¹ Лависс и Рамбо «Всеобщая история с IV века до нашего времени». Т. II, стр. 90.

² Giesebrecht «Geschichte der deutschen Kaiserzeit». В. III. S. 252.

³ Стасюлевич «История средних веков» Т. II, стр. 778.

ден был смириться, пойти в Каноссу. Не проклятия папы смутили Генриха: сочетание сил оказалось временно не в его пользу. Смирение Генриха было маневром, чтобы выиграть время, разбить союз между папой и князьями и соединиться с антипапскими силами в Италии.

Вскоре Генрих почувствовал себя тверже, получив поддержку у феодальной партии итальянских князей и епископов, боровшихся против экономических притязаний папы. Борьба шла за земельные богатства, за распределение церковных доходов, за распределение прибавочного продукта, выкачиваемого у трудящихся.

Вернувшись в Германию, король с переменным успехом продолжал борьбу против князей. Папа занимал выжидательную позицию, радуясь междоусобице, ослаблявшей светскую власть. В 1080 г., когда ему показалось, что Генрих близок к поражению, он вторично отлучил его от церкви. Но ситуация была уже не та. С помощью городов, рыцарства и части епископов Генрих в 1081 г. победил своих врагов и снова появился в Италии, но уже не как смиренный грешник, а как грозный мститель. Он осадил папу в Риме, в 1084 г. взял город и короновался императором Священной римской империи (в состав империи входили тогда вся Германия, северная и средняя Италия и Бургундия).

Григорий VII бежал к своим давним союзникам — норманнам, занимавшим тогда юг Италии, и натравил их на Генриха. Роберт Гюискар — вождь норманнов, явился с громадным по тому времени норманно-сарацинским войском и прогнал немецкую армию. «Освобожденный» Рим был основательно разгромлен победителями и почти совершенно уничтожен.

Григорий VII умер в изгнании в 1085 году. Его дело было проиграно. Но борьба между папами и императорами не прекратилась ни после смерти Григория VII, ни после смерти Генриха IV (1106 г.).

Попытка папы Пасхалия II достигнуть компромисса предложением императору отказаться от инвеституры, а духовенству — от своих земельных владений (1111 г.) встретила жесточайший отпор со стороны епископов.

«Борьба за инвеституру» закончилась только в 1122 г. компромиссным Вормским конкордатом (соглашением), по которому епископы должны были отныне избираться самим духовенством, а обряд передачи посоха и кольца был отменен. Но избранный епископ должен был утверждаться императором и получать от него скипетр в знак передачи этому епископу земельных владений и определенных обязанностей. Папам не удалось совершенно отстранить светскую власть от епископства. Но и императоры потерпели значительный ущерб, так как епископские владения не приносили уже прежних доходов: прекратились продажа духовных должностей и доходы с вакантных епископств.

Борьба пап с императорами в свое время породила большую политическую литературу и подняла продолжавшийся столетиями теоретический спор об источниках и пределах духовной и светской власти. Много столетий спустя буржуазная историография тоже разделилась на лагерь «приверженцев» Григория и на лагерь «приверженцев» Генриха, считавших его якобы «народным монархом». Но буржуазные историки представляют борьбу Григория против Генриха лишь как борьбу двух крупных личностей или как борьбу идей, не умея и не желая вскрывать таящиеся за этими личностями и идеями реальные классовые силы.

Некоторые буржуазные историки хотят показать Григория VII борцом за «демократию», против императорского деспотизма. Часто при этом ссылаются на его «демократическое» происхождение. По этому случаю необходимо вспомнить следующее глубочайшее замечание Маркса по поводу авантюристов и выскочек, пополняющих ряды буржуазии:

«...В средние века главное средство, укреплявшее господство попов и угнетение мирян, состояло в том, что католическая церковь строила свою иерархию из лучших голов народа, не обращая внимания на сословие, происхождение и состоятельность. Чем более способен господствующий класс принимать в свою среду наиболее выдающихся людей из угнетенных клас-

сов, тем прочнее и опаснее его господство»¹.

При оценке действительных причин борьбы папы с императорами мы должны исходить из исчерпывающих указаний Маркса и Энгельса. Выступая против идеалиста Макса Штирнера, рассматривавшего средневековую борьбу пап с императорами как стремление пап к «верховному господству духа», они пишут: «Иерархия и ее битвы с феодализмом (битвы идеологов определенного класса против самого этого класса) представляют собою лишь идеологическое выражение феодализма и битв, развертывающихся внутри самого феодализма, к чему относятся и битвы феодально организованных наций между собой. Иерархия есть идеальная форма феодализма; феодализм — политическая форма средневековых отношений производства и общения. Следовательно, борьбу феодализма против иерархии только и можно объяснить посредством изображения этих практических, материальных отношений; этим изображением прекращается само собой все существовавшее до сих пор понимание истории, слепо принимавшее на веру средневековые иллюзии, те иллюзии, которые император и папа выдвинули в своей борьбе друг с другом»².

Таким образом, Маркс и Энгельс предупреждают историка: не принимай на веру то, что папы или императоры думали о себе и о своей взаимной борьбе. Их борьба — борьба внутри одного класса, она шла исключительно из-за материальных целей.

Только из «практических, материальных отношений» и должны мы исходить при объяснении борьбы князей и пап против императоров.

Борясь с князьями, императоры стремились вместо разрозненных феодальных владений создать единую феодальную державу. Таким образом, эта борьба — не что иное, как борьба внутренних противоречий феодализма. Борьба императоров с князьями и папами была борьбой внутри одного класса за перераспределение прибавоч-

ного продукта, выжимаемого из широких масс крестьянства и населения городов. Создание единого, централизованного государства было в интересах развития торгового капитала, в интересах развития городов.

Короля поддерживала нарождавшаяся городская буржуазия, находившая у него защиту против грабежа и своеволия духовных и светских феодалов. Особенно поддерживали его города Вормс, Кельн и другие, вступавшие тогда в полосу экономического роста и расцвета. В самый тяжелый для Генриха момент, когда он должен был бежать от саксонских князей, Вормс дружелюбно раскрыл перед ним свои ворота, Кельн тоже прогнал своего епископа и пригласил короля³. Города, точнее, управлявшие городами богатые купцы, оставались опорой Генриха до конца. В интересах развивавшейся городской буржуазии было создание централизованного государства, которое могло бы ее охранять от нападений и насилий рыцарей-разбойников и обеспечить свободу передвижения и торговли по всей стране. Едва ли не лучше всех объясняет этот факт летописец епископ Отъерт, описавший, как Генрих заставил феодалов на время прекратить грабежи и этим вызвал их возмущение: «Теперь корабельщик плыл мимо небольших местечек, живших грабежом судов, совершенно спокойно, не опасаясь ничего со стороны голодных ее обитателей. Все это изумительно и в то же время смешно!» Обращаясь к феодалам, недовольным мерами императора против грабежей, летописец патетически взывает: «Почему же, мне хочется знать, вы не хотите жить ничем кроме грабежа?.. Но напрасны мои убеждения, я предлагаю ослу играть на арфе!»⁴.

Картина расположения классовых сил была такова: в Германии за императора были городское бюргерство, мелкое рыцарство, часть епископов, стремившихся к освобождению от власти римского папы.

В лагере папы была крупная феодальная знать со своими вассалами и тоже часть епископов и монашества.

¹ К. Маркс «Капитал». Т. III, стр. 431.

² К. Маркс и Фр. Энгельс «Немецкая идеология», стр. 157. Партиздат. 1935.

³ Giesebrecht «Geschichte der deutschen Kaiserzeit». В. III, S. 281—283.

⁴ Стасюлевич «История средних веков». Т. II, стр. 754.

В Италии классовые отношения были несколько иными: папы, поддерживавшие в Германии феодальную партию, в Италии опирались на городское население, используя зачатки национально-освободительного движения итальянских городов, боровшихся против гнета германских императоров и против своих феодалов. Здесь папы заигрывали с патарией, движением классового протеста городской бедноты, принявшим религиозную окраску.

Императоры, боровшиеся в Германии против феодальной знати, поддерживали ее в Италии против пап. Однако суть борьбы была та же — перераспределение прибавочного продукта.

Какова была роль крестьянства в этой борьбе, которая шла внутри господствующего класса феодалов с участием городской буржуазии? Трудящиеся массы города и деревни не могли ничего выиграть в этой борьбе. Но они и не оставались к ней совершенно безучастными, а выступали против феодалов.

Что касается городской бедноты (плебса), то стихийными возмущениями ее в германских городах XI в. руководили фанатичные монахи, направлявшие движение в желательное для папы русло. Так было, например, с

восстанием в Швабии против короля, получившим название «швабской патарии». Это фанатическое религиозное движение масс было использовано папством и князьями в своих целях.

В итальянских городах, находившихся на гораздо более высоком уровне развития, классовое расслоение и классовая борьба зашли много дальше чем в германских городах. Но и итальянская патария, как уже было сказано выше, получила религиозную окраску и была искусно использована папами в борьбе против итальянской светской и духовной феодальной знати.

Борьба пап с императорами продолжалась долго и не ограничивалась периодом «борьбы за инвеституру» (1073—1122). Она продолжалась и в XII и XIII вв. как борьба между папами и Гогенштауфенами, между гвельфами и гибеллинами. В XIII в. папство достигло апогея власти и было близко к осуществлению идеала Григория VII. Иннокентий III был его достойным преемником. Но характеристика этого периода выходит за рамки данной статьи¹.

¹ Выражение «пойти в Каноссу» вошло в литературный язык как синоним смирения, подчинения, связанного с унижением.

Рыцарь и его оруженосцы. С миниатюры из «Генуэзской хроники». 1190 г.

Ю. Красовский

ФОМА КАМПАНЕЛЛА И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ

Будущие века будут судить нас, ибо нынешний век казнит своих благодетелей... (из письма Ф. Кампанеллы к Фердинанду III, герцогу Тосканскому).

Кампанелла—интересная и оригинальная фигура социального мыслителя и реформатора конца XVI века. «История социалистической мысли,— говорит академик В. П. Волгин,— с полным основанием отводит ему место одного из зачинателей нового исторического ряда, одного из основоположников утопического социализма нового времени»¹. В истории социализма Кампанелла по праву занимает выдающееся место, соответствующее смелости его социальных построений, поразительной зрелости и верности отдельных его мыслей и утверждений, силе его революционного темперамента.

Еще Лафарг в своей замечательной работе о Кампанелле² совершенно правильно указал на большое значение утопии Кампанеллы, на огромную ценность его социальных построений и охарактеризовал Кампанеллу не только как смелого и последовательного социального реформатора, но и как крупного философа позднего итальянского Возрождения, горячего

¹ В. П. Волгин «Кампанелла—коммунист» (вступительная статья к «Городу солнца» Кампанеллы, стр. 18. Изд. «Academia». 1934.

² Поль Лафарг «Томас Кампанелла». Гиз. М. 1926.

поборника научного исследования и опыта, одного из представителей новой, рационалистической философии.

Но высоко оценивая общественно-философские взгляды Кампанеллы, марксистская историография не закрывает глаза и на некоторые реакционные стороны его философии, на ряд ошибочных, идеалистических, идущих от католичества, от церковного догматизма формулировок, являющихся неизбежным следствием социально-политической обстановки XVI в. в Италии, являющихся выражением сложности и противоречивости социального облика самого Кампанеллы. Только учитывая все положительные и отрицательные стороны философии Кампанеллы, учитывая всю совокупность социально-политической обстановки того времени, марксистская историческая наука смогла в отличие от буржуазной совершенно правильно и объективно оценить историческое значение утопии Кампанеллы, его знаменитый «Город солнца», впервые установить действительное и по праву принадлежащее идеям Кампанеллы место в сокровищнице социалистической мысли.

2

XVI век—время Кампанеллы—является своего рода историческим рубежом, периодом серьезных перемен в социально-общественной жизни Италии.

Уже в конце XV в. произошел ряд исторических событий, очень резко отразившихся на экономическом положении Италии: завоевание Константинополя турками (1453 г.) положило конец обширной и выгодной торговле Италии, в частности Венеции, с Левантом; открытие Америки (1492 г.) и открытие морского пути в Индию (1498 г.) выдвинули совершенно новые рынки и объекты торговли, передали в руки испанцев и португальцев всю торговлю с Востоком. Италия оказалась изолированной от новых мировых торговых путей, мировой центр торговли передвинулся на Запад, в Испанию и Португалию, которые быстро пошли по пути эконо-

мического первенства и политического могущества. К этому еще надо прибавить успешную конкуренцию в области промышленного экспорта: Англии в области суконного производства, Германии — хлопчатобумажного, Франции — шелкового. Итальянская торговля и промышленность начали катастрофически сокращаться.

Отсутствие единой власти в Италии, вечные междоусобицы и частые войны между отдельными тиранами и удачливыми кондотьерами также отрицательно влияли на общее благосостояние страны, на внутримитальянскую торговлю.

В XVI в. Италия стала ареной для общеевропейских войн и объектом борьбы за преобладание в Европе между Францией и Испано-Германией. В течение 65 лет шли кровопролитнейшие битвы на цветущих полях Италии. Десятки раз города переходили из рук в руки, превращаясь в конце концов в дымящиеся развалины: полчища наемных ландскнехтов предавали все огню и истреблению; жители тысячами угонялись в плен; культурные сокровища уничтожались. В 1494 г. французские войска под командованием Карла VIII вступили в Италию и в течение двух лет оккупировали всю ее вплоть до самой Сицилии. С этого момента и начинаются бесконечные войны в Италии. В 1495 — 1496 гг. испанцы овладели Калабрией и Неаполем. В 1501 — 1504 гг. новая война за Неаполь между французами и испанцами окончилась утверждением Испании в Неаполитанской области. В 1525 г. произошла знаменитая битва при Павии, закончившаяся пленением французского короля Франциска I; в 1527 г. немецко-испанская армия захватила и разграбила Рим. Войны следовали одна за другой с короткими промежутками: первая война Карла V с Франциском I — 1521—1526 гг., вторая — 1527—1529, третья — 1536—1538, четвертая — 1542—1544; война Карла V с Генрихом II — 1552—1556; война Филиппа II с Генрихом II — 1556—1559. В конце концов в 1559 г. был заключен Като-Камбрезийский мир, знаменующий окончание 65-летних войн и утверждение Испании в Италии.

С 1559 г. Италия на два века фак-

Фома Кампанелла. Со старинной гравюры.

тически стала испанской провинцией. Испанское владычество, связанное с мрачными именами Филиппа II (1556—1598) и Филиппа III (1598—1621) чрезвычайно тяжело отразилось на экономической и духовной жизни Италии. Полная потеря политической и экономической самостоятельности, хищнические приемы хозяйствования новых властителей, полнейший произвол испанских чиновников быстро ликвидировали остатки бывшей экономической мощи и культуры. Итальянская торговля и промышленность как конкурент испанской сознательно уничтожались путем регламентации и установления таможенных барьеров. Если во второй половине XVI в. в Милане было 70 суконных мануфактур, то к 1616 г. их было всего 16. В 1611 г. в Кремоне было 1300 купцов, через 37 лет — только 44. Зато происходило настоящее восстановление феодализма: испанцы всячески поощряли рост дворянского землевладения. К XVIII в. в Неаполитанской области — при 3½ млн. жителей — ¼ всей территории принадлежали 10 тыс. дворян. От непомерных налогов и поборов стонала вся Италия. Страна чудовищно обнищала: голод, эпидемии, колоссальный рост разбойничества совершенно изнурили страну. Наряду с

Битва при Навин в 1525 г. Со старинной гравюры (левая часть).

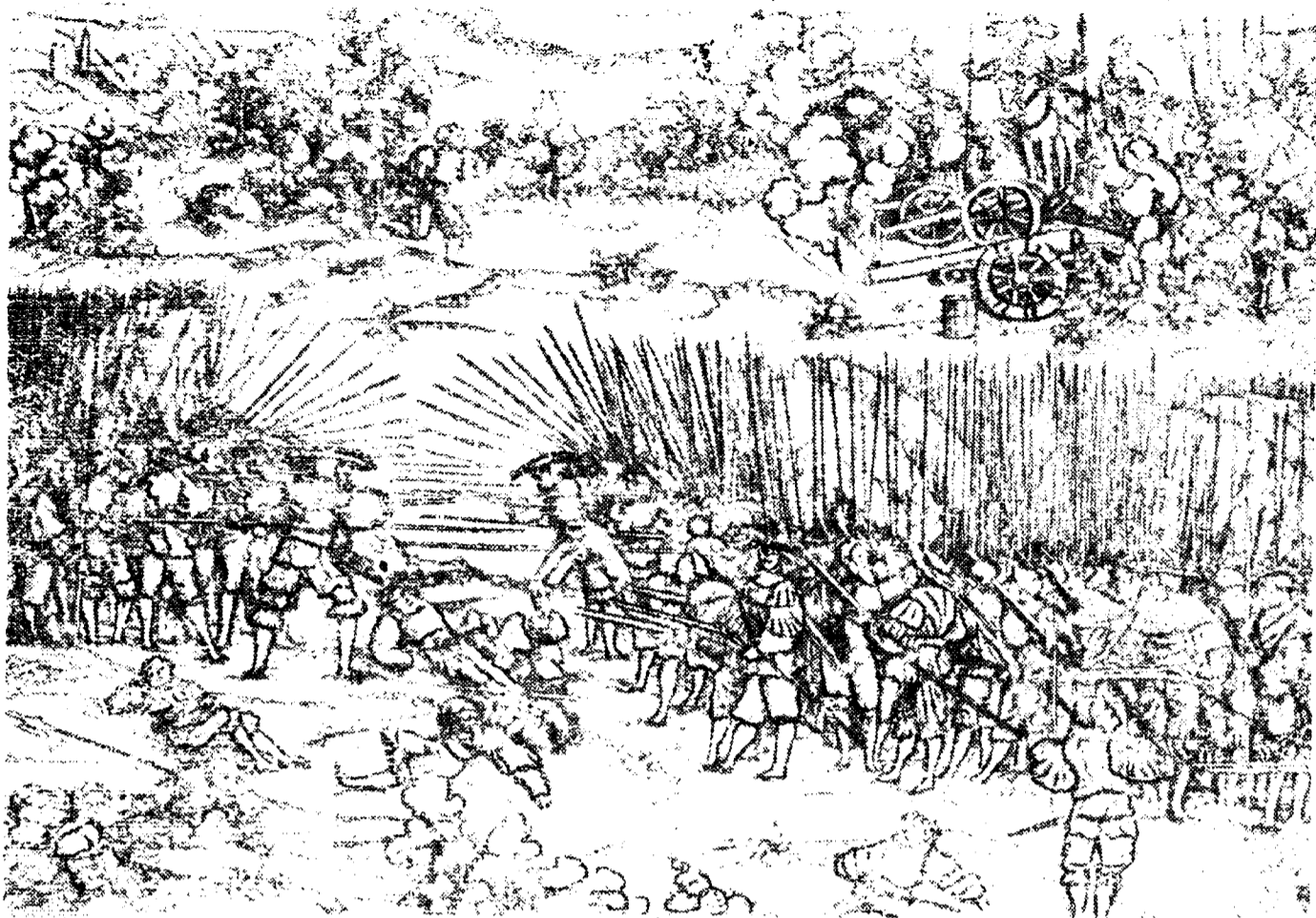
этим росла страшная ненависть к испанским поработителям, проявившаяся в ряде народных восстаний и волнений. Испания получила от современников название «вампира, сосущего итальянскую кровь».

XVI век характеризовался еще и католической реакцией. Серьезный удар, нанесенный папству реформацией, заставил его принять экстренные меры спасения. Тридентский собор (1545 — 1563) знаменует начало католической реформации и перехода католицизма в наступление. Можно считать, что с 40-х годов XVI в. начинается эпоха антиреформации, эпоха католической реакции. Выдвигается знаменитый Игнатий Лойола (1491 — 1556), основавший в 1540 г. орден иезуитов, одно из самых сильных орудий католической реакции. Папа Павел IV Караффа (1555 — 1559) восстанавливает инквизицию, организует цензуру. Папы Пий IV (1560 — 1565), Пий V (1565 — 1572), Григорий XIII (1572—1585), Сикст V (1585 — 1590) продолжают держать курс на восстановление утерянного могущества, на беспощадную борьбу с реформацией и свободомыслием. Рим становится центром обновленного

католичества, Италия из передовой страны превращается в страну безраздельного господства религиозной нетерпимости и изуверства.

Наука подвергается особенно сильным репрессиям: после Джордано Бруно (1548—1600), Галилея (1564—1642), Кампанеллы (1568—1639) мы в течение многих лет не находим ни одного крупного научного имени. Наука является наиболее опасным противником церкви, и ее преследуют особенно рьяно.

И вот на этом фоне жестокой католической реакции, беспощадного испанского владычества, общего экономического и культурного упадка Италии Кампанелла наряду с Джордано Бруно и Галилеем является последним могиқаном великого итальянского Возрождения. Кампанелла, Бруно и Галилей — великие борцы за торжество науки в тяжелое время господства нетерпимости и религиозного фанатизма. Кампанелла стоит на рубеже двух эпох: он перекидывает мост от эпохи Возрождения к эпохе XVII—XVIII вв., эпохе «просвещения» с ее великими именами: Спинозы, Декарта, Лейбница. В нем скрестились самые разнообразные и противоречи-

Битва при Павии в 1525 г. Со старинной гравюры (правая часть).

вые явления: и вера в разум и силу науки, и непоколебимая убежденность в необходимости социальной справедливости, и чувства революционера-борца за освобожденную от испанского ига Италию, и одновременно — тяжелый груз монастырской католической традиции, элементы средневековой схоластики. На зловещем фоне костров инквизиции, сжегших великого пантеиста Бруно, на фоне всеобщего ханжества, лицемерия, изуверства, ненависти к науке, искусству, культуре, на фоне одной из мрачайших в истории эпох Кампанелла встает перед нами как провозвестник нового мира, нового слова человечества — социализма.

3

Джиан Доменико Кампанелла, принявший в монашестве имя Фомы (или Томазо, неправильная, но очень распространенная транскрипция — Томас), родился 5 сентября 1568 г. в южной итальянской провинции Калабрии, в деревушке Стеньяно, около маленького городка Стило. Очень рано маленький Кампанелла начал увлекаться чтением. Первоначальное

воспитание он получает в Стило, у монаха местного доминиканского монастыря, являвшегося для маленького городка центром просвещения и культуры. Здесь Кампанелла познакомился с обширной католической литературой, с трудами «отцов церкви» и средневековых схоластиков. Особенно пленили его Фома Аквинский с его теорией мировой теократии, мирового могущества папства, ведущего человечество к счастью и царству христианской любви, и Альберт Великий, столп средневековой схоластической философии, стремившийся к изучению природы. Вскоре (в 1586 г.) Кампанелла поступил послушником в доминиканский монастырь Плаканики, около г. Никастро. Тут он погрузился в изучение богословия и философии Аристотеля, Фомы Аквинского и других и, наконец, Каббалы, которая, несомненно, имела определенное влияние на Кампанеллу (хотя, может быть, и не такое большое, как предполагает Лафарг). Постепенно Кампанелла перестает удовлетворяться средневековыми авторитетами: он начинает сомневаться в самом Аристотеле, учение которого, конечно, в

соответствующей схоластической интерпретации считалось одним из краеугольных камней католического богословия.

✓ «Я все время чувствовал беспокойство, — рассказывает Кампанелла об этом периоде своей жизни, — и так как об учении Аристотеля распространялась неполная истина или, вернее, ложь вместо истины, я изучил всех комментаторов Аристотеля: греческих, латинских, арабских. Я начал еще более сомневаться в их учениях и захотел сам исследовать, являются ли истинными те учения, которые они распространяли по свету и выдавали за божественный закон. И так как мои учителя не могли удовлетворительно ответить на мои вопросы, я решил сам прочесть все книги Платона, Плиния, Галена, стоиков, Демокрита и Телезия и сравнить их с первоначальным законом мира, как с оригиналом и установить, что в них имеется истинного и ложного»¹.

И Кампанелла, увлеченный этой задачей, с жадностью начал поглощать книги. Он хотел найти ответ на свои мучительные вопросы, он уже перерос монастырь и скудоумие схоластических мудрецов. Книги, философия, наука становятся для него всем, в них он обретает смысл жизни.

В это время Кампанелла знакомится с философией Телезия (1509 — 1588), яростного противника схоластического аристотелизма и поборника непосредственного изучения природы и опытного знания. Учение Телезия окончательно помогло Кампанелле сбросить путы аристотелевской философии и открыло ему новые горизонты.

К концу 80-х годов относятся первые публичные выступления Кампанеллы на различных диспутах, организуемых отдельными монастырями. На этих диспутах молодой монах проявляет себя блестящим оратором и полемистом, всегда побеждая своих противников. С каждым диспутом известность отца Томазо растет: ⁴⁹им начинают гордиться как восходящей звездой в области богословия и философии, монастырь оказывает ему всяче-

скую поддержку. Но чем дальше, тем откровеннее становится Кампанелла: он все смелее критикует Аристотеля и схоластическое богословие, все чаще упоминает еретическое имя Телезия. ⁵⁰Его деятельность начинает вызывать опасения. В 1590 г. он покидает родину и переезжает в Неаполь, ⁵¹где появляются первые его работы: «Философия, доказанная чувством» и «О смысле вещей», в которых он резко критикует Аристотеля, противопоставляя ему Платона. Все это заставляет высшие церковные власти обратить серьезное внимание на Кампанеллу. По пустячному поводу его арестовывают и отправляют в Рим, где около года держат в тюрьме, затем выпускают, но берут под подозрение в еретичестве. В 1593 г. Кампанелла уезжает из Рима, скитается по Италии, живет во Флоренции, Венеции, Падуе, но и здесь зоркое и любвеобильное око матери-церкви не оставляет его в покое: по дороге у Кампанеллы отбирают его рукописи по философии, чтобы найти в них подтверждение его заблуждений. Вскоре Кампанеллу привлекают к суду за оскорбление генерала доминиканского ордена; после оправдания по этому делу — новое обвинение в недонесении на одного еретика. В 1597 г. Кампанелла приезжает в Рим. Процесс его кончается оправданием, и он спешно уезжает на родину, где снова поселяется в доминиканском монастыре в Стило. ⁵²Там начинается новый период жизни Кампанеллы, когда лев сбрасывает овечью шкуру и под одеждой доминиканского монаха и богослова обнаруживается социальный реформатор и революционер.

Трудно определить, когда именно Кампанелла сформировался как политический деятель — революционер.

Будучи исключительным конспиратором, Кампанелла, конечно, не сразу выявил свою революционность. ⁵³По приезде в Калабрию Кампанелла впервые ярко увидел весь ужас испанского режима, всю накопившуюся ненависть против иноземных властителей и поражающую нищету народа. Здесь этот теоретик и кабинетный ученый столкнулся с подлинной жизнью, и здесь он решил осуществить давно волновавшую его мечту о всечелове-

¹ Цит. по Ст. Вольскому «Фома Кампанелла», стр. 31. М. 1925.

ческом счастье, которую он уже намеками высказывал в своих ранних произведениях. Вместе с доминиканцами Дионисием Понцио и Маврицио Ринальди он начал организовывать заговор против испанцев с целью освобождения Калабрии. Заговор был организован широко: сотни агитаторов разошлись по деревням и городам, проповедуя восстание. Кампанелла мечтал о вселенском освобождении рода человеческого от духовной и политической тирании, об идеальной республике социального братства и любви, республике, которую он впоследствии изобразил в своем «Городе солнца». Восстание было назначено на сентябрь 1599 г., но два предателя — Фабио де-Лауро и Джаованни Батиста Бильбиа предупредили испанские власти. Наместник Неаполя граф Лемос немедленно принял меры: в Калабрию были посланы войска под командованием Карла Спинелли, которые быстро ликвидировали заговор, арестовав более 2 тыс. человек. Кампанелла пытался бежать: в костюме францисканского монаха он добрался до Рончеллы, надеясь переехать в Сицилию, но был выдан перевозчиком и немедленно отправлен в Неаполь. Процесс главных зачинщиков растянулся на два года: Дионисию Понцио удалось бежать, а Кампанелла был подвергнут страшным пыткам.

В предисловии к «Побежденному атеизму» Кампанелла писал:

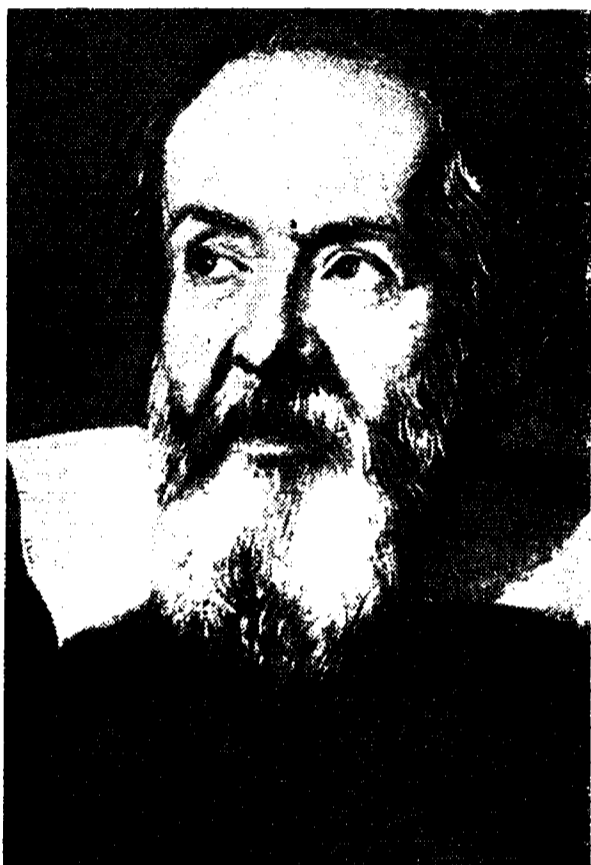
«Я был заключен в пятидесяти различных тюрьмах, и семь раз меня подвергали самой жестокой пытке. В последний раз пытка длилась сорок часов. Туго связанный веревками, разавшими мне тело, я был подвешен со скрепленными на спине руками над острым колом, вонзавшимся в меня. Через сорок часов, считая меня мертвым, прекратили пытку... Ничто не могло меня поколебать — и у меня не могли вырвать ни одного слова...»¹.

Что спасло Кампанеллу от казни? Определенный ответ на этот вопрос дать трудно. Помимо исключительной ловкости Кампанеллы на следствии и

¹ См. Tommaso Campanella «Atheismus triumphatus». Цит. по П. Лафаргу «Томас Кампанелла», стр. 25. М. 1926.

суде, симулирования им сумасшествия и пр. сыграла роль и очень сложная и запутанная обстановка в Неаполе в тот момент. Испанские власти требовали смерти Кампанеллы как оунтовщика; папский нунций требовал перевода Кампанеллы в Рим как еретика. Тут были еще и инквизиция и иезуиты, генерал ордена которых, Клавдий Акавива, враждовал с испанцами и вел двойную игру. Смертная казнь была заменена вечным заключением, но причина этой замены до сих пор не совсем ясна.

Началось долгое тюремное заключение в замке Сент-Эльмо близ Неа-

Галлей.

С портрета Суттерманса.

поля. Но и в тюрьме, в цепях, без всякой надежды на освобождение Кампанелла продолжал работать; находясь на грани безумия, он силой воли заставлял себя уйти в работу, в мечты. Вера в себя, в свое призвание никогда не оставляла его.

«Закозанный в цепи, — пишет он в одном из своих сонетов, — я все-таки свободен, предоставленный одиночеству, но не одинокий, покорный, вздыхающий, я посрамлю своих врагов. Угнетенный на земле, я поднимаюсь в небеса с истерзанным телом и веселой душой; и когда тяжесть бедствия повергнет меня в бездну, крылья моего

духа поднимают меня высоко над миром...»¹.

Надо удивляться исключительной силе воли и жизнеспособности Кампанеллы. В течение десяти лет, с 1601 по 1611, он написал свою знаменитую утопию «Город солнца», в которой высказал свои самые сокровенные мысли, трактат об астрологии, метафизику, семь книг о магическом лечении, шесть книг по астрологии, четыре по астрономии, трактат «Побежденный атеизм» и двадцать девять книг по богословию. В 1611 г. все эти книги были отобраны у Кампанеллы, и до нас дошли только немногие из них, большей частью те, которые попали в руки друзей Кампанеллы и были ими опубликованы.

Благодаря этим публикациям имя философа-узника стало широко известно и в Италии, и в Германии, и во Франции. Постепенно тюремный режим становился мягче. Это совпало с назначением в 1616 г. наместником Неаполя герцога Оссуна. Началась обширная переписка Кампанеллы со многими учеными и философами. Имя Кампанеллы произносилось с большим уважением как имя крупного философа и ученого. Сам папа Павел V ходатайствовал об облегчении участи знаменитого узника.

Наконец, в 1626 г. папа Урбан VIII, большой враг Испании и кроме того страстный поклонник астрологии, давно желавший залучить к себе Кампанеллу как знаменитого астролога, добился перевода последнего в Рим, но и здесь Кампанелла еще три года оставался в тюрьме. Только в 1629 г., т. е. после 30-летнего заключения, Кампанелла был выпущен на свободу. Но милости папы продолжались недолго: издание трактата об астрологии и смелое выступление в защиту Галилея снова ставят Кампанеллу в тяжелое положение. Открывается новый заговор против испанцев в Неаполе, руководимый Пиньятелли, учеником Кампанеллы. Испания требует выдачи своего непримиримого врага. 65-летнему старику приходится снова начать скитания: он пробирается во Францию, где его прекрасно прини-

мает кардинал Ришелье и где в 1636 г. он избирается членом только что основанной Французской академии. Но и здесь его не оставляют в покое. За ним усиленно шпионят монахи всех мастей; Рим все время делает ему выговоры и угрожает. Но при французском дворе Людовика XIII Кампанелла — не прежний бунтарь, революционер: он в почете и чести и как астролог и как поэт; он бызает даже в королевском совете.

Но жить ему оставалось очень мало. 21 мая 1639 г. Кампанелла умирает в возрасте 71 года.

4

«Я рожден для борьбы с тремя великими бедствиями: тиранией, софистикой и лицемерием», — писал Кампанелла. И действительно, смысл и значение его философии заключаются в разрушении остатков схоластического богословия, в освобождении философии от пут средневековой схоластики.

Мы не будем подробно рассматривать философию Кампанеллы, по существу, достаточно эклектичную и противоречивую; остановимся только на основном: на положительных сторонах ее. Самое ценное в философии Кампанеллы — стремление изобразить мир как сочетание естественных сил, требование объяснять все существующее естественными причинами. В философии Кампанеллы очень сильны элементы деизма. Конечной причиной всего является бог, но бог проявил себя лишь в сотворении мира; в дальнейшем бог никакого участия в развитии мира не принимает — действуют естественные причины; поэтому при изучении и понимании мира надо исходить из жизненных явлений, кладя в основу ощущение, опыт, не связывая это с богом. В философии Кампанеллы сильны и элементы пантеизма, что роднит ее с философией его современников — Джордано Бруно и Галилея.

Несомненно, философия Кампанеллы, хотя и не являвшаяся вполне самостоятельной, а развивавшаяся под сильным влиянием Платона, Телезия, Парацельса и Агриппы, а частично и пифагорейцев и Николая Кузанского, тем не менее сыграла значительную

¹ Цит. по Л. Аксельрод «Томазо Кампанелла» («Этюды и воспоминания»), стр. 58. М. 1925.

роль в окончательном преодолении остатков схоластического и догматического миропонимания. Будучи продуктом эпохи Возрождения, но еще неся в себе некоторый груз средневекового богословия, страдающая схоластической терминологией, философия Кампанеллы является все же предшественницей «века просвещения» (XVII—XVIII вв.).

Некоторые отдельные утверждения Кампанеллы предвосхитили многое из того, что мы встретим только через несколько веков: так, мельком брошенная мысль Кампанеллы, что религия есть обожание человеком его собственного «я», перекликается с Фейербаховской «Сущностью христианства», с его положением, что не бог создал человека, а человек создал бога; утверждение Кампанеллы (одновременно и Джордано Бруно), что борьба противоположностей является сущностью жизненного процесса, напоминает основные положения гегелевской диалектики.

Вопрос о политической философии Кампанеллы вызывал в свое время, да и теперь вызывает много споров. У целого ряда буржуазных историков мы найдем утверждение, что Кампанелла — философ католической реставрации (Б. Спавента), идеолог папства и испанского владычества (И. Квачала), мистик и фантазер. Даже П. Л. Лавров в своих очерках «Из истории социальных учений» писал, что Кампанелла «считал абсолютизм папы и католической церкви единственным средством спасения общества»¹. И надо сказать, что для таких утверждений имелось как будто много оснований.

Кампанелла, действительно, в ряде своих политических трактатов, например «О христианской монархии» и «О церковном правлении», проявляет себя ярким приверженцем папской власти, проповедником всемирной теократии. В «Речах к итальянским князьям» и «Об испанской монархии» мы читаем о необходимости создания всемирной монархии под главенством Испании и т. п. А с другой стороны, вся жизнь Кампанеллы, вся его деятельность, наконец, его знаменитый

¹ П. Л. Лавров. Собр. соч. Т. IV, стр. 239. М. Изд. политкаторжан.

Джордано Бруно. С гравюры Майера.

«Город солнца» говорят совершенно о другом. Налицо кричащее противоречие. Буржуазные историки, слепо верившие каждому слову кампанелловских трактатов, забывали об одной мелкой, но весьма любопытной детали: все эти «правовверные» трактаты были написаны Кампанеллой или в тюрьме или в тот момент, когда ему угрожала опасность попасть в руки инквизиции; но инквизиция и испанские власти были гораздо менее доверчивы чем многие историки. Несмотря на все «верноподданнические» заявления Кампанеллы они продолжали гноить его в тюрьме, так как, конечно, прекрасно знали, чем был в действительности Кампанелла. Следует отметить, что до самого последнего времени калабрийское восстание и вся революционная деятельность Кампанеллы были освещены совершенно не достаточно. И все же Лафарг, угадавший существо Кампанеллы, смело заявил: «В продолжение своей долгой и печальной жизни он (Кампанелла) устремлял свою деятельность к достижению одной и той же цели — установлению коммунизма»². Это утверждение Лафарга блестяще подтвер-

² П. Лафарг «Томас Кампанелла», стр. 47, М. 1926.

дилось рядом документов и новых материалов. Лучший знаток Кампанеллы Амабиле¹, человек достаточно умеренных взглядов, но тщательно изучивший архивные источники и особенно протоколы дознания о калабрийском восстании, принужден был придти к тому же выводу, что и Лафарг. Амабиле считает, что характер Кампанеллы был характером «постоянного притворщика, так как он был постоянным заговорщиком», что свои подлинные взгляды он изложил в «Городе солнца»; другие же его произведения — исключительно дипломатические уловки, вызванные условиями жизни. Известный эксмарксист Бенедетто Кроче тоже утверждает² (и это единственный раз, когда мы с ним можем согласиться), что основное — это «Город солнца», остальное — искусная имитация.

Но даже там, где Кампанелла выступает в роли апологета папства и Испании, под маской нарочитой теологически-схоластической фразеологии, под ширмой рассуждений об идеальной христианской монархии он проводит свою любимую идею — идею коммунистического государства, идею великой социальной реформы. Кампанелла прошел в молодости прекрасную школу софистики и диалектики, приучившую его замечательно конспирировать свои подлинные взгляды, принимая в случае необходимости ту или иную защитную окраску. Сын своего века, он в основу своей политической деятельности положил заповеди практического макиавеллизма и, как показывает его жизнь, очень умело пользовался ими. Его поведение на процессе, исключительное самообладание и изворотливость заставили историка Фалетти признать, что Кампанелла «был больше Макиавелли, чем сам Макиавелли».

Опубликованные протоколы судебного разбирательства по калабрийскому восстанию показывают «апологета папства» в совершенно другом

¹ L. Amabile «Fra Tommaso Campanella». Napoli. 1882. 3 v. Napoli. 1887. 2 v.

² Бенедетто Кроче «Коммунизм Томазо Кампанеллы» (в его книге «Исторический материализм и марксистская экономия». СПб. 1902).

свете. Кампанелла в своих речах перед заговорщиками отрицал божественность Христа, смеялся над девством Марии; рассказы апостолов считал смешными выдумками; утверждал, что все церковные таинства — обман; не признавал чудес; называл папу антихристом, заявляя, что нет ни ада, нирая... Вполне понятно, что несмотря на всю свою ловкость и изворотливость он после всего этого не мог выйти сухим из воды.

Следующий сонет Кампанеллы ярко характеризует его «христианскую благонадежность»:

«Сильные мира сего строят себе лестницы из человеческих тел и запирают в клетки души, как птиц, они пьют их кровь, питаются их мясом, и вид их страданий ласкает им взор; их стон и слезы для них — излюбленное зрелище»³.

5

«Утопия Кампанеллы, — писал Лафарг, — одна из самых смелых, самых полных и увлекательных из всех, когда-либо написанных утопий»⁴. Полная общность имущества, всеобщий труд, общественная организация производства и распределения — вот что проповедывал Кампанелла в этой замечательной утопии, написанной в 1602 г. в неаполитанской тюрьме. Утопический «Город солнца» является идеальной республикой счастливых и довольных людей. Никто не имеет ничего личного: все принадлежит государству, все равны, все трудятся и... «все, в чем они (жители города) нуждаются, они получают от общины, и должностные лица тщательно следят за тем, чтобы никто не получил больше, чем ему следует, никому, однако, не отказывая в необходимом» (стр. 35)⁵.

Труд является первой обязанностью; все работают, но благодаря правильной и четкой расстановке сил «каждому приходится работать не больше четырех часов в день» (стр. 58). Но все работают с удовольствием: «они усердно стараются выполнить указан-

³ Цит. по А. Генкелю «Город солнца» Кампанеллы», стр. 19. Харьков. 1923.

⁴ П. Лафарг «Томас Кампанелла», стр. 49. М. 1926.

⁵ Цитирую «Город солнца» по изд. «Academia». М. 1934.

ную им работу, и для них является делом чести выполнить ее хорошо». Труд — мерило ценности человека: «Тот, кто знает большое число искусств и ремесел, пользуется и большим почетом...» (стр. 74). Интересно указать, что в «Городе солнца» работа облегчается машинами: имеются специальные сельскохозяйственные машины, имеются даже корабли, ходящие без парусов и весел, при помощи машин.

Все оставшееся после работы время жители города, особенно молодежь, посвящает науке, физическим упражнениям, играм, причем наукам обучаются не только по книгам, но и на практике, в тесном общении с природой, в наблюдении за ее явлениями и т. п. Кроме того весь «Город солнца» представляет обширный музей, стены которого покрыты богатой фресковой живописью, изображающей всех существующих животных и растения, различные исторические события и т. п.

Интересно отметить, что именно этот факт особенно заинтересовал В. И. Ленина. В одной из своих бесед с А. В. Луначарским Ленин заметил: «Вы помните, что Кампанелла в своем «Солнечном государстве» говорит о том, что на стенах его фантастического социалистического города нарисованы фрески, которые служат для молодежи наглядным уроком по естествознанию, истории, возбуждают гражданское чувство,—словом, участвуют в деле образования, воспитания новых поколений. Мне кажется, что это далеко не наивно и с известным изменением могло бы быть нами усвоено и осуществлено теперь же»¹.

Воспитанию детей уделяется очень много внимания: хорошее воспитание — залог создания хорошего гражданина. Индивидуальной семьи нет — ребенок воспитывается государством. С 3 лет его начинают обучать азбуке. Затем он обучается всем наукам, причем особое внимание уделяется тесной связи теории с практикой. Одновременно ребенок приучается к физическому труду и физическим упраж-

нениям, которые закаляют его тело и делают из него хорошего работника и храброго воина.

С 12 лет начинается специальное военное обучение. Все жители «Города солнца», не только мужчины, но и женщины, обязаны принимать участие в обороне.

Женщина в «Городе солнца» во всем равноправна с мужчиной: и в науке и в труде.

Одним из интереснейших моментов утопии Кампанеллы является регулирование половых отношений: «Они (жители города) издеваются над тем, что мы (обычные люди), заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой» (стр. 32). В «Городе солнца» «производство потомства имеет в виду интересы государства, а интересы частных лиц — лишь постольку, поскольку они являются частями государства» (стр. 54). Браки заключаются по строгому отбору, имеющему целью создать здоровое и сильное потомство, и происходят под наблюдением врачей.

Сытая, здоровая жизнь, с равномерным распределением физической и умственной нагрузки, отсутствие социальных противоречий делают людей Города гармонически развитыми людьми.

«Город солнца» — республика, во главе которой стоит мудрейший из мудрейших — Метафизик-Солнце, владеющий всеми науками. У него есть три помощника: Могущество, ведающее военным делом; Мудрость, ведающая наукой; и Любовь, ведающая регулированием брака и воспитанием. Все остальные должностные лица выбираются народом.

«Каждое новолуние и полнолуние собирается совет... В нем присутствуют все от двадцати лет и старше, всем предлагается поодиночке высказаться о том, какие есть в государстве недочеты, какие должностные лица исполняют свои обязанности хорошо, какие дурно... Также каждый восьмой день собираются все должностные лица для обсуждения государственных дел и выбора должностных лиц, которые в совете намечаются только заранее.. Ежедневно Солнце и трое главных правителей совещаю-

¹ «О монументальной пропаганде», беседа В. И. Ленина с А. В. Луначарским. «Литературная газета» № 4—5 за 1933 год.

ся о текущих делах...» (стр. 83 — 84).

Такова в общих чертах схема управления «Городом солнца».

Первое, что бросается в глаза в утопии Кампанеллы, — полное игнорирование власти бога. Основное — это естественные законы природы и разумные действия человека как части единого сознательного коллектива, создающего справедливый и логически разумный строй. Огромно значение науки, являющейся до некоторой степени заменой религии. Огромно значение труда, и чрезвычайно высока его оценка.

Другим ценным моментом кампанелловской утопии является вопрос воспитания: здесь Кампанелла предвосхитил многие положения современной педагогики, поняв значение единства теории и практики, придавая большое значение физической культуре.

Наконец, надо указать на равноправие женщины с мужчиной — требование, для XVI в. поразительное.

Все эти основные положения утопии, если их брать в историческом аспекте, представляли огромнейшую ценность. В годы мрачной духовной и культурной реакции, в годы беспощадного подавления всякого свободомыслия, в годы жестокого экономического и социального угнетения эта утопия калабрийского монаха, говорящая о всеобщем равенстве, о торжестве человеческого разума, о счастливом, здоровом человеке, была, конечно, явлением большого исторического значения.

Но в утопии Кампанеллы есть и ряд моментов отрицательного порядка. Кампанелла — и д е а л и с т. Его утопия прежде всего аргументируется соображениями, идущими от разума, от природы человека. В его утопии многое от чисто рационалистической схемы. У него нет живых людей: он игнорирует реальную личность. Он строит свой «Город солнца», не считаясь ни с чем. Такая ультимативность, такой схематизм, несомненно, являются результатом монашеского воспитания и книжной, умственной установки автора.

Игнорирование живого человека очень ярко сказывается в теории регулирования брачной жизни: люди

здесь исполняют роль простых производителей.

Немало уделено места у Кампанеллы и астрологии, бывшей вообще в большом почете у его современников. Ей отводится немалое место в жизни жителей «Города солнца», точно так же как и мистике, вернее, вере в таинственное значение чисел (несомненное влияние пифагорейцев).

Религиозные воззрения жителей «Города солнца» не особенно четко обрисованы Кампанеллой. Это элементы пифагорейства — опять та же числовая мистика, поклонение звездам, особенно солнцу как основному творческому началу, соединенная с пантеистическо-деистическими элементами философии Кампанеллы. Во всяком случае характерно, что эта сторона жизни населения «Города солнца» отодвинута на второй или даже третий план и не играет сколько-нибудь значительной роли в его существовании.

Достаточно уязвимым местом является управление городом. При формальном демократизме — всеобщей выборности — четыре высших начальника остаются вне выборов: они сами уступают место достойнейшим.

В заключение надо остановиться на литературных источниках утопии, так как, конечно, утопия Кампанеллы не является чем-то абсолютно новым: на утопии сказалось влияние ранних христианских писателей, так называемых «отцов церкви» с их проповедью коммунизма ранней христианской общины, а также Платона и некоторых других античных писателей. В частности у Платона Кампанелла взял свою идею идеальной республики, идею правления «мудрых», теорию полового регулирования. Но, конечно, от этих первоисточников Кампанеллу отделяет большая пропасть: государство Платона с его жреческой олигархией и рабством — это не государство Кампанеллы; мистический коммунизм христианской общины — это не рационалистический пантеизм калабрийского философа. Кампанелла, заимствовав целый ряд своих положений, переработал их по-своему, в соответствии с идеалами своего времени, с требованиями социальной группы, интересы которой он отражал.

Социальный генезис «Города солнца» достаточно ясен. Утопия Кампанеллы является отражением общей социально-экономической обстановки XVI в. в Италии. Жесточайшая экономическая депрессия и общественная реакция очень тяжело отразились как на положении народных масс, так и на положении значительно выросшей в эпоху Возрождения прослойки интеллигенции. Ужасающее экономическое положение масс привело к ряду народных восстаний. Интеллигенция, настроенная резко оппозиционно, возглавила это недовольство и протест масс; она явилась их идеологической выразительницей. Кампанелла—«один из самых выдающихся представителей итальянской интеллигенции конца XVI и начала XVII вв.»¹—выступил в своей утопии борцом за интересы обездоленных, трудящихся масс. Но, отражая в «Городе солнца» лучшие чаяния и надежды народных масс, Кампанелла неизбежно внес в свою утопию привычную для него форму церковно-монастырской иерархии: его «Город солнца» невольно напоминает кое-чем большой монастырь. Он внес в свою утопию и элементы античные, и элементы раннего христианства, и элементы Возрождения, и, конечно, элементы своей эпохи, эпохи католической реформации, эпохи подавления человеческой личности, замыкания в рамки строгой дисциплины монастырей и орденов, безграничной веры в астрологию и т. п. С другой стороны, Кампанелла во многом далеко опередил свой век: он впервые выдвинул идею абсолютного социального равенства, он впервые создал в тео-

¹ В. П. Волгин «Кампанелла — коммунист», стр. 13.

рии коммунистический строй, он является беспощадным, изворотливым и настойчивым борцом против схоластики, софистики и церковной мистики в философии и науке; он одним из первых подошел к вопросам государственного устройства с антитеологических позиций. Этот момент как раз отметил Маркс, писавший: «Уже Макиавелли, Кампанелла... стали рассматривать государство человеческими глазами и выводили его законы из разума и опыта, а не из теологии»².

Идеи Кампанеллы пользовались большой известностью и среди современников и позднее. Была даже предпринята попытка устроить (в Германии) некоторое подобие кампанелловского «Города солнца»; ряд крупных ученых и философов (например известный материалист Гассенди) высоко ценил философию Кампанеллы.

Вот как характеризовал Кампанеллу Лейбниц:

«Кто проникательней Декарта в физике, Гоббса в морали? Но если сравнить первого с Беконом, второго с Кампанеллой, то увидим, что первые ползут по земле, вторые по величию своих идей, намерений и решений подымаются до облаков и имеют желанья, едва ли соответствующие человеческим силам...»³.

Во всяком случае, большое историческое значение Кампанеллы и его утопии вне сомнений. Один из первых основоположников утопического социализма, один из первых провозвестников грядущей великой социальной реформации, он с полным основанием мог сказать о себе: «Я колокол, предвещающий новую зарю!»

² К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. I, стр. 206—207. М. и Л. 1928.

³ Цит. по И. Квачала «Фома Кампанелла» («Журнал М-ва народного просвещения», декабрь 1907 года, стр. 311).

БОРЬБА ИТАЛИИ ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ

Известно, что в начале XIX в. точно так же смотрели на Италию и Германию, как смотрят теперь на Китай, то есть считали их «неорганизованными территориями», а не государствами и поработщали их. А что из этого получилось? Из этого получилось, как известно, война Германии и Италии за независимость и объединение этих стран в самостоятельные государства.

(И. Сталин. Отчетный доклад о работе ЦК ВКП(б). «XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии». Стенографический отчет. 1934 г., стр. 12).

В течение нескольких столетий Италия являлась объектом борьбы великих держав. С особой силой борьба за Италию разгорелась между Францией и Австрией во время буржуазной революции 1789 г. во Франции.

Австрия всячески стремилась сохранить в Италии господствующее положение, завоеванное ею еще в начале XVIII века¹.

Против Австрии выступили французские революционные войска, которые нашли поддержку в революционном движении, возникшем в Италии под влиянием борьбы Северной Америки за независимость и первой французской революции.

Весной 1796 г. Наполеон I разбил австрийцев, завоевал Ломбардию и создал из бывших герцогств Модены, Болоньи и Феррары так называемую

¹ По Утрехтскому миру 1713 г., заключенному в результате длительной войны с Францией, потерпевшей поражение в битве при Турине в 1701 г., Австрия получила большую часть Италии.

Цизальпинскую республику. Позже французские войска заняли Рим, где была провозглашена республика, Пьемонт (Сардиния), Тоскану и королевство неаполитанское.

В результате похода Суворова французы были изгнаны из Италии, но после битвы с австрийцами при Маренго (1800 г.), выигранной Наполеоном, большая часть Италии снова оказалась под протекторатом Франции. Став императором, Наполеон I принял титул короля Италии.

Конец XVIII и начало XIX в. принесли значительные изменения в хозяйственной и политической жизни Апеннинского полуострова: в Италии пало феодальное право; промышленность и торговля Италии были избавлены от мелочной регламентации, была расширена свобода печати; Италия получила кодекс Наполеона, стимулировавший развитие буржуазных отношений.

Но поднимающаяся итальянская буржуазия, получив известные политические свободы, вместе с тем страдала от наполеоновской континентальной блокады. Ввоз из Франции в Италию систематически возрастал. Итальянские промышленники в ряде петиций требовали уравнивания размеров пошлин для товаров, ввозимых из Франции в Италию и из Италии во Францию. В условиях континентальной блокады не могло развиваться ни шерстяное производство Папской области², ни производство шолка, хлопчатобумажных и бархатных изделий в Неаполе, Генуе, Пьемонте.

Таким образом, процесс развития капитализма в Италии был затруднен конкуренцией французской буржуазии, получившей в свои руки политическую власть в Италии и регулировавшей всю жизнь страны. Это привело к тому, что итальянская буржуазия выступила против Наполеона.

В среде итальянского крестьянства, предпролетариата и городской мелкой буржуазии, страдавших от двойного

² Папская область — государство, занимавшее большую часть Средней Италии (Рим, Болонья и др.), находившееся под светской властью пап. Возникло в 756 г. Было подарено папскому престолу французским королем Пипином Коротким.

Карта Италия до объединения.

гнета, все больше крепи идеи национальной независимости, идеи борьбы против господства иностранцев.

2

Пробуждение национального сознания итальянских масс нашло свое выражение в создании тайных демократических организаций, так называемых карбонариев¹, распространившихся к 20-м годам XIX в. по всему Апеннинскому полуострову. На первом этапе своей деятельности они выступали против французского господ-

¹ Карбонарии — угольщики (Carbonari) — получили это название потому, что скрывались от преследований Мюрата (когда он был неаполитанским королем) в горах Калабрии и Абруццо, где был сильно развит угольный промысел.

ства, а затем — против неаполитанской ветви Бурбонов и против Австрии.

Основными принципами карбонариев были национальная независимость, национальное единство и политические свободы. На базе этих принципов в организациях карбонариев объединялись различные элементы: обуржуазившееся дворянство, радикальная мелкая буржуазия и представители крестьянства. В карбонарских организациях с более демократическим составом возникали и социалистические идеи и идеи об уничтожении частной собственности на землю. Эти радикальные идеи переплетались с христианскими воззрениями.

Карбонаризм особенно быстро рас-

пространился после Венского конгресса 1815 года.

Венский конгресс, ознаменовавший собой начало европейской реакции после революционной эпохи и наполеоновских войн, перекроил всю карту Аппенинского полуострова. Венецианская область—Ломбардо—была передана под непосредственную власть Австрии, юг—королевство обеих Сицилий—достался предствителям неаполитанской ветви Бурбонов (король Сицилии Фердинанд Бурбон, женатый на дочери австрийской императрицы Марии-Терезии, тоже был под австрийским влиянием), а в Центральной Италии была восстановлена светская власть папы, уничтоженная в свое время Наполеоном I. В общем, Италия была расчленена на восемь мелких самостоятельных государств. «Самостоятельность» их сводилась к беспрекословному служению интересам реакционных победителей.

В целях создания контрреволюционного оплота против Франции Австрия оставила в Сардинии савойскую династию, царствовавшую там с 1720 г., с момента присоединения Сардинии к Савоие. Этой династии была передана и старая республика—Генуя. Торжествующая реакция восстановила в Сардинии духовную цензуру, духовенству были возвращены конфискован-

Европейские державы в Италия. О литогр. Е. Берние.

ные при Наполеоне земли, за оскорбление святых даров была установлена смертная казнь. В Неаполитанском королевстве и в Папской области были открыты все монастыри. В Риме прививка оспы и освещение улиц были объявлены еретическими выдумками французов.

Основным правилом господства Австрии в Ломбардии был принцип, провозглашенный австрийским министром Меттернихом, руководившим внешней и внутренней политикой Австрии: «Ломбардцы должны забыть, что они итальянцы». Австрия содержала в Ломбардо—Венецианской области правительственные войска и полицию, на службе у которой находилась многочисленная армия шпионов. Суды были в руках австрийцев. Австрийская цензура свирепствовала, запрещая издание книг на итальянском языке. Профессорские кафедры в университетах были заняты австрийцами, причем профессорами нередко были... простые полицейские.

В 1831 г. в Ломбардии был введен закон, каравший смертной казнью за распространение революционных произведений и пятилетней каторгой за недонесение о распространении таковых. «Если на всем протяжении от Сиракуз до Триента и от Генуи до Венеции немцев ненавидят как презренных ландкнехтов деспотизма,— писал Энгельс,— то этим мы обязаны австрийской монархии»¹.

На притеснения представителей австрийской монархии и собственных мелких деспотов итальянское население отвечало вспышками крестьянских волнений, частыми выступлениями рабочих мануфактур и ремесленников (в Венеции, Генуе и др.).

Но революционные выступления народных масс Италии в 20—30-х годах XIX в. являлись только прелюдией к великим социальным битвам 1847—1848 годов.

3

Несмотря на сильнейшее национальное угнетение капиталистическое развитие Италии во второй четверти XIX в. шагнуло значительно вперед.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 256.

Хотя система таможенных границ на полуострове, высокие пошлины и налоги, низкая покупательная способность сельского населения и отсутствие благоустроенных путей сообщения препятствовали быстрому развитию капитализма, все же развитие промышленности неуклонно шло вперед.

Главным продуктом производства и экспорта был шолк, $\frac{9}{10}$ которого вывозилось за границу.

В Ломбардии и даже в Пьемонте машинное производство начало вытеснять ремесло.

В Ломбардии промышленность развивалась значительно быстрее чем в Пьемонте и в других областях Италии. Выросли бумагопрядильное и ткацкое производства, возникли свеклосахарные заводы, развивалось сыроварение.

Для развития промышленности и торговли в Ломбардии и Венеции было особенно тягостным австрийское владычество. Ломбардия уплачивала Австрии в два раза больше податей чем во время владычества Наполеона. Налог на землю поглощал около 50% дохода, налоги на жилье и предметы первой необходимости сильно истощали страну и задерживали ее развитие.

Таким образом, капиталистическое развитие Италии тормозилось хозяйничанием иностранцев.

В земледелии Италии господствовали полуфеодалные отношения. Лучшие земли Пьемонта находились в руках помещиков, отдававших землю в аренду. Но с 40-х годов XIX в. землевладельцы начали изгонять арендаторов и сами возделывать землю, применяя наемный труд батраков. Вчерашний арендатор превращался в безземельного батрака. Только в горных областях Италии сохранились крестьяне — мелкие собственники. Таким образом, основная масса итальянских крестьян состояла из половников¹ и батраков. Именно эту массу Маркс и

¹ Половничество (французское — *metayage*, итальянское — *mezzadria*) — ипотека — такая форма аренды, при которой крестьянин платит за землю не деньгами, а долей продукта, чаще всего половиной, отсюда название «половник», «половничество». К этому зачастую присоединяются отработки.

Энгельс считали важнейшей движущей силой буржуазно-демократической, национальной революции в Италии.

Недовольство широких масс итальянского населения возрастало. Испанская революция 1820 г. немедленно получила отклик в Неаполе, где вспыхнуло восстание в войсках. Восстание это перебросилось в Сицилию. Оба восстания были разбиты при помощи австрийских войск. В 1821 г. вспыхнуло восстание и в Пьемонте, но его постигла та же участь.

В связи с июльской революцией во Франции деятельность карбонариев в конце 1830 г. и в 1831 г. стала особенно интенсивной. В эти годы имели место восстания в Папской области: в Романье (1832 г.), в Болонье (февраль 1834 г.). Но восстания эти, руководимые либералами, были быстро подавлены, и политическая жизнь в стране снова замерла.

4

Период с 1832 по 1840 г. характеризовался реакцией. Но в 40-х годах снова началось революционное движение. Для того чтобы удержать это движение в определенных границах, новый папа, Пий IX, вступивший на папский престол в 1846 г., начал осуществлять либеральные реформы: он ввел некоторые амнистии для политических заключенных, несколько смягчил цензуру, учредил государственный совет, в который допускались светские граждане, разрешил строительство железных дорог и, наконец, создал национальную гвардию. «Италия показала нам необычайное зрелище того, как человек, занимающий самый реакционный пост во всей Европе, представляющий собой окаменевшую идеологию средневековья, — как римский папа стал во главе либерального движения»², — писал по этому поводу Энгельс. Это объяснялось тем, что практическая необходимость ослабления гнета, тормозившего капиталистическое развитие Италии, настолько назрела, что даже реакционер папа Пий IX вынужден был заговорить либеральным языком.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 242.

Реформы папы послужили толчком к широкому либеральному движению. В мае 1847 г. в двух городах герцогства Тосканского — в Пизе и Ливорно — произошли народные демонстрации, а во Флоренции либеральные дворяне требовали реформы местного самоуправления.

Представители либеральной буржуазии восторженно приветствовали «реформы» папы Пия IX и ставшего с 1831 г. сардинским королем Карла-Альберта, также слывшего (благодаря своим «юношеским» увлечениям: связь с карбонариями) либералом и противником Австрии.

Одновременно с либеральной буржуазией, добивавшейся компромисса с феодалами и иноземными порабощателями, в итальянском национально-освободительном движении выступали представители мелкой буржуазии, претендовавшие на гегемонию в борьбе за национальную независимость и объединение страны.

Вождем, теоретиком и вдохновителем мелкобуржуазной демократии стал Джузеппе Мадзини.

Джузеппе Мадзини родился 22 июня 1805 г. в семье профессора медицины, в Генуе. Окончив в 1827 г. юридический факультет, он вступил в ряды карбонариев. В Савойской крепости, куда он попал по доносу провокатора, Мадзини пришел к выводу о необходимости создания вместо разрозненных организаций карбонариев единой партии, в которую должны войти все граждане до 40 лет. Цель партии — организация заговоров и вооруженных восстаний для освобождения от иностранного ига и создания единой Италии. Богатые землевладельцы и купцы, вступившие в партию, должны помогать революционному движению своими деньгами.

В 1831 г. Мадзини, эмигрировавший в Марсель, основал там организацию «Молодая Италия». В уставе «Молодой Италии» было сказано, что как абсолютная власть, так и конституционная монархия являются причиной всех бедствий и поэтому необходимо ликвидировать все правительства, существующие на полуострове, и основать единую и нераздельную республику.

Общество «Молодая Италия» распространило свои организации по всей стране. Состав общества был весьма разнообразен.

«Сельские попы, кондуктора дилижансов, ломбардские принципе (князья), контрабандисты, трактирщики, женщины, бандиты — все шло на дело»¹.

Основной своей опорой Мадзини считал либеральное дворянство и, по выражению Маркса, «просвещенных граждан» городов. Он забывал, «что ему следовало бы обратиться к крестьянам»². Маркс следующим образом характеризовал Мадзини: «Материальные потребности итальянского сельского населения, из которого выжаты все соки и которое систематически измучено и доведено до отупения, так же как и ирландское население, — все это, конечно, лежит вне кругозора его... манифеста. Несомненно, нужно много мужества, чтобы заявить буржуазии и дворянству, что первый шаг к независимости Италии состоит в полном освобождении крестьян и в превращении их полупарендной системы землепользования в свободную буржуазную собственность»³.

Коммунизм Мадзини ненавидел. «Я не сторонник, — говорил он, — ни дикой, нелепой и безнравственной грезы коммунизма, ни уничтожения собственности, ни разрушения всяческой свободы путем насильственно навязанной системы социальной организации, ни уничтожения капитала, ни исключительного культа материальных интересов, ни той материальной идеи, что жизнь состоит в погоне за физическим блаженством, ни замены проблемы человечества проблемой кухни человечества».

Свои философские воззрения Мадзини формулировал в лозунге «Die e rorolo» («Бог и народ»), противопоставляя этот лозунг основам пролетарского социализма⁴.

¹ Герцен «Былое и думы». Т. II, стр. 84—85. 1931.

² К. Маркс и Ф. Энгельс «Письма», стр. 58. Соцэкгиз. 1931.

³ Там же.

⁴ Мадзини, как известно, примыкал к I интернационалу. Но в I интернационале он вел энергичную борьбу против Маркса.

Мадзини был популярен на первых этапах борьбы за независимость, когда итальянское движение всячески избегало «серьезных конфликтов с правительством для того, чтобы сохранить наибольшее единство перед лицом иноземного засиления»¹.

По мере углубления революции, по мере обострения классовых противоречий в стране удельный вес мадзинизма падал.

5

В конце 1847 г. началось мощное движение крестьян и рабочих хлопчатобумажных и шолковых мануфактур. Крестьяне восставали в Сицилии, Ломбардии, рабочие выступали в Милане, Флоренции, Генуе и Венеции.

В Ливорно (Тосканское герцогство) население под руководством демократов — священника Гвераци и мясника Бартейлони — захватило власть, но вскоре тосканское правительство подавило восстание.

12 января 1848 г. в Палермо (Сицилия) городские низы и окрестные крестьяне в девятидневной уличной борьбе оттеснили правительственные войска, которые 27 января отплыли в Неаполь. Восстание было поддержано другими пунктами Сицилии. Перепуганный неаполитанский король Фердинанд II (Бурбон) опубликовал 10 февраля 1848 г. очень умеренную конституцию и призвал к власти либеральное министерство. Весть о революции в Неаполе и установлении конституции дошла до Пьемонта. Карл-Альберт также был вынужден 4 марта 1848 г. издать умеренную конституцию, пункты которой впоследствии, в 70-х годах, были положены в основу статута итальянского королевства. Пий IX тоже ввел 19 марта 1848 г. конституционное управление светскими делами Папской области, отделив церковные дела. Февральская революция во Франции, мартовские дни в Вене и в Берлине ускорили развитие революции в Италии. При первой весте о победе восставших венцев и бегстве Меттерниха, в ночь на 18 марта 1848 г., восстал Милан (центр Ломбардии).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 242.

Восставшие требовали ликвидации австрийской полиции, уничтожения цензуры, выпуска из тюрем политических заключенных, создания национальной гвардии. Австрийский фельдмаршал Радецкий потерпел поражение в бою с необученными военному искусству восставшими.

После четырехдневных боев на улицах Милана фельдмаршал Радецкий отступил к Вероне. В эти же дни восстали венецианцы. 22 марта австрийский гарнизон капитулировал и покинул город. В Венеции во главе республики стал буржуазный демократ Даниель Манин, который больше всего заботился о получении официального признания республики со стороны Англии и Франции, а не об углублении революции. Герцоги Пармы и Модены отреклись от власти. Все силы реакции сосредоточились вокруг армии австрийского главнокомандующего Радецкого, собравшейся в четырехугольнике Брешия — Верона — Пескьера — Мантуя. Для итальянского национально-освободительного движения наступили решающие дни. Национально-освободительная война стала популярнейшим лозунгом итальянцев.

Карл-Альберт под давлением «снизу» был вынужден стать во главе войны с Австрией.

Предательски предоставив инициативу австрийскому главнокомандующему Радецкому, Карл-Альберт отступил к Милану и предложил австрийцам мир. Народные массы Милана, узнав о предательстве короля, подняли восстание.

Карл-Альберт искал спасения от революции у австрийцев. 6 августа Радецкий вступил в Милан. 10 августа итальянцы отступили от Пескьеры, и вся Ломбардо-Венецианская область, за исключением Венеции, опять оказалась в руках австрийцев. 9 августа Карл-Альберт вынужден был подписать перемирие.

Папа Пий IX 29 апреля 1848 г. в воззвании к кардиналам высказался отрицательно о войне с Австрией.

Но революционная энергия итальянских крестьян, ремесленников и рабочих не ослабла. Народные волнения в Риме в ноябре 1848 г. кончились тем, что папа, переодевшись монахом, бе-

жал в крепость Гаэта, в королевство неаполитанское. 5 февраля 1849 г. в Риме была провозглашена республика. 18 февраля была провозглашена республика и в Тоскане.

Народные массы Пьемонта под влиянием событий в Риме и Тоскане требовали от Карла-Альберта новой войны с австрийцами.

12 марта 1849 г. перемирие с Австрией кончилось, и Карл-Альберт начал новую войну, но через пять дней, разбитый в битве при Наварре, окончательно капитулировал. 23 марта 1849 г. Карл-Альберт отрекся от престола в пользу своего сына Виктора-Эммануила и бежал за границу. Причины поражения пьемонтцев заключались в том, что народные массы, не имея подлинно революционных вождей, доверились савойской династии. Кроме того «ошибка пьемонтцев с самого начала заключалась в том, что они противопоставили австрийцам только регулярную армию и хотели вести самую обычную, честную войну. Народ, который хочет завоевать себе независимость, не может ограничиться обычными способами ведения войны. Массовое восстание, революционная война, партизанские отряды — вот способы, при помощи которых ма-

ленький народ может одолеть большой; только так более слабая армия может противостоять и более сильной, и лучше организованной»¹.

На выборах в учредительное собрание в Риме в январе 1849 г. сторонники папы потерпели поражение. Через четыре дня после открытия сессии подавляющим большинством голосов (120 из всего количества 142 депутатов) была провозглашена республика и уничтожена светская власть папы, которому, однако, было гарантировано сохранение прерогатив главы церкви.

6

К власти в Риме пришел триумvirат из Мадзини, Саффи и Армеллини.

Триумvirат провел ряд второстепенных реформ, не предприняв ничего реального в области экономического преобразования страны.

Он лишь ограничился постановлением о прогрессивном налоге, сбор которого не смог организовать, и разработкой проекта раздела церковных поместий на земельные участки, ко-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. VII, стр. 337.

Виктор-Эммануил II и Радецкий после битвы под Наваррой. С современной литографии.

которые предполагалось сдавать за плату в аренду.

Маркс отмечал, что «триумвирам Римской республики 1848 г., предоставившим крестьянам Кампаньи пребывать в более безнадежном порабощении, нежели рабство их предков эпохи Римской империи, было легко разглагольствовать насчет низкого духовного уровня сельского населения». Маркс писал, что, «кичась своим ложным идеализмом, они (мадзинисты. — А. Ш.) считали ниже своего достоинства знакомиться с экономической действительностью. Нет ничего легче, как быть идеалистом за счет других. Человеку пресыщенному легко смеяться над материализмом людей голодных, просящих грубого хлеба, а не возвышенных идей»¹.

Одни «разглагольствования» мадзинистов не могли привести к упрочению республики в Риме, ибо они отказались от разрешения коренного вопроса революции — уничтожения феодального землевладения.

Поражение революции 1848 г. во Франции, Германии, Австрии привело к торжеству международной реакции и сразу сказалось на революционном движении в Италии. Если международный пролетариат поддерживал движение за национальную независимость, то реакционная буржуазия всей своей мощью обрушилась на национальное движение в Италии. Международная контрреволюция начала готовить реальную вооруженную силу для восстановления в Риме власти папы.

16 апреля 1849 г. Луи Бонапарт потребовал от палаты военных кредитов на посылку экспедиции в «Среднюю Италию» якобы в противовес грозящему преобладанию Австрии на полуострове.

Наполеон III поддерживал раздробленность Италии (и Германии), заинтересованный в том, чтобы не произошло объединение Италии и Германии в целях сохранения на континенте господствующего положения Франции. Из Тулона была послана в Италию экспедиция, состоявшая из нескольких военных пароходов и 9000 солдат.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI. Ч. 1-я, стр. 508.

Виктор-Эммануил.

Папская власть в Риме была восстановлена французскими штыками, но Пий IX лишь в апреле 1850 г. вернулся в свою столицу. Все мероприятия республиканского правительства были уничтожены; была ликвидирована и конституция, дарованная самим папой. После поражения Рима держалась лишь одна Венецианская республика. Все попытки Манина — главы Венецианской республики — заручиться дружбой Англии и Франции кончились ничем.

Упорная, неравная борьба Венеции против международной контрреволюции продолжалась целый год. Наконец, 22 августа 1849 г. Венеция капитулировала. Там ввели осадное положение, которое было снято только в 1851 г. Реакция восторжествовала на всем Апеннинском полуострове. Революционные выступления народных масс Италии в 1847—1849 гг. потерпели неудачу в результате поражения революции в Европе, а также и потому, что предательство, трусость, отказ от подлинно революционных методов национально-освободительной войны и нежелание даже подумать о крестьян-

стве были свойственны всем тем, кто пытался возглавить преобразование Италии.

Только буржуазные и мелкобуржуазные историки (Тарле, Кареев, Кинг и др.) видели в лице Карла-Альберта и Мадзини вождей революции, приведших к окончательному воссоединению Италии в 70-х годах.

Буржуазные и либеральные историки в своих «исследованиях» обходили молчанием реакционную политику великих держав в Италии. Никто из них не отмечал, что глава английской политики Пальмерстон делал вид, что сочувствует итальянскому национально-освободительному движению, и соблюдал якобы нейтралитет в борьбе Италии с Австрией, в действительности же перлюстрировал письма итальянских революционеров и пересылал их Меттерниху. Правители Англии, стремясь к гегемонии на континенте, не желали усиления Австрии на Апеннинском полуострове и вместе с тем, конечно, и не думали допускать создания мощной объединенной Италии.

Луи-Наполеон Бонапарт также выдвигал демагогические лозунги о защите национальных прав итальянцев. Свое истинное отношение к борьбе итальянцев за независимость он проявил в 1849 г. при подавлении Римской республики.

7

В третий период революционной борьбы итальянского народа за освобождение от порабощения Австрией особенно четко выявилась неравномерность в развитии революционного движения в отдельных районах Италии.

На юге — в королевстве обеих Сицилий — феодальный гнет Бурбонов создавал предпосылки существования единого национального фронта.

Сложнее было дело в Ломбардии: ненависть к австрийскому порабощению там была огромна, но австрийская политика заигрывания с крестьянством заключалась в том, чтобы вызвать недовольство крестьян против итальянских помещиков. Австрийский абсолютизм имел некоторый опыт в области реформирования земельной собственности в завоеванных странах.

Маркс в письме к Вейдемейеру от 11 сентября 1851 г. указывает, что если земельный вопрос не будет разрешен по-революционному, то есть опасение, «что в крайнем случае австрийское правительство само изменит условия земельной собственности в Италии и реформирует ее как в Галиции».

В действительности, в Галиции, которую присоединили к Австрии после раздела Польши (1772, 1795 гг.), австрийские власти ограничили феодальные отношения и лишили польскую шляхту административно-судебной власти, провели регламентацию размеров барщины и оброков, запретили помещикам отнимать крестьянские наделы и пр.

Маркс указывал на необходимость решительного революционного действия в Ломбардии, чтобы инициатива не перешла к реакционной Австрии. Мадзинисты же не думали и не хотели по-революционному уничтожить феодальные земельные отношения в Ломбардии, а поэтому и не смогли возглавить национально-освободительное движение.

Кроме того в Ломбардии не было единого национального фронта еще потому, что и рабочие этой более развитой в промышленном отношении области уже вступали в явный антагонизм с капиталистами. Трусливость буржуазии, боявшейся рабочего движения, особенно ярко проявилась именно в этой области.

В Пьемонте демагогическая политика савойской династии, выступавшей под флагом национального освобождения, создавала иллюзии возможности разрешения проблемы национального воссоединения страны под руководством монархических правителей.

Поражение революции 1848 г. привело к новому разгулу реакции. Австрийские власти жестоко расправлялись с народными массами. Смертная казнь, бесчисленные аресты, контрибуции — вот методы, которыми австрийские правители хотели удержаться в Италии. С 6 августа 1848 г. по 22 августа 1849 г. было приведено в исполнение 960 смертных приговоров.

Чудовищная реакция охватила и королевство обеих Сицилий, где кровавый неаполитанский король

Фердинанд II при помощи иезуитов и гвардейщины душил все проблески национального и революционного самосознания, превращая Сицилию в страну, где под гнетом средневекового землевладения крестьянство жило в исключительной бедности, круглый год питаясь бобами. Невероятно тяжелое экономическое положение крестьянства королевства обеих Сицилий усугублялось неслыханным взяточничеством и полнейшим произволом королевских чиновников.

Итальянская буржуазия, экономическая мощь которой с 40-х годов значительно возросла, считала наиболее спокойным и выгодным для себя освобождение Италии от австрийского ига и воссоединение ее в одно централизованное государство под руководством савойской династии. Савойский же дом старался «использовать мировую борьбу между революцией и контрреволюцией подобно тому, как он использовал в свое время антагонизм народов и династий»¹.

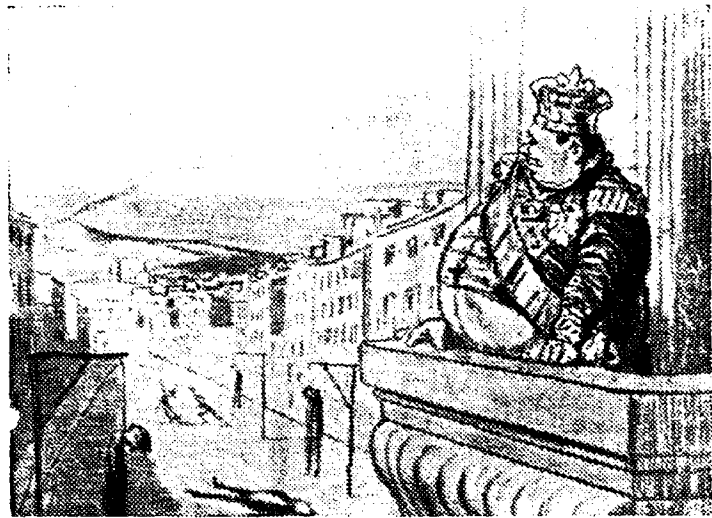
Маркс следующим образом характеризовал савойский дом: «...двусмысленность является постоянной осью, вокруг которой вращается его политика, и естественным ее следствием являются результаты, незначительные и сомнительные по своему характеру»².

Эту исторически сложившуюся династическую политику савойского дома воплотил в себе известный своими барышническими махинациями монархист Камилло-Бензо Кавур.

Кавур был, в сущности, верным слугой Наполеона III. В качестве союзника Англии и Франции он послал в Россию во время крымской войны около 12 000 итальянских солдат. После крымской войны государственный долг Пьемонта составлял 75 млн. лир.

Пьемонт был игрушкой в руках Франции, Англии, России; Австрия же всячески третировала его, подчеркивая, что Пьемонт не может участвовать в разрешении первостепенных вопросов мировой политики.

В 1859 г. пьемонтские правители

«Царь бомба». Карикатура на Фердинанда II Неаполитанского. С литогр. Домье.

во главе с Кавуром были союзниками Наполеона в затеянной им войне с Австрией. Кавур добился в парламенте займа для покрытия издержек по подготовке войны.

Наполеон, обещавший, что Италия будет свободна от Альп до Адриатического моря, после первых же побед над австрийской армией 11 июля 1859 г., заключил без ведома своих итальянских союзников в Виллафранке мир с Австрией. Военный разгром реакционной Австрии был невыгоден императорской власти Франции, боявшейся нового под'ема революционного движения. В результате войны 1859 г. Италия осталась раздробленной, а Наполеон получил Савойю и Ниццу.

Именно Кавур выступал в туринском парламенте за передачу этих провинций Франции.

После виллафранского мира, вызвавшего сильнейшее негодование всей Италии, Кавур в июле 1859 г. временно подал в отставку, чтобы снова прийти к власти 20 января 1860 года. Виллафранский договор подтвердил правильность прогноза Маркса относительно авантюры Наполеона в 1859 г. Если Лассаль считал, что надо поддержать Наполеона, то Маркс и Энгельс утверждали, что бороться с австрийским владычеством надо не под «руководством» Наполеона, а подняв широчайшие революционные народные массы на борьбу за республику, против всяких королей и царей.

После заключения виллафранского мира народные массы Тосканы, Модены и Пармы высказались за поддержку Сардинии, которую они счи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI. Ч. 1-я. Стр. 13.

² Там же.

тали оскорбленной этим миром. Тосканцы приказали своим войскам, введенным Наполеоном в Северную Италию, возвратиться на родину и защитить ее от французов, которые восстановили в Тоскане власть великого герцога. Они решили присоединиться к Сардинии, чтобы сохранить некоторые буржуазные свободы.

Правительство Пьемонта, являясь лакеем бонапартистской Франции, вело себя по отношению к Тоскане, Модене и Парме весьма нерешительно, непрерывно оглядываясь на своего французского господина.

Широкие массы крестьянства отнеслись сначала довольно пассивно к агитации сторонников присоединения к Пьемонту, понимая, что им савойская династия не даст избавления от помещиков и не наделит их землей, но промышленная буржуазия продолжала вести агитацию за присоединение.

Когда Бонапарт воспротивился присоединению других герцогств к Пьемонту, народные массы, хотя и небооруженные, проявили сильнейшую оппозицию против попыток восстановления старых правителей, изгнанных

народным движением 1859 г., после начала франко-австрийской войны.

Таким образом, несмотря на то что Пьемонт пугливо озирается на Францию в вопросе присоединения к нему других областей Италии, это присоединение было осуществлено благодаря революционной инициативе масс, использованной буржуазией так, как ей казалось наиболее выгодным.

Тоскана, Модена, Парма, Романья, не желая подчиниться своим прежним властителям, организовали военный союз под начальством вождя национально-демократического освободительного движения Джузеппе Гарибальди, чтобы продолжать борьбу. Мадзини предложил сардинскому королю послать революционную экспедицию для присоединения Неаполя к Сардинии и требовал от короля похода на Рим. Король отказался. Тогда Гарибальди, в котором народные массы Италии видели воплощение борьбы за национальную независимость и за новый демократический строй, сам снарядил экспедицию для похода на Рим, но правительство заставило его распустить сформированный им отряд.

Бурное революционное движение в Тоскане, Модене, Парме, Романье заставило и Наполеона после долгих дипломатических переговоров согласиться на присоединение к Пьемонту Савойи и Ниццы¹.

8

Но Сицилия, в которой усиливались народные движения, находилась еще под властью Бурбонов.

Тогда Гарибальди, собрав беззаветных борцов-добровольцев, уплыл с ними 5 мая 1860 г. из генуэзской гавани в Западную Сицилию и 11 мая 1860 г. высадился в Марселе. Сардинское правительство не только не помогло Гарибальди, но даже предписало властям острова Сардинии стрелять в гарибальдийцев.

Вооруженные и небооруженные сицилийские крестьяне массами присоединялись к Гарибальди. Через 2 неде-

¹ Известную роль в этом вопросе сыграло и английское правительство, не желавшее допустить усиления Бонапарта в Италии и воспрепятствовавшее восстановлению старых герцогов.

«Искусный дипломат». Карикатура на дипломатические фокусы Кавура. «Fischietto». 1853 г.

ли он взял Палермо. К 20 июля гарибальдийские войска насчитывали 25 000 человек. Правительственные войска Сицилии очистили весь остров, кроме Мессины. Диктатором острова стал Гарибальди. Через 2 месяца гарибальдийцами была взята Мессина. Гарибальди управлял островом от имени Виктора-Эммануила, хотя не имел на то официального согласия короля. Однако, в конце концов, когда Франция и другие державы примирились как с фактом с тем, что Гарибальди захватил остров, Виктор-Эммануил выразил согласие на присоединение Сицилии к Пьемонту. Тогда Гарибальди уже с помощью сардинского правительства высадился на материке у Неаполя и в течение 3 дней овладел всем побережьем. Неаполитанские войска были взяты в плен. Король Неаполя и Сицилии Франциск II, вступивший на престол после «короля-бомбы» (Фердинанда II), бежал 7 сентября 1860 года. Гарибальди в'ехал в Неаполь, где был восторженно встречен трудящимися массами.

По всему неаполитанскому королевству заранее были подготовлены и проведены восстания народных масс, ожидавших Гарибальди.

Через некоторое время войска Виктора-Эммануила вступили и в северную часть Папской области. В конце концов, под конституционным управлением савойской династии была объединена вся Италия, за исключением Рима и окрестностей, которые остались за папой, Венецианской области, Савойи и Ниццы. 18 февраля 1861 г. в Турине открылся парламент, созванный от имени уже объединенных областей Италии. 14 марта 1861 г. Виктор-Эммануил принял титул короля Италии под именем Виктора-Эммануила I. Решился он на этот шаг потому, что имел согласие Наполеона III. Парламент признал Рим «будущей столицей». Таким образом, предстояло организовать поход на Рим. Но Виктор-Эммануил воздерживался от решительных действий.

Когда в 1862 г. Гарибальди предпринял новую экспедицию и, высадившись в Палермо, оттуда переехал на материк и двинулся на Рим, король заявил в особой прокламации, что Га-

Джузеппо Гарибальди. С фото 1860 г.

рибальди — бунтовщик, и послал для его усмирения войска. У подножья Аспромонте столкнулись войска монархического Пьемонта и волонтеры Гарибальди. Легион Гарибальди был разбит, сам Гарибальди ранен в ногу и взят в плен, но скоро освобожден.

Виктор-Эммануил вел в это время дипломатические переговоры с Наполеоном о Риме, добиваясь, чтобы из Рима был выведен французский отряд, охранявший столицу папы. Наконец, Наполеон III согласился на заключение договора (сентябрь 1864 г.), по которому обязался в течение двух лет эвакуировать Рим, если папе будет предоставлена возможность иметь собственное войска, а Италия не только не будет нападать на папу, но даже защищать его. Виктор-Эммануил согласился. Договор этот вызвал сильнейшее негодование народных масс. В Турине вспыхнуло восстание, подавленное с невероятной жестокостью.

В это время удалившийся от дел Гарибальди жил на Капрере.

Хотя Гарибальди и примыкал к I интернационалу, он в то же время питал иллюзии, что король Виктор-Эммануил сможет дать подлинную свободу широким трудящимся массам.

«Я сложил с себя диктатуру, — писал Гарибальди в своих мемуарах, —

данную мне народом, передал ее в руки Виктора-Эммануила и провозгласил его королем Италии. Ему поручил я моих храбрых соратников, и это было единственным обстоятельством, причинившим мне боль при расставании»¹.

И несмотря на то что Гарибальди на своем горьком опыте мог убедиться, чего стоит «либерализм» Виктора-Эммануила, он еще раз во время войны между Пруссией и Австрией в 1866 г. помог королю.

Прусский канцлер Бисмарк, решившись на войну с Австрией, привлек на свою сторону Виктора-Эммануила. 8 апреля 1866 г. был заключен наступательный и оборонительный союз между Пруссией и Италией, по которому мирный договор с Австрией может быть заключен с согласия обоих союзников, причем Бисмарк заранее уступал Италии Венецианскую область.

Таким образом, Италия приняла участие в войне 1866 г., хотя Австрия, узнав о договоре Италии с Бисмарком, предложила без войны отдать Венецианскую область Италии.

Но Виктор-Эммануил не хотел нарушить союз с Бисмарком, и Гарибальди снова призвал своих волонтеров на помощь королю.

Война для Италии была неудачна: итальянские войска терпели поражение за поражением. Все-таки Австрия передала Венецианскую область Наполеону, который в свою очередь отдал эту область Италии.

В Риме еще властвовал папа, хотя Наполеон вывел оттуда свои оккупационные войска.

В сентябре 1867 г. Гарибальди снова созвал своих волонтеров и двинулся на Рим против воли Виктора-Эммануила. Французские войска были снова немедленно отправлены в Рим и вместе с войсками папы нанесли поражение Гарибальди, который был схвачен властями Виктора-Эммануила и снова заключен под стражу на остров Капреру.

Только после катастрофы при Седане (2 сентября 1870 г.) и ухода французского корпуса Виктор-Эммануил решил действовать. Гарибальдиец

Биксо взял Чивитавеккию. 20 сентября войска Виктора-Эммануила начали бомбардировку Рима. Войска папы очень быстро сдались. В октябре было проведено всенародное голосование о присоединении Рима к Италии.

9 октября 1870 г. состоялось официальное присоединение, а 26 января 1871 г. парламент постановил перенести столицу в Рим.

Резко критикуя Гарибальди за отсутствие последовательно революционного мировоззрения, за «голый» практицизм, за монархизм, Маркс и Энгельс восхищались его революционными методами борьбы, его решительностью и непоколебимостью в вооруженных битвах. С этой точки зрения, Маркс и Энгельс предпочитали Гарибальди Мадзини, который, являясь последовательным республиканцем, не мог, однако, организовать действительную, подлинную борьбу масс.

Маркс во всех своих высказываниях об Италии настойчиво подчеркивает, что «первый шаг к независимости Италии состоит в полном освобождении крестьян и в превращении их полуарендной системы землепользования в свободную буржуазную собственность»².

Если бы Гарибальди понял, что в Италии надо по-революционному разрешить аграрный вопрос, если бы он последовательно боролся за демократическую республику, он бы действительно сумел возглавить борьбу широких масс с либеральным дворянством и буржуазией, присвоившим плоды борьбы революционного итальянского народа. Но Гарибальди как и другие мелкобуржуазные демократы не смог завершить буржуазно-демократическую революцию. Хитрый Кавур, этот «маленький Бонапарт» Пьемонта, сумел присвоить себе славу Гарибальди и прослыть обединителем Италии.

Объединение Италии было осуществлено ценой крови пролетариев и крестьян Италии.

Савойя и Ницца остались за Францией, Южный Тироль — за Австрией, объединение не было завершено, так

¹ Гарибальди «Мои мемуары», стр. 133. Огиз. 1931.

² К. Маркс и Ф. Энгельс «Письма». Стр. 58—59. Соцэжгиз. 1931.

В'езд Гарібальди в Неаполь. О литогр. Густава Доре.

как им руководила либеральная буржуазия.

В Италии не была осуществлена демократическая республика, не был разрешен аграрный вопрос.

Партия Кавура, представлявшая интересы либеральных помещиков и буржуазии, лавируя между реакцией и национально-революционным движением, закончила объединение Италии так, как это было выгодно господствующим классам Италии.

Несмотря на это, возникновение национального независимого итальянского буржуазного государства было прогрессивным фактором в истории XIX века.

Ни зверский деспотизм Меттерниха и Радецкого, ни политика Наполеона III, заигрывавшего с деятелями национального освобождения, ни гнет российского жандарма Николая I, ни лавирование Пальмерстона не смогли воспрепятствовать созданию независимого итальянского государства.

Политика «теоретиков» и практиков европейской реакции в Италии XIX в. потерпела банкротство.

Национально-освободительная борьба итальянского народа была направлена против феодализма, против национального угнетения и способство-

вала торжеству буржуазной демократии в Западной Европе.

В этом и заключалось прогрессивное значение борьбы Италии за независимость, хотя в результате этой борьбы одна форма эксплуатации сменила другую. Итальянские фашисты, фальсифицируя историю, пытаются доказать, что они являются истинными продолжателями национально-освободительной борьбы Италии XIX века. Прикрываясь громкими фразами о независимости Италии и о ее национальных задачах, они проводят империалистическую политику, ярким примером которой является стремление фашистской Италии превратить Абиссинию в свою колонию.

Так же как в XIX веке Италию рассматривали как «неорганизованную территорию», так фашистская Италия сейчас рассматривает Абиссинию и пытается уничтожить ее независимость.

Народные массы Абиссинии, уже однажды, в 1896 году, давшие отпор попыткам поработить их, в случае если итальянские фашисты развяжут войну, пойдут по революционному пути Италии и Германии XIX века, чтобы отстоять свою независимость.

БИБЛИОГРАФИЯ

П. Галкина

А. МАЛЕНЬКИЙ. 1905 ГОД (из истории Надеждинского завода). Уралгиз. 1934. 126 стр. 90 коп., перепл. 45 коп. 3000 экз.

Книга А. Маленького, составленная из отдельных глав готовящейся к печати «Истории Надеждинского завода», посвящена истории революционного движения (1900—1907 гг.) в Надеждинске, входившем до революции в состав Верхотурского уезда, Пермской губ. (теперь город Кабаковск, Уральской области).

Книга интересна тем, что, показывая примеры революционной борьбы рабочих крупнейшего металлургического завода, она помогает широким массам рабочих и молодежи, не знающей «капиталистической каторги», понять условия жизни и борьбы рабочих дореволюционной России, сравнить прошлое с настоящим. Поэтому книгу, несомненно, полезно использовать в пропагандистской работе.

Богатый фактический материал, ряд ярких примеров из жизни надеждинского пролетариата характеризуют как первые проявления классового самосознания рабочих, так и дальнейшее развитие рабочего движения, поднятие его на высшую ступень.

Книга показывает самобытные, своеобразные черты революционного движения надеждинских рабочих, заброшенных на дальний север, далеко от центров общепролетарской революционной борьбы.

* * *

Строительство Сибирской железнодорожной магистрали в 90-х годах XIX века открыло значительный рынок для металлургической промышленности России и явилось толчком к тому, что в 1893 году статс-секретарь царского двора Половцев добился от государства больших кредитов на постройку завода в Верхотурском уезде, Пермской губ. Завод был назван «Надеждинским», в честь жены Половцева — Надежды.

Место постройки завода было выбрано удачно: там имелись значительные рудные запасы, лесные массивы и удобные речные пути, связывавшие завод с глубинными участками строящейся дороги. Сам заводоладелец непосредственно своего завода не знал и в Надеждинске никогда не бывал, не беспокоя себя утомительными поездками на север Урала, предпочитая получать прибыль при помощи высшей заводской администрации.

В отдаленном от центра Надеждинске хозяйничали действительные руководители завода — аферисты и пройдохи (подать почтенному хозяину завода), жаждавшие наживы и изощрявшиеся в раз-

нообразнейших способах эксплуатации широких рабочих масс. В короткие сроки они набивали свои карманы и отбывали в центр, уступая место себе подобным.

На смену русским инженерам и администраторам, оказавшимся неспособными поддержать производство, Половцев выписал французов, которых вскоре сменили немцы. Все они увозили с собой легко нажитые капиталы, но не оставляли на заводе положительных результатов своей инженерской и административной деятельности. «Французы ушли, унося с собой немалую ношу золота, — сообщается в книге, — немцы «отступили» с Уральского севера, как и французы, пруженные золотом» (стр. 13).

Тем временем основной рынок сбыта рельсов перестал существовать. Южные металлургические заводы уже ввозили в Сибирь новый ассортимент металлической продукции — сортовое и листовое железо, удовлетворяя растущие потребности крепнущего сибирского кулака. «Деятели» же Надеждинского завода, привыкшие к казенным поставкам, не сумели приспособиться к изменившимся условиям рынка и не находили сбыта производившимся на заводе рельсам. Однако они продолжали кричать о «победах» завода, об увеличении выплавки металла и выпуска готовой продукции. Под шум рекламы росли ставки инженеров и администраторов, но никак не производство. 60 тысячам рублей в год равнялась «заработная» плата управляющего горнопромышленным округом, 24 тысячам — оплата начальника газо-электрического цеха, мастера получали тысячные оклады.

Эти примеры красноречиво свидетельствуют о том, куда шли средства, создававшиеся кровью и потом рабочих капиталистического предприятия.

В книге показаны формы грубейшей капиталистической эксплуатации, которой подвергались рабочие северного гиганта, их бесправие, их полная экономическая зависимость от заводской администрации.

Настоящим бичом надеждинских рабочих являлась система выдачи заработной платы не деньгами, а купонами, которые администрацией расценивались рубль за рубль, а на рынке — на 25—30% ниже номинала. Купоны эти являлись, таким образом, основой блока заводских воротил и местной торговой буржуазии.

Не менее характерной формой капиталистической эксплуатации была в Надеждинске практика взимания пятачков и пятиалтынных за пользование заводской баней, аптекой, больницей и тому подобными «благами», созданными предпринимателем именно с целью «выкачки» скудных средств рабочих.

Экономическое положение надеждин-

ских рабочих существенно отличалось от положения общей массы уральских рабочих, полупролетариев - полукрестьян, получавших, хотя и небольшой, но все же дополнительный доход со своих приусадебных хозяйств, которых не было у надеждинцев. Надеждинские рабочие были подлинными пролетариями и, естественно, они являлись одним из наиболее революционных отрядов уральского пролетариата.

До 1899 года в Надеждинске почти не была развернута революционная пропаганда, если не считать пропаганды народнических идей, которую вели отдельные студенты Казанского университета, эпизодически приезжавшие в Надеждинск.

Политическая работа среди них была начата в 1899 г. ссыльным студентом Безруковым.

Однако рост забастовочного движения Петербурга во второй половине 90-х годов, всеобщая забастовка и демонстрация в Харькове в 1900 году, политические стачки 1901 года, баррикадная борьба обуховских рабочих, ростовская стачка вызвали отклик и среди надеждинских рабочих.

Красочно и правдиво показан в книге процесс роста классового самосознания надеждинских рабочих, зигзаги его развития, наконец, вступление рабочих на правильный, большевистский путь.

Пропаганда революционных идей началась в Надеждинске при драматическом кружке, который ставил пьесы из жизни «простого народа». Созданный из 40 рабочих, драмкружок собирался на репетиции, где, кроме чтения ролей, проводились беседы о заводских делах, критиковались цеховые мастера, положение рабочих и местные порядки.

Читая книжку «Из истории Надеждинского завода», воочию видишь, как возникла и росла у рабочих потребность собираться вместе и обсуждать свои нужды.

В 1901 году в Надеждинске был сформирован социал-демократический кружок, который в силу своей недостаточной политической зрелости, организационно объединился с эсерами. Под руководством этого социал-демократического кружка надеждинские рабочие вступили и в бурный 1905 год, ускоривший процесс оформления классового самосознания пролетариата.

1 мая 1905 года надеждинские рабочие вышли на церковную площадь с красными флагами. В этот же день появились первые листовки, напечатанные в самом Надеждинске первым местным социал-демократом Сенокосовым. В городе шли митинги за митингами, на которых социал-демократы старались связать воедино рабочих, в подавляющем большинстве своем еще распыленных и не организованных.

Движение надеждинских рабочих в 1905 году началось с экономических требований. Рабочие даже постановили до-

бываться высылки за пределы Надеждинска одного из ораторов, выступившего с призывом к вооруженному восстанию.

Основные требования, выдвигавшиеся надеждинскими рабочими, были следующие: уничтожить банные пяточки, заводские лавки, систему бан.

Любопытны и следующие требования, выдвинутые надеждинскими рабочими и свидетельствующие о низком уровне классового сознания рабочих: «Расширить арестное помещение и заставить полицию вежливо обращаться с арестованными», заменить старых полицейских новыми и т. п.

Но все это было «ломаной кривой политического роста рядовых рабочих». Жизнь и борьба неизбежно втягивали рабочие массы в «большую политику».

12 мая рабочие под руководством социал-демократов прогнали всю полицию во главе с ее начальником и создали совет рабочих депутатов, подчинивший себе заводскую администрацию.

Поселок оказался лишенным официальной власти. Правда, совет рабочих депутатов также ограничивался ролью борца за экономические нужды рабочих, но то, что совет разогнал полицию, заставил управляющего по первому требованию являться на заседания совета и удовлетворять основные требования масс, создал «народный суд» из рабочих во главе с руководителем местной социал-демократии, заставив администрацию считаться с постановлениями суда,— все это вносило в движение надеждинского пролетариата уже нечто новое и существенное. Правда, движение это шло еще зигзагообразно, чему немало способствовало противоестественное сожительство социал-демократов и эсеров в одной организации, вплоть до 1905 года включительно.

Яркой характеристикой противоречивости такого политического руководства, с одной стороны, и психологии рабочих, только начавших приобщаться к политике, с другой,— явилось положительное отношение надеждинских рабочих к царскому манифесту 17 октября. В то время как пролетариат передовых промышленных центров встретил манифест молчанием, в Надеждинске была организована манифестация с красными флагами, под эсеровским лозунгом «Свобода, равенство и братство» и социал-демократическим — «Долой монархию!» Демонстрация сопровождалась церковным молебном. При этом поп совершал богослужение на демонстрации и просил бога «допустить до рая убиенных крамольников».

Все это имело место 19 октября, а 21 октября рабочие надеждинского завода отказались праздновать день вошествия на престол Николая II и вышли на работу, проведя таким образом забастовку навыворот.

Были приняты меры к ликвидации революционного движения. Николай II лич-

но следил за борьбой с революционными рабочими Надеждинска, регулярно получая донесения «начальника по усмирению народных волнений в Пермской губернии».

К концу 1905 года Надеждинск был наводнен военщиной, помогшей местным властям восстановить «порядок» и ликвидировать все завоевания революции. Но социал-демократическая организация, решительно разединившись с эсерами и уйдя в подполье, продолжала жить и действовать.

Большевистская партия начала направлять в Надеждинск профессиональных революционеров, под руководством которых силы рабочих вызревали для новых революционных боев.

Включившись в события 1905 года с некоторым опозданием, надеждинские рабочие наверстывали «упущенное», идя навстречу реакционному 1907 году на волне подъема.

В период выборов во II государственную думу рабочие специальным постановлением удалили с предвыборного собрания полицию, а в выборщики, вопреки правительственному указу, допустили всех рабочих завода. «Вон!—кричали рабочие появившейся на выборах полиции.—Вон! Или выбросим как щенков! Мы политически вполне созрели и можем самостоятельно, без полицейских нянек, решать свою политическую судьбу!»

Во время выборов надеждинские рабочие вновь создали совет рабочих депутатов. В ответ на это царское правительство двинуло в Надеждинск усиленный отряд пермских солдат. Небольшой, но опасный для царизма революционный островок в разбушевавшемся море реакции устоять не мог. Но «никем не может быть оспорен вывод. К январю 1907 г. уже не существовало больше старого верноподданного, покорного Надеждинска. Он нашел себе кончину в огне событий 1905—1907 годов».

Так, удаленный от центра, затерянный в глуши уральского севера, рабочий Надеждинск стал одним из опасных очагов революции.

Привлеченный А. Маленьким фактический материал лишний раз подтверждает известное положение Ленина, что передовой частью российского пролетариата являются металлисты. В Надеждинске, как и в других промышленных городах России, легче всего воспринимали социал-демократические идеи и наибольшей активностью отличались рабочие-металлисты.

К числу недостатков книжки следует отнести то, что автор не всегда соблюдает хронологическую последовательность в изложении фактического материала и некоторую слабость политического анализа.

Однако эти недостатки не умаляют общей полезности книги, рассчитанной на широкий круг читателей с разным уровнем политической подготовки.

Р. Тагиров

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

О МАЛОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

«Малая советская энциклопедия» призвана обслужить «средний актив советской общественности». Являясь, как заявляют сами ее составители, «справочником и хорошим пособием для самообразования», она должна стать «рупором пролетарской революции и средством для прояснения классового сознания широких масс трудящихся, орудием просвещения и строительства». Стало быть, она должна давать не только краткие ответы на те или иные вопросы, но освещать эти вопросы в свете борьбы марксизма-ленинизма с неправильными и вредными для пролетариата толкованиями. Между тем «Малая советская энциклопедия» не выполняет своих обещаний, которые даны в предисловии от редакции. Чтобы не быть голословными, разберем некоторые «слова» по разделу «Всеобщая история» (редактор—Г. С. Зайдель, пом. ред.—А. И. Дробинский).

Возьмем для примера из I тома (второго издания) следующие слова: «А л ь я н с» (стб. 294), «Б а к у н и н» (стб. 672—674) и «А н а р х и з м» (стб. 347—350). Посмотрим, как же «Малая советская энциклопедия» устами авторов («А н а р х и з м»—В. З а л е ж с к и й и «Б а к у н и н»—Б. Г о р е в), объясняющих эти слова, мобилизует средний актив советской общественности на борьбу с анархизмом. По сравнению с первым изданием в освещении этого вопроса есть некоторое расширение: введено новое слово—«А л ь я н с», которого в первом издании не было. Но это количественное увеличение. В отношении качества все осталось без перемен. Ошибки, допущенные в первом издании, повторяются и во втором издании.

Недостаточно освещена разница между анархизмом и коммунизмом. Приводя цитаты Ленина о том, что:

«Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как цели. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти против эксплуататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса»; «Смена буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции. Уничтожение пролетарского государства, т.е. уничтожение всякого государства, невозможно иначе, как путем

но следил за борьбой с революционными рабочими Надеждинска, регулярно получая донесения «начальника по усмирению народных волнений в Пермской губернии».

К концу 1905 года Надеждинск был наводнен военщиной, помогшей местным властям восстановить «порядок» и ликвидировать все завоевания революции. Но социал-демократическая организация, решительно разединившись с эсерами и уйдя в подполье, продолжала жить и действовать.

Большевистская партия начала направлять в Надеждинск профессиональных революционеров, под руководством которых силы рабочих вызревали для новых революционных боев.

Включившись в события 1905 года с некоторым опозданием, надеждинские рабочие наверстывали «упущенное», идя навстречу реакционному 1907 году на волне подъема.

В период выборов во II государственную думу рабочие специальным постановлением удалили с предвыборного собрания полицию, а в выборщики, вопреки правительственному указу, допустили всех рабочих завода. «Вон!—кричали рабочие появившейся на выборах полиции.—Вон! Или выбросим как щенков! Мы политически вполне созрели и можем самостоятельно, без полицейских нянек, решать свою политическую судьбу!»

Во время выборов надеждинские рабочие вновь создали совет рабочих депутатов. В ответ на это царское правительство двинуло в Надеждинск усиленный отряд пермских солдат. Небольшой, но опасный для царизма революционный островок в разбушевавшемся море реакции устоять не мог. Но «никем не может быть оспорен вывод. К январю 1907 г. уже не существовало больше старого верноподданного, покорного Надеждинска. Он нашел себе кончину в огне событий 1905—1907 годов».

Так, удаленный от центра, затерянный в глуши уральского севера, рабочий Надеждинск стал одним из опасных очагов революции.

Привлеченный А. Маленьким фактический материал лишний раз подтверждает известное положение Ленина, что передовой частью российского пролетариата являются металлисты. В Надеждинске, как и в других промышленных городах России, легче всего воспринимали социал-демократические идеи и наибольшей активностью отличались рабочие-металлисты.

К числу недостатков книжки следует отнести то, что автор не всегда соблюдает хронологическую последовательность в изложении фактического материала и некоторую слабость политического анализа.

Однако эти недостатки не умаляют общей полезности книги, рассчитанной на широкий круг читателей с разным уровнем политической подготовки.

Р. Тагиров

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

О МАЛОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

«Малая советская энциклопедия» призвана обслужить «средний актив советской общественности». Являясь, как заявляют сами ее составители, «справочником и хорошим пособием для самообразования», она должна стать «рупором пролетарской революции и средством для прояснения классового сознания широких масс трудящихся, орудием просвещения и строительства». Стало быть, она должна давать не только краткие ответы на те или иные вопросы, но освещать эти вопросы в свете борьбы марксизма-ленинизма с неправильными и вредными для пролетариата толкованиями. Между тем «Малая советская энциклопедия» не выполняет своих обещаний, которые даны в предисловии от редакции. Чтобы не быть голословными, разберем некоторые «слова» по разделу «Всеобщая история» (редактор—Г. С. Зайдель, пом. ред.—А. И. Дробинский).

Возьмем для примера из I тома (второго издания) следующие слова: «А л ь я н с» (стб. 294), «Б а к у н и н» (стб. 672—674) и «А н а р х и з м» (стб. 347—350). Посмотрим, как же «Малая советская энциклопедия» устами авторов («А н а р х и з м»—В. З а л е ж с к и й и «Б а к у н и н»—Б. Г о р е в), объясняющих эти слова, мобилизует средний актив советской общественности на борьбу с анархизмом. По сравнению с первым изданием в освещении этого вопроса есть некоторое расширение: введено новое слово—«А л ь я н с», которого в первом издании не было. Но это количественное увеличение. В отношении качества все осталось без перемен. Ошибки, допущенные в первом издании, повторяются и во втором издании.

Недостаточно освещена разница между анархизмом и коммунизмом. Приводя цитаты Ленина о том, что:

«Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как цели. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти против эксплуататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса»; «Смена буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции. Уничтожение пролетарского государства, т.е. уничтожение всякого государства, невозможно иначе, как путем

«омирания»¹,— Залежский заявляет, что и «анархисты и коммунисты стоят за насильственное разрушение всей капиталистической системы», совершенно не показывая резкого отличия в подходе к этому вопросу и в разрешении его между марксистами и бакунистами. Залежский обходит вопрос о целях борьбы, упуская при этом «маленькое» замечание Маркса в письме к Энгельсу в связи с обсуждением вопроса о приеме Альянса в Интернационал (кстати надо отметить, что почему-то при характеристике Альянса не указываются его программные и тактические установки).

Маркс пишет: «Согласно § 1 устава (устава «Международного товарищества рабочих».—Р. Т.), допускается всякое общество рабочих, «которое стремится к той же самой цели, т. е. к защите, движению вперед и полному освобождению трудящихся классов».

Что касается программы «Альянса», то Генеральный совет не подвергает ее критическому разбору. Он не исследует, является ли она полным и правильным научным выражением рабочего движения. Он спрашивает лишь об одном, не противоречит ли ее общая тенденция общей тенденции международного общества рабочих—полному освобождению трудящихся классов.

Этот упрек может относиться лишь к одной фразе программы, § 2: «она хочет прежде всего политического, экономического и общественного уравнивания классов». Если буквально толковать выражение «уравнивание классов», то это есть не что иное как другими словами выраженная мысль о «гармонии между капиталом и трудом», которую проповедают буржуазные социалисты. Не «уравнивание классов», что логически невозможно, но исторически необходимое «уничтожение классов» составляет конечную цель «Международного общества рабочих»². Таким образом, идеалу пролетариата—коммунизму, строю, при котором не будет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых, ни классов вообще, Бакунин противопоставлял мелкобуржуазную, реакционную утопию об уравнивании классов, о «растворении классов богатого и бедного в некоем среднем классе».

Автор не отмечает и того, что Бакунин был враждебен не только диктатуре пролетариата, но и коммунизму, заявляя, что он является коллективистом, потому что признает коллективную собственность, но ненавидит коммунизм, так как коммунизм является отрицанием свободы, без которой невозможно развитие человеческой личности.

Необходимо было особо оттенить эти моменты и подвергнуть критике вредные установки в вопросах бакунизма меньшевика Д. Рязанова, не замечавшего разницы в конечных целях, к которым

стремились бакунизм и марксизм. Резкая критика «теории» Рязанова была тем более необходима, что в первом издании «Малой советской энциклопедии» широко популяризировались работы Д. Рязанова.

Правда, кое-какие попытки борьбы с враждебными марксизму-ленинизму теориями имеются, но совершенно недостаточные. Так например в статье «Анархизм» есть указание на ошибочные установки Плеханова, но в чем конкретно вредность этих установок, не сказано.

Нам известно, что борьба между марксистами и бакунистами развертывалась не только внутри самого I интернационала, как утверждает Залежский, но во всем международном рабочем движении. Надо было дать конкретное разъяснение, по каким же принципиальным вопросам шла эта борьба, и тем самым еще полнее вскрыть физиономию Бакунина и бакунизма. Почему-то нигде не сказано о том, что Бакунин и анархисты в борьбе с марксизмом не брезговали связью с открыто контрреволюционными силами, с жандармерией. Совершенно не показано отношение Бакунина к Парижской коммуне. Вывод: эти статьи совершенно недостаточно мобилизуют «средний актив советской общественности» на борьбу с анархизмом.

Такой же вывод можно сделать и по другим разделам «Малой советской энциклопедии», например при разъяснении слова «Абсолютизм» (стб. 32—33) автор, тов. Покровский, не раскритиковал каутскианско-троцкистской концепции по этому вопросу—толкования абсолютизма как надклассового органа.

В статьях «Вавилония» (том II, стб. 210—211), «Ассирия» (том I, стб. 556) история этих стран освещается без характеристики классовой борьбы между двумя основными классами: рабами и рабовладельцами. Кроме того в списках литературы указаны работы: Тураев—«Классический Восток», 1924 г., Хвостов М.—«История древнего Востока», изд. 1927 г.,—но не только не дана критика этих пособий, не сделано даже никакой оговорки о том, что эти книги содержат ряд принципиально неправильных установок.

Ясно совершенно, что преподнесение без критики читателю работ Хвостова и Тураева, активного участника религиозно-политического движения против советской власти, ни в коем случае не обеспечивает уяснения широкими массами читателей энциклопедии основных марксистских взглядов.

Если учесть недавно появившуюся рецензию Вл. Сорина и А. Иванова на статью «ВКП(б)» во II томе «Малой советской энциклопедии» (см. журнал «Большевик» № 3 за 1935 г., стр. 87, 96), то станет совершенно ясно, что необходимо принять более радикальные меры к действительной перестройке работы «Малой советской энциклопедии» вообще, а по разделу «История» в частности.

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 411, 383.

² Письма Маркса и Энгельса. Под ред. Адоратского, стр. 263—264. М. 1931.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ 1905 ГОДА

ИЮЛЬ

1 (18 июня)

Броненосец «Потемкин» ушел из Одесского порта. Восстание на транспорте «Прут».

Начало забастовки приказчиков в Кишине. Ряд митингов протеста в Двинске против булыгинской думы.

Депутация гр. Гудовича и кн. Трубцкого к царю с запиской 26 губернских предводителей дворянства о безотлагательном созыве выборных от земли.

2 (19 июня)

«Георгий Победоносец» сдался русским властям. Манифестация в Волковышках.

3 (20 июня)

«Потемкин» прибыл в Констанцу (в Румынии). Начало всеобщей забастовки в Екатеринославе и в Тифлисе. Начало забастовки в Кельцах. Митинг на площади в Екатеринославе, столкновение рабочих с казаками. Столкновение рабочих с жандармами в Кельцах. Столкновение толпы с полицией в Киеве. Демонстрация в Сувалках и в Колпине.

Собрание крестьян в Ленневардже, Курляндской губернии; принята резолюция с требованием отмены усиленной охраны и введения политических свобод. Выборные от селений Осетии подали генералу Михайлову требование о введении свобод и созыве народных представителей.

4 (21 июня)

«Потемкин» ушел из Констанцы. Всеобщие политические забастовки в Гродне, Сморгони и Белостоке.

Рабочий митинг в Харькове. Демонстрация в Вильне. Попытка манифестации в Екатеринославе, столкновение манифестантов с войсками.

Прием царем депутации «русских людей».

Избиение евреев в Белостоке.

5 (22 июня)

«Потемкин» прибыл в Феодосию. Демонстрация в Варшаве на похоронах рабочего, раненого на баррикадах 26 (13 июня). Столкновение рабочих с полицией и войсками в Екатеринославе.

В Черкасах, Киевской губернии, начался еврейский погром, продолжавшийся два дня.

6 (23 июня)

В Феодосии объявлено военное положение, «потемкинцы» обстреляны войсками; «Потемкин» ушел из Феодосии. В Севастополе начался суд над матросами транспорта «Прут». Однодневная политическая забастовка, митинг и демон-

страция в Запорожье-Камском, Екатеринославской губернии. Демонстрация в Армавире; перестрелка с полицией.

В Тифлисе брошена бомба в казачий пост.

7 (24 июня)

«Потемкин» вторично прибыл в Констанцу. Демонстрация в Поневеже. Разгром лавок и фабрикантских дач в Иваново-Вознесенске. Разгром лавок в селе Елшанке, Саратовского уезда. «Беспорядки» в Александровском резервном батальоне в Елисаветполе. В разных местах Тифлиса брошено 5 бомб в казаков и полицию. Брошена бомба в жандармский патруль в Варшаве.

8 (25 июня)

«Потемкин» сдался румынским властям в Констанце. Политическая забастовка и манифестация в Петрокове. Манифестация в Орше.

9 (26 июня)

Всеобщая политическая забастовка в Харькове. Бунт в двинской тюрьме. В Лодзи брошена бомба в казацкие казармы.

10 (27 июня)

Политическая забастовка в Могилеве губернском. Иванововознесенский совет рабочих депутатов постановил прекратить забастовку. 14 (1 июля).

Столкновение рабочих с патрулем в Варшаве. «Беспорядки» в дисциплинарном батальоне в Херсоне.

В Тифлисе и его уезде введено военное положение.

Избиение евреев в Белостоке.

11 (28 июня)

Всеобщая политическая забастовка в Минске; столкновение рабочих с войсками. Начало забастовки в Бердичеве. Демонстрация в Вильне; столкновение с войсками.

13 (30 июня)

Политические забастовки в Быхове, Борисове и Брест-Литовске. Большой уличный митинг в Гомеле. Бунт в тюрьме в Орше.

14 (1 июля)

Забастовка грузчиков в Астрахани. Демонстрация в Самаре. Рабочий митинг в городском саду в Керчи.

В Териоках открылся III всероссийский съезд Союза союзов, продолжавшийся 3 дня; на съезде постановлено бойкотировать булыгинскую думу.

15 (2)

Начало забастовки в Костроме. Забастовка грузчиков в Кронштадте. Забастовка протеста в Кашине по поводу убийст-

ва рабочего в полицейском участке; демонстрация на похоронах убитого. Демонстрация в местечке Дубровне, Могилевской губернии.

16 (3)

Всеобщая политическая забастовка в местечке Дубровне, Могилевской губернии. Демонстрация в Житомире. Демонстрация в Сессауской церкви в Курляндии; вооруженное столкновение демонстрантов с баронами.

18 (5)

Всеобщая забастовка в Орше; митинг на бульваре и стычка с казаками. Забастовка в Мотовилихе (близ Перми). Демонстрация в Лодзи, сопровождавшаяся расстрелом демонстрантов.

В Томске торжественно открыт памятник члену РСДРП И. Е. Кононову, убитому на демонстрации 31 (18 января); на кладбище состоялся многолюдный митинг.

В Новой Александрии, Люблинской губернии, произошло возмущение в воинских частях; убиты командир бригады и два полковых командира; столкновение восставших солдат с казаками.

19 (6)

Всеобщая забастовка в Лодзи. Политическая забастовка и уличная манифестация в Слуцке. Столкновения рабочих с полицией и казаками в Казани и в Екатеринославе.

В Москве открылся съезд земских и городских деятелей.

20 (7)

Всеобщая политическая забастовка в Бобруйске. Демонстрация в Митаве на похоронах рабочего Здыбна, убитого полицейским приставом Детловским.

Избиение рабочих казаками в Витебске.

21 (8)

Демонстрация портовых рабочих в Либаве. Многолюдный митинг в Сормове в связи с полугодовщиной событий 22 (9 января).

22 (9)

Забастовка по поводу полугодовщины событий 22 (9 января) в Петербурге, Сестрорецке, Нижнем, Сормове; митинги в Петербурге, Колпине, Нижнем, Сормове, Житомире, Чернигове, Витебске; демонстрации в Нижнем, Казани, Ставрополе, Витебске, Сестрорецке; в Нарыме и Витебске демонстрации сопровождались столкновениями с полицией и казаками.

23 (10)

Митинг в Сормове, сопровождающийся столкновением с полицией. Митинг и демонстрация в Муроме; столкновение с полицией. Демонстрация в Либаве на похоронах социал-демократа Яна Преденека, убитого казаками. Столкновения

рабочих с войсками в Либаве и в Мотовилихе.

Избиение черносотенцами евреев и интеллигенции в Нижнем при содействии полиции и казаков.

24 (11)

Начало забастовок на кожевенных заводах в Вильне, на патронном и медоплавильном заводах в Туле, в Пружанах, Гродненской губернии, и на Владикавказской железной дороге.

Большой митинг в Витебске. Столкновение рабочих с черносотенцами в Нижнем. Демонстрация в Сормове на похоронах рабочих, убитых 22 (9 июля) в Нижнем. Еврейский погром в местечке Рышконовке, Бессарабской губернии. Избиение евреев на базаре в Бобруйске; манифестации протеста по этому поводу.

25 (12)

Начало всеобщей забастовки в Риге. Забастовка протеста против избиений евреев в Бобруйске; ряд уличных манифестаций; демонстрация на похоронах рабочего Генкина, убитого 24 (11 июля). Демонстрация в Кутаисе на похоронах социал-демократа А. Цулукидзе, умершего 22 (9 июля); торжественное перенесение его тела из Кутаиса в Хони.

Сормовские рабочие отправили в Нижний дружину для борьбы с черной сотней.

Совещание представителей ЦК и ОК РСДРП по вопросу об объединении партии.

26 (13)

Демонстрация в Риге.

27 (14)

Забастовка рабочих на кирпичных заводах близ Митавы. Рабочий митинг в Двинске; расстрел митинга войсками.

28 (15)

Забастовка извозчиков в Ростове на Дону. Забастовка железнодорожников на станции Новороссийск. Демонстрация в Риге. Демонстрация в Двинске на похоронах рабочих, убитых 27 (14 июля). Демонстрация в Сормове на похоронах рабочих социал-демократов А. Дмитриева и Л. Командина, убитых 24 (11 июля) в Нижнем. Кровавая схватка между рабочими и казаками в Ростове на Дону.

29 (16)

Демонстрация в Риге. Митинг протеста в Шклове против массовой порки крестьян села Дятловичи.

30 (17)

Митинг в Чернигове. Избиение рабочих и интеллигенции черносотенцами в Кишиневе.

31 (18)

Демонстрация в Риге.

АВГУСТ

1 (19 июля)

Политическая забастовка в Ревеле. Начало забастовки портовых рабочих в Риге.

Вооруженное нападение на раз'езд конных городских в Екатеринославе.

Расстрел бастующих железнодорожных рабочих в Новороссийске.

2 (20 июля)

Всеобщая забастовка в Калише по поводу убийства в полицейском участке рабочего-социал-демократа Пидарского; демонстрация на похоронах Пидарского.

Столкновение крестьян с казаками на ярмарке в Балашове. Еврейский погром в Екатеринославе; столкновение социал-демократической самообороны с полицией и казаками. Избиение евреев войсками в Житомире.

В Феодосии военным судом приговорен к смертной казни рядовой Виленского полка П. Могеллобер за покушение на полкового командира Герявека.

3 (21 июля)

Демонстрация на похоронах убитых 1 августа (19 июля) в Новороссийске. Демонстрация на похоронах убитого 2 августа (20 июля) социал-демократа в Екатеринославе.

Избиение врачей черной сотней и казаками в Балашове; разгром квартир балашовской интеллигенции.

4 (22 июля)

В Гомеле начались избиения евреев казаками, продолжавшиеся 4 дня.

5 (23 июля)

Началась забастовка в Ростове на Дону. Ряд манифестаций в Гомеле; расстрел манифестантов войсками.

В Москве открылся II съезд всероссийского железнодорожного союза.

6 (24 июля)

Демонстрация в Немме, близ Ревеля; столкновение демонстрантов с казаками. Манифестация в городском саду в Ставрополе.

Избиение евреев казаками в Пинске. Расстрел массовки в Смоленске.

7 (25 июля)

Политическая забастовка в Пинске и в Бердичеве. Манифестация в Бердичеве, в Березине (Минская губерния) и в Ошмянах. Демонстрация на похоронах рабочего-бундовца в Слуцке. Столкновение рабочих с полицией и драгунами в Ковне. Начало всеобщей стачки сельскохозяйственных рабочих в Митаво-Баусском, Бобленском и Туккумском уездах Курляндии по призыву митаевского комитета латвийской социал-демократической партии.

Первое свидание уполномоченных России и Японии в Ойстербе.

8 (26 июля)

Всеобщая политическая забастовка в Ковне; демонстративные проводы в костел трупов рабочих, убитых накануне при столкновении с полицией и драгунами. Демонстрация на похоронах бундовца Гершона в Пинске. Ряд кровавых столкновений рабочих с полицией и войсками в Риге.

9 (27 июля)

Начало стачки железнодорожных рабочих в Чите. Демонстрация на похоронах рабочих, убитых 7 августа (25 июля) в Ковне. Большой митинг в окрестностях Киева. Столкновение рабочих с казаками в Риге. Избиение рабочих казаками в Вильне.

Начало мирных переговоров представителей России и Японии в Портсмуте.

10 (28 июля)

Рабочие митинги на еврейских кладбищах по поводу проекта Государственной думы в Невеле, Брест-Литовске, Смоленске, Ровне, Кишеневе, Луцке, Проскурове, Влоцлавске, Березине, Почепе, Борисове; в Борисове собравшиеся рабочие избиты полицией и войсками. Демонстрации в Керчи, в Ростове и Влоцлавске. Политические забастовки в Минске, Бердичеве и Волковыске. Демонстративные проводы тела убитого солдатами бундовца Этингофа в Могилеве; расстрел демонстрантов войсками. Громадный рабочий митинг в Риге, на Петербургском шоссе, рассеянный войсками.

11 (29 июля)

Большой митинг рабочих разных заводов на дворе Паровозостроительного завода в Харькове.

12 (30 июля)

Демонстрации в Либаве и в местечке Евьем, Виленской губернии. Начало забастовки в местечке Добрянке, Могилевской губернии.

В Белостоке брошена бомба в патруль. Побоище в Белостоке, устроенное полицией и казаками. «Патриотическая» манифестация в Керчи.

В Севастополе военно-морским судом приговорены 4 матроса к смертной казни и 3—к бессрочной каторге за участие в восстании на транспорте «Прут».

13 (31 июля)

Манифестация в Невеле; попытка еврейского погрома, ликвидированная самообороной. Забастовка и уличный митинг в Ченстохове по случаю похорон рабочих, погибших от несчастного случая на заводе Ляндау. Митинг на кладбище в Виддрише, в Лифляндии; перестрелка крестьян с баронами.

В Керчи начался еврейский погром, продолжавшийся два дня; расстрел самообороны войсками.

Под Москвой открылся учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза.

14 (1)

Ряд манифестаций в Бобруйске; избивание манифестантов полицией. Демонстрация на похоронах убитых 12 августа (30 июля) в Белостоке.

В Кронштадте, в военно-морском суде, началось слушание дело о 137 матросах, участниках «беспорядков» 28 (15 июля).

15 (2)

Демонстрация в Вильне.

В Борисове брошена бомба в кавалерийский патруль.

В Варшаве военным судом приговорен к смертной казни М. Костржак за вооруженное сопротивление при аресте типографии Социал-демократической партии Польши и Литвы. В Севастополе, в военно-морском суде, началось слушание дело о «беспорядках» на броненосце «Синоп».

17 (4)

Начало стачки железнодорожных рабочих в Красноярске; демонстрация, сопровождавшаяся столкновением с войсками.

Столкновение крестьян с казаками в селе Мчадисдхвари, Душетского уезда.

18 (5)

Всеобщая забастовка протеста против белостокской резни в Варшаве; демонстрации; избивание демонстрантов полицией и войсками.

19 (6)

Забастовка и демонстрация в местечке Хмельнике, Подольской губернии. В Доблекском уезде (в Курляндии) подожжено крестьянами имение Энденгоф.

Избивание казаками толпы рабочих на Таурогенском шоссе, в Шавлях. Избивание казаками толпы арестованных в окрестностях Смоленска. Опубликовано положение о Государственной думе.

Курляндия объявлена на военном положении.

20 (7)

Ряд манифестаций в местечке Хмельнике, Подольской губернии. Большой уличный митинг в Киеве. Митинг на станции Перово Московско-Казанской железной дороги; столкновение с казаками. Разгром Медзен-Вигриниленского волостного правления в Курляндии. Вооруженное нападение на казачий раз'езд близ Митавы.

21 (8)

Всеобщая политическая забастовка в Лодзи и в Слониме. Манифестация в Слониме. Демонстрация на похоронах рабочих, убитых 19 (6 августа) в Шавлях.

22 (9)

Начало стачки железнодорожных рабочих в Иркутске. Забастовка и митинг в Шавлях по поводу избивания рабочих казаками 19 (6 августа).

23 (10)

Политическая забастовка в Радоме, Люблине и Седлеце. Попытка демонстрации в Седлеце; столкновение демонстрантов с патрулем. Демонстрация в Красноярске; столкновение с казаками. Варшава и Варшавский уезд объявлены на военном положении.

24 (11)

Начало забастовки в Твери. Демонстрация в Брянске. Демонстрация в Красноярске, сопровождавшаяся столкновением с казаками. В Кронштадте военно-морским судом приговорены к смертной казни 8 матросов за участие в «беспорядках» 28 (15 июля).

25 (12)

Избивание евреев войсками в Варшаве. Избивание заключенных в Могилевской тюрьме.

26 (13)

Демонстрация в Красноярске на похоронах рабочего Чальникова, убитого 23 (10 августа).

Побег из Севастопольской военной тюрьмы одного из руководителей восстания на «Потемкине», К. И. Фельдмана.

28 (15)

Политическая забастовка в Ченстохове.

29 (16)

Всеобщая политическая забастовка в Ковне. Всеобщая забастовка протеста против мобилизации в Риге; столкновение рабочих с полицией и казаками. Начало всеобщей забастовки протеста против мобилизации в Либаве (забастовка продолжалась 3 дня); многолюдный рабочий митинг; демонстрация.

В Шуше и Шущинском уезде началась «армяно-татарская резня».

В Портсмуте подписаны предварительные условия мира между Россией и Японией.

30 (17)

Попытка еврейского погрома в местечке Дольне, близ Вильны, ликвидированная самообороной.

31 (18)

Столкновение забастовщиков с штрейкбрехерами в Красноярске; избивание забастовщиков жандармами, солдатами и черносотенцами.

В начале августа в Женеве вышла брошюра Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

СЕНТЯБРЬ**1 (19 августа)**

Манифестация в Сувалках.

2 (20 августа)

Уличный митинг в Пирятине, Полтавской губернии. Столкновение рабочих с полицией и войсками в Либаве при отправке запасных.

В Баку снова началась «армяно-татарская резня».

3 (21 августа)

Забастовки в Мглине, Черниговской губернии, и Сопоткине, Гродненской губернии. Грандиозный крестьянский митинг в Саквавне-Тиг в Гурии. Столкновение рабочих с войсками в Либаве.

4 (22 августа)

Начало всеобщей забастовки в Быхове, Могилевской губернии. Демонстрация на похоронах убитой хулиганом еврейки Леи Перельман в Кишеневе; столкновение с полицией и черной сотней.

В Вильне убит провокатор Свядош.

5 (23 августа)

Политическая забастовка и манифестация в Чешниках, Витебской губернии.

6 (24 августа)

В Витебске в городской думе рабочие устроили манифестацию протеста против булыгинской думы.

В Севастополе казнены 4 матроса с транспорта «Прут» (Петров, Титов, Адамченко и Черный). В Херсоне казнены 4 солдата по обвинению в покушении на командира дисциплинарного батальона.

7 (25 августа)

Политическая забастовка в Прилуках, Полтавской губернии. Демонстрация на похоронах работницы-бундовки в Проскурове, Подольской губернии.

8 (26 августа)

Всеобщая забастовка протеста против ареста агитаторов в городе Гори, Тифлисской губернии.

В Варшаве казнен социал-демократ М. Каспржак за вооруженное сопротивление при аресте типографии в 1904 г.

9 (27 августа)

Рабочий митинг в Батуме. «Беспорядки» в 11-м пехотном полку в Туле.

Опубликованы временные правила об университетской «автономии».

В Севастополе военно-морским судом приговорены за участие в восстании на «Георгии Победоносце» 3 матроса к смертной казни, 19 — к каторге, 33 — к арестантским ротам.

10 (28 августа)

Большой митинг и демонстрация в Кобулетах (в Аджарии).

В Баку убит провокатор Левинсон.

Митинг в Уайтчепеле, в Лондоне, организованный местной группой РСДРП по поводу учреждения Государственной думы.

11 (29 августа)

Большой митинг в Батуме. Рабочий митинг в Тифлисе, в здании городской думы; расстрел собравшихся рабочих казаками.

12 (30 августа)

Летучий митинг протеста против смертного приговора над участниками восстания на «Георгии Победоносце» в Севастополе.

13 (31 августа)

Забастовка и уличный митинг в Ченстохове в связи с похоронами рабочих, погибших во время пожара на заводе Ляндау; митинг на кладбище.

Закрыт администрацией при содействии военной силы съезд финляндских конституционалистов.

14 (1 сентября)

Всеобщая забастовка протеста против побоища 11 сентября (29 августа) в Тифлисе.

16 (3)

В Севастополе казнены матросы Кашуба и Денега за участие в восстании на «Георгии Победоносце».

17 (4)

Демонстрация во Владикавказе. Белосток и Белостокский уезд объявлены на военном положении.

18 (5)

«Беспорядки» в бердянской тюрьме.

19 (6)

Начало забастовки фармацевтов в Петербурге. Начало забастовки кожевников в Сморгони.

«Беспорядки» в орловской губернской тюрьме.

20 (7)

Вооруженное нападение на рижскую тюрьму с целью освобождения политических заключенных, устроенное при участии рижских социал-демократических организаций; освобождены 2 социал-демократа, 2 надзирателя убиты, 3 ранены.

22 (9)

Демонстрация на похоронах убитого хулиганами рабочего в Николаеве; избивание полиции рабочими. В малмыжском уезде, Вятской губернии, крестьянами убиты исправник, помощник исправника, становой пристав и несколько стражников.

23 (10)

Манифестация в Волковышках. Попытка демонстрации в Риге. В Нитау (в Лифляндии) убит пастор Шиллинг.

24 (11)

Митинг при закрытии съезда психиатров в Киеве; выступали социал-демократы; развернуто красное знамя. В Баку состоялось армяно-татарское совещание; постановлено созвать всекавказский съезд армян и татар.

В Порхове убит управляющий имением Вальдмана. Избиение рабочих солдатами во время собрания в Полоцке.

В Москве открылся съезд земских и городских деятелей, продолжавшийся 4 дня.

27 (14)

В Москве началась забастовка типографских рабочих. Однодневная забастовка протеста против избияния рабочих 25 (12 сентября) в Полоцке.

Избиение публики полицией и казаками после лекции в Киеве.

Столкновение рабочих с полицией на заводе Глувштейна в Киеве.

30 (17)

В Петербурге состоялось совещание представителей профсоюзов по вопросу о подготовке к Всероссийскому съезду профсоюзов и обществ взаимопомощи.

В середине сентября состоялась конференция всех социал-демократических организаций России по вопросу о выборах в Государственную думу, высказавшаяся за бойкот выборов. Студенческие сходки по всей России принимают резолюции о прекращении забастовок в целях использования помещений учебных заведений для открытых митингов.

РАБОТА ЛОЦИА В 1935 ГОДУ

Ленинградское отделение Центрального института архива (ЛОЦИА), имея в своем распоряжении исключительно ценный документальный материал почти всех центральных учреждений царской России XIX—XX вв., развернуло свою научно-исследовательскую работу в четырех направлениях:

1) по линии документальной публикации по темам, связанным с историей России и народов СССР;

2) по линии политической агитации и пропаганды путем устройства выставок документального материала, как стационарных в специально оборудованном помещении ЛОЦИА, так и «передвижек», устраиваемых в связи с юбилейными датами в музеях, театрах, домах культуры;

3) по линии углубленного освоения всего хранимого материала путем составления подробных архивных обзоров по фондам (два из таких обзоров печатаются: фонд петербургского генерал-губернатора 1905 года — в «Истории пролетариата» и фонд Главного управления по делам печати — в «Литературном наследстве»);

4) по линии выявления архивных материалов по специальным заданиям на отдельные темы.

Научная публикация документального материала идет как по линии обработки отдельных документов, так, особенно, по составлению целых документальных сборников, снабженных статьями, комментариями и другим справочным аппаратом. Первый ряд публикаций, предназначенных для современных периодических изданий («Красный архив», «Историк-марксист», «Литературное наследство», «Антирелигиозник»), в текущем году касается преимущественно тем, связанных с юбилейной датой революции 1905 г. Отметим

важнейшее: «Объезд сатрапа. Дубасов в Черниговской губ.» — «Восстание киевского гарнизона в 1907 г.» — «Восстание 7-го кав. полка в Тамбове» — «Морские охранные батальоны в Прибалтике» — «Ноябрьское восстание в Сызданополе» — «Цусима» — «Церковь и революция 1905 г.» — «Солдатские письма 1905 г.» — «Открытие мошей Павла тобольского и Питирима тамбовского» и др. Дана также большая публикация для специального номера «Литературное наследство» на тему «Французские писатели в царской цензуре». Намечен ряд публикаций по истории эпохи реакции и подъема империалистической войны, Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны.

Документальные сборники ЛОЦИА касаются главным образом следующих тем: 1) история массового движения («Революционное движение в царской армии 1826—1880 гг.» — «Крестьянские восстания и волнения с конца XVIII в. по 1917 г.» — «Октябрьская железная дорога 1840—1917 гг.»; 2) история колониальной политики царизма («Колониальная политика на Камчатке и Чукотке в XVIII в.»; «Колониальная политика царизма в Бурято-Монголии XVIII—XIX вв.»; «Борьба за овладение северозападным путем»; «Хроника Арктики»; «Экономика дома Романовых»); 3) история Октябрьской революции и гражданской войны («Петроградский гарнизон в 1917 г.» — «Черноморский флот в Октябрьской революции и гражданской войне» — «Волжско-Каспийская флотилия в гражданской войне»). Юбилей 1905 года выдвинул сборники: «Восстание киевских саперов в 1905—1907 гг.» — «Церковь и революция 1905 г.» — «Крестьянство в Центральночерноземной обл. в 1905 г.» — «Борьба царизма с революцией 1905 г.» Наконец, ввиду почти полного отсутствия документального материала по истории церкви ЛОЦИА, располагая малоиспользованным архивом б. Синода, связав-

В Порхове убит управляющий имением Вальдмана. Избиение рабочих солдатами во время собрания в Полоцке.

В Москве открылся съезд земских и городских деятелей, продолжавшийся 4 дня.

27 (14)

В Москве началась забастовка типографских рабочих. Однодневная забастовка протеста против избиения рабочих 25 (12 сентября) в Полоцке.

Избиение публики полицией и казаками после лекции в Киеве.

Столкновение рабочих с полицией на заводе Глувштейна в Киеве.

30 (17)

В Петербурге состоялось совещание представителей профсоюзов по вопросу о подготовке к Всероссийскому съезду профсоюзов и обществ взаимопомощи.

В середине сентября состоялась конференция всех социал-демократических организаций России по вопросу о выборах в Государственную думу, высказавшаяся за бойкот выборов. Студенческие сходки по всей России принимают резолюции о прекращении забастовок в целях использования помещений учебных заведений для открытых митингов.

РАБОТА ЛОЦИА В 1935 ГОДУ

Ленинградское отделение Центрального института архива (ЛОЦИА), имея в своем распоряжении исключительно ценный документальный материал почти всех центральных учреждений царской России XIX—XX вв., развернуло свою научно-исследовательскую работу в четырех направлениях:

1) по линии документальной публикации по темам, связанным с историей России и народов СССР;

2) по линии политической агитации и пропаганды путем устройства выставок документального материала, как стационарных в специально оборудованном помещении ЛОЦИА, так и «передвижек», устраиваемых в связи с юбилейными датами в музеях, театрах, домах культуры;

3) по линии углубленного освоения всего хранимого материала путем составления подробных архивных обзоров по фондам (два из таких обзоров печатаются: фонд петербургского генерал-губернатора 1905 года — в «Истории пролетариата» и фонд Главного управления по делам печати — в «Литературном наследстве»);

4) по линии выявления архивных материалов по специальным заданиям на отдельные темы.

Научная публикация документального материала идет как по линии обработки отдельных документов, так, особенно, по составлению целых документальных сборников, снабженных статьями, комментариями и другим справочным аппаратом. Первый ряд публикаций, предназначенных для современных периодических изданий («Красный архив», «Историк-марксист», «Литературное наследство», «Антирелигиозник»), в текущем году касается преимущественно тем, связанных с юбилейной датой революции 1905 г. Отметим

важнейшее: «Объезд сатрапа. Дубасов в Черниговской губ.» — «Восстание киевского гарнизона в 1907 г.» — «Восстание 7-го кав. полка в Тамбове» — «Морские охранные батальоны в Прибалтике» — «Ноябрьское восстание в Сызданополе» — «Цусима» — «Церковь и революция 1905 г.» — «Солдатские письма 1905 г.» — «Открытие мошей Павла тобольского и Питирима тамбовского» и др. Дана также большая публикация для специального номера «Литературное наследство» на тему «Французские писатели в царской цензуре». Намечен ряд публикаций по истории эпохи реакции и подъема империалистической войны, Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны.

Документальные сборники ЛОЦИА касаются главным образом следующих тем: 1) история массового движения («Революционное движение в царской армии 1826—1880 гг.» — «Крестьянские восстания и волнения с конца XVIII в. по 1917 г.» — «Октябрьская железная дорога 1840—1917 гг.»; 2) история колониальной политики царизма («Колониальная политика на Камчатке и Чукотке в XVIII в.»; «Колониальная политика царизма в Бурято-Монголии XVIII—XIX вв.»; «Борьба за овладение северовосточным путем»; «Хроника Арктики»; «Экономика дома Романовых»); 3) история Октябрьской революции и гражданской войны («Петроградский гарнизон в 1917 г.» — «Черноморский флот в Октябрьской революции и гражданской войне» — «Волжско-Каспийская флотилия в гражданской войне»). Юбилей 1905 года выдвинул сборники: «Восстание киевских саперов в 1905—1907 гг.» — «Церковь и революция 1905 г.» — «Крестьянство в Центральночерноземной обл. в 1905 г.» — «Борьба царизма с революцией 1905 г.» Наконец, ввиду почти полного отсутствия документального материала по истории церкви ЛОЦИА, располагая малоиспользованным архивом б. Синода, связав-

шись с Центральным антирелигиозным музеем, развернуло работу и по этому разделу. Помимо указанных выше публикаций сотрудники ЛОЦИА выявили и подобрали документальный материал на темы: «Церковь и наука», «Церковь и реакция», «Мощи и чудотворные иконы», «Миссионерская деятельность церкви», «Церковные доходы». В настоящее время готовится большой документальный сборник «Церковь и колониальная политика царизма».

По линии агитмассовой работы ЛОЦИА в 1934 году была подготовлена и открыта исключительно на своем материале, большая выставка «Церковь и царизм» и в настоящее время готовится такая же выставка, посвященная революции

1905 года. Помимо этого, ЛОЦИА в помещении петергофских дворцов-музеев организовало несколько документальных выставок, являющихся фоном для музейной экспозиции. Таковы: «Первая русская революция», «Империалистическая война», «Охрана Николая II», «Бюджет империалистического двора в XVIII в». Наконец, в помещениях архивов внутренней политики и морского был устроен ряд летучих выставок для учебных экскурсий студентов вузов.

В текущем году подготовлено к изданию «Руководство по архивному делу», первый выпуск которого — «Техника и методика архивного дела» Г. К. Князева — выйдет из печати не позднее осени 1935 года.

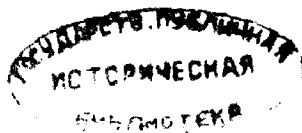
ОПЕЧАТКИ

В № 6 нашего журнала за 1935 год на стр. 70, правая колонка, 28-я строка сверху, следует читать: «около 30 тыс.».

На стр. 74, левая колонка, 24-я строка сверху, следует читать: «в союзах строительных и сельскохозяйственных рабочих».

В № 7—8, на стр. 241, правая колонка, 17-я строка снизу, следует читать: «в 1895 году».

Редакция.

шись с Центральным антирелигиозным музеем, развернуло работу и по этому разделу. Помимо указанных выше публикаций сотрудники ЛОЦИА выявили и подобрали документальный материал на темы: «Церковь и наука», «Церковь и реакция», «Мощи и чудотворные иконы», «Миссионерская деятельность церкви», «Церковные доходы». В настоящее время готовится большой документальный сборник «Церковь и колониальная политика царизма».

По линии агитмассовой работы ЛОЦИА в 1934 году была подготовлена и открыта исключительно на своем материале, большая выставка «Церковь и царизм» и в настоящее время готовится такая же выставка, посвященная революции

1905 года. Помимо этого, ЛОЦИА в помещении петергофских дворцов-музеев организовало несколько документальных выставок, являющихся фоном для музейной экспозиции. Таковы: «Первая русская революция», «Империалистическая война», «Охрана Николая II», «Бюджет империалистического двора в XVIII в». Наконец, в помещениях архивов внутренней политики и морского был устроен ряд летучих выставок для учебных экскурсий студентов вузов.

В текущем году подготовлено к изданию «Руководство по архивному делу», первый выпуск которого — «Техника и методика архивного дела» Г. К. Князева — выйдет из печати не позднее осени 1935 года.

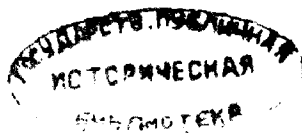
ОПЕЧАТКИ

В № 6 нашего журнала за 1935 год на стр. 70, правая колонка, 28-я строка сверху, следует читать: «около 30 тыс.».

На стр. 74, левая колонка, 24-я строка сверху, следует читать: «в союзах строительных и сельскохозяйственных рабочих».

В № 7—8, на стр. 241, правая колонка, 17-я строка снизу, следует читать: «в 1895 году».

Редакция.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ журнала „БОРЬБА КЛАССОВ“

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

В целях устранения причин, нарушающих своевременную аккуратную доставку журнала „Борьба классов“, издательство обращается ко всем подписчикам журнала с просьбой ответить на следующие вопросы:

1. Аккуратно ли вы получаете журнал (все ли номера получили, а если не получили, то указать, какие не получены)

2. Когда получены №№ 6, 7—8 „Борьбы классов“ (указать точно дату и месяц)

3. Обращались ли с жалобой на неполучение журнала на почту или в „Союзпечать“, и как они на это реагировали

4. Фамилия, имя, отчество подписчика

5. Профессия

Подробный адрес

Заполнив этот вопросник, просьба сложить его в 2 сгиба и без марки опустить в почтовый ящик.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

СОДЕРЖАНИЕ

В. ЖЕБРОВСКИЙ — Пламенные страницы истории партии	1
К 40-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ФР. ЭНГЕЛЬСА	
ЭЛЕОНОРА МАРКС — Фридрих Энгельс	11
ПОЛЬ ЛАФАРГ — Воспоминания о Фридрихе Энгельсе	19
К 30-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1905 Г.	
М. КАЛЬВАРИ — Батраки „его величества“	24
ИЗ ИСТОРИИ СССР	
С. ОКУНЬ — Политика русского царизма на Тихом океане	34
ИЗ ИСТОРИИ ЛЕНИНГРАДА	
З. БОРИСОВ — Гражданская казнь Чернышевского	44
А. БЕРКЕВИЧ — Петербургский пролетариат в дни объявления войны 1914 г.	50
Н. ХОМУТЕЦКИЙ — Советская архитектура и Ленинград	61
ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СССР	
В. СУЗДАЛЬЦЕВА — Большевицкая агитация на севере среди оккупационных войск	71
СРЕДНЯЯ ИСТОРИЯ	
И. РАЙГОРОДСКИЙ — Как Генрих IV пошел в Каноссу	80
НОВАЯ ИСТОРИЯ	
Ю. КРАСОВСКИЙ — Фома Кампанелла и его социальная утопия	90
А. ШАПИРО — Борьба Италии за объединение	102
БИБЛИОГРАФИЯ	
П. ГАЛКИНА — А. Маленький. 1905 год	116
Р. ТАГИРОВ — Некоторые замечания о „Малой советской энциклопедии“	118
МОРОХОВЕЦ — Хроника событий 1905 года	120
Работа ЛОЦИА в 1935 году	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Б. М. ВОЛИН (отв. редактор), А. М. ПАНКРАТОВА (зам. отв. редактора), О. С. ВЕЙЛАНД (отв. секретарь), С. С. БАНТКЕ, Т. М. ДУБЫНА, Л. Е. ФРУГ, Ф. Б. ФРУМКИНА.

ЗАВ. РЕДАКЦИЕЙ **В. П. ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО**

ЗАВ. ХУДОЖ. ОТД. **ЯНОШ**

Адрес редакции: Москва, Сретенка, 1. Тел. 4-85-62. Прием в редакции от 10 до 3 дня
Уполномоченный Главлита № 13572 Издательский № 941 Заказ 1937 Тираж 31 000
Материал сдан в набор 28/VIII 1935 г. Подписан к печати 3/X 1935 г. 4 бум. листа. 160 000 зн. в бум. листе

Типография газеты „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 8.